

Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр
**Институт социально-экономических
и энергетических проблем Севера**
Институт языка, литературы и истории

Всероссийская научно-практическая конференция

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ,
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА СЕВЕРЕ РОССИИ**

24-25 декабря 2013 г.

Сыктывкар

Часть II

Сыктывкар 2013

УДК 314:316:332:94 (470-17)(063)

Социально-экономические, демографические и исторические исследования на Севере России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (24-25 декабря 2013 г., Сыктывкар): в 2 ч. – Сыктывкар, 2013. – Ч. II. – 161 с.

В сборнике представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции, организованной Институтом социально-экономических и энергетических проблем Севера и Институтом языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН в рамках празднования 25-летия создания Института социально-экономических и энергетических проблем Севера, 75-летия организации Коми научного центра и посвященной видному ученому и организатору науки, заслуженному деятелю науки и техники РСФСР, заслуженному работнику народного хозяйства Коми АССР, доктору экономических наук, профессору Подоплелову Владиславу Павловичу. В конференции приняли участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Якутска, Барнаула, Екатеринбурга, Апатит, Петрозаводска, Ижевска, Вологды, Ухты и Сыктывкара. Рассматривались вопросы регионального развития, инновационные подходы к управлению северной экономикой, состояние и перспективы развития человеческого и трудового потенциалов, проблемы миграции и демографического развития и др.

Сборник предназначен для исследователей в области общественных наук, государственных служащих, специалистов-практиков, аспирантов, магистрантов, студентов и всех тех, кто интересуется социально-экономическими и историческими проблемами северных территорий России.

Публикуемые материалы представлены в авторской редакции.

Ответственные редакторы
д.э.н. Л.А. Попова, д.э.н. В.В. Фаузер

ISBN 978-5-87237-959-1

© Авторы докладов, 2013
© Коми НЦ УрО РАН, 2013
© ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН, 2013
© ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНИ КОМИ АССР В 1930-е – 1960 гг.

Д.В. Милохин, к.и.н.

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

В настоящее время научную актуальность вновь приобретают вопросы теории и практики модернизации российского общества, особенно – проведенной в XX в. Именно в данный период, в кратчайшие по историческим меркам сроки, страна вышла на качественно новый уровень развития, преодолев аграрную стадию и перейдя по ряду определяющих показателей на уровень передовых индустриально-развитых обществ.

Проведенное в 2010-2012 гг. коллективом историков Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН исследование «Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, факторы, цели, содержание, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона» существенно продвинуло изучение масштабов и глубины проходивших в ходе советской модернизации общественно-экономических процессов в регионе. Основной его вывод заключается в том, что результатом модернизации стал значительный социальный прогресс Республики Коми, выраженный в развитии новых отраслей промышленности, транспорта, урбанизации, применении новых технологий хозяйствования, развитии социальной инфраструктуры, изменении качества жизни населения, трансформации политической системы и традиционной культуры. В связи с этим не мог не измениться и демографический облик Республики. Именно в советский период был отмечен наибольший рост числа ее жителей, особенно городского населения, изменение соотношения различных демографических категорий.

Рост населения был обусловлен, преимущественно форсированной индустриализацией края, привлекавшей крупные миграционные потоки, формировавшиеся как внутри региона, так за его пределами (не всегда в добровольном порядке).

При этом, как это часто бывает, плоды общественного прогресса – привлекательны и желанны, однако путь к ним лежит через серьезные социальные сдвиги и потрясения. Так и в случае советской модели модернизации – социальная цена ее была достаточно высока. Прежде всего, это касается судьбы российской деревни в целом, и коми деревни в частности, которой была уготована роль основного внутреннего источника необходимых ресурсов для модернизации – людских, материальных, финансовых.

Экономику движут люди, поэтому рабочая сила является одним из ключевых и особенно ценных ресурсов общества – ресурсом незаменимым, критически лимитирующим темпы социального развития.

Что представлял из себя данный показатель к началу рассматриваемого периода? К концу 1930-х гг. Коми АССР в демографическом плане представляла собой типичное аграрное общество, в котором сельское население составляет подавляющее большинство. Так, в 1939 г. сельское население Коми АССР составляло 90,9 % всех жителей (*Коми АССР 60 лет, 1981, с.4*).

К концу периода ситуация изменилась с точностью до наоборот – сельские жители из основной категории населения превратились в его меньшинство – уже в 1959 г. они составляли менее половины, точнее – 40,7% (*Коми АССР за 40 лет, 1961, с.28*).

Необходимо отметить, что этот показатель в республике в 1939 г. был значительно выше, а в 1959 г. наоборот – стал ниже, чем в целом по Союзу ССР, в котором доля сельских жителей сократилась более плавно и гораздо менее значительно – с 68% до 52%, соответственно (*Население СССР, 1980, с.3*). Таким образом, спецификой демографических изменений в Коми АССР стало существенное опережение темпов изменения пропорций между сельским и городским населением, в существенно более высокой степени, нежели в целом по стране.

При этом абсолютные цифры числа жителей показывают рост сельского населения Коми АССР за эти же годы на 14,5% – с 291,1 тыс. до 331,8 тыс. чел. (*Сквозников, Жеребцов и др., 2001, с.192*). Казалось бы, демографическая динамика крестьянского населения, несмотря на изменение пропорций, выглядит достаточно благополучной.

Однако, демографическая картина на селе будет совершенно искажена, если не учесть, что в сельской местности проживало не только крестьянское население. В это время в Коми АССР активно развивается лесная отрасль, что обуславливает активное развитие сети лесозаготовительных поселков, которые, естественно, к городским населенным пунктам не относились, хотя в них трудились и проживали фактически промышленные рабочие. Таким образом, значительная часть сельского, с точки зрения статистики тех лет, населения аграрным трудом не занималась, работая в лесной индустрии.

Соответственно, если рассматривать демографическую ситуацию в деревне, принимая во внимание лишь население, причастное к аграрному труду – т.е. крестьян (колхозников), то ситуация будет выглядеть совершенно по иному.

Анализ данных табл. 1 показывает, что в рассматриваемый период темпы снижения численности населения коми колхозной деревни были очень высокими: с 1940 г. по 1958 г. – т.е. всего за восемнадцать лет – сокращение составило 45% всего наличного населения.

Такие сверхвысокие темпы, безусловно, нельзя объяснить естественными причинами. Свое влияние оказали масштабные исторические события тех лет. Не только модернизация стала причиной сокращения населения коми деревни. Процесс обвального крестьянского исхода начала Великой Отечественной войны: наиболее резкое сокращение – на 24% (а среди мужчин – более чем в 3 раза) падает на первую половину 1940-х гг.

По постоянно уточняющимся данным, за годы войны свыше 20 тыс. тружеников коми села пополнили ряды защитников Родины. Только по двум мобилизациям в военные месяцы 1941 г. из семнадцати районов Коми АССР было призвано и отправлено на фронт 10514 колхозников, т.е. 40% всего трудоспособного мужского населения (*ГУРК «НАРК» Ф. 408, Оп. 1. Д. 85. Л. 1*). В армию ушло 683 работника МТС республики, что составляло 94% механизаторов, имевшихся в МТС на 26 июня 1941 г.

Как показывают данные таблицы, после окончания войны численность мужского населения начинает увеличиваться со своего минимума в 6968 чел.,

приходящегося на 1944 г. до 16734 чел. на 1958 г. Однако уровень 1940 г. в 27322 чел. достигнут не был. Масштабы и последствия данного явления в рассматриваемые годы были столь значительны, что в литературе часто вместо термина «бегство из деревни» употребляют более величественный и даже в какой-то степени библейский – «исход» (Димони, 1996, с.10). Численность наличного колхозного населения Коми АССР за 1946-1958 гг. сократилась на 22,5 %: со 126,6 тыс. человек, до 98,2 тыс.

Таблица 1
Наличное население колхозов Коми АССР в 1940-е – 1950-е гг. (чел.)

	1940	1942	1944	1946	1948	1950	1952	1954	1956	1958
Наличное население колхозов Коми АССР	179729	137008	132919	126586	119425	109516	105936	101232	100234	98172
В т.ч. трудоспособных мужчин	27322	9029	6968	12769	14137	15881	14262	14462	16397	16734
В т.ч. трудоспособных женщин	43708	42250	39825	38205	35260	34736	32718	30739	28913	26730

Источники: ГУРК «НАРК». Ф. 140, Оп.2. Д.1441. Л.38; Ф.408. Оп.1. Д.1954. Л.2; Александров А.Н., Габов Л.А., Калянова Т.Г. и др., Т.2, 1980, с.33; Сметанин А.Ф., 1985, с.228.

Продолжение «исхода» после войны можно объяснить перетоком рабочих рук в промышленность, а также ростом пассивного социального протеста против тяжких реалий труда и быта крестьянства в условиях колхозной системы. Он состоял в крайне низком уровне жизни колхозников, его значительном отставании от материального положения рабочих и служащих. Негативное влияние оказывало и униженное социально-правовое положение крестьян. Стремясь избежать экономического и правового гнета в рамках колхозной системы, крестьянство всеми силами пыталось покинуть деревню, или хотя бы изменить свой социальный статус, оставаясь проживать в сельской местности. Так, например, ежегодно из числа наличных трудоспособных работало в лесной промышленности, но проживало в колхозах от 12600 чел. в 1946 г. (24,7% от всех наличных трудоспособных) до 9217 чел. в 1958 г. (21,2%) (Александров, Габов, Калянова и др., 1980, л.34). В среднем по Союзу ССР удельный вес проживавших, но не работавших в артелях составлял 7-8% ко всему трудоспособному населению коллективных хозяйств (*История советского крестьянства, 1988, с.281*). Многие колхозы Коми АССР в рассматриваемый период были обеспечены рабочей силой только на 25-30 процентов от принятых норм (ГУРК «НАРК» хран.2. Ф. 1, Оп. 1. Д. 609. Л. 48).

Ежегодно сотни колхозников покидали деревню без разрешения правлений артелей, т.е. «самовольно». Так, в Сторожевском районе Коми АССР в 1949 г. нелегально, выехало из колхозов 43,4 % всех ушедших трудоспособных

колхозников (*Димони, 1996, с.11*). Эта проблема была актуальна и для других районов Коми АССР.

В условиях Коми АССР ушедшие крестьяне стремились попасть, главным образом, в лесозаготовительную промышленность. Кроме того, они перемещались в транспортные, строительные и другие организации.

Масштабы данного перемещения были весьма велики – с 1946 до 1952 г. свыше 10 тыс. человек колхозников республики выбыло в постоянные кадры промышленности. Постепенно этот процесс сокращался. Начиная с 1953 года и до конца 1958 г. число колхозников, выбывших по восстановленной после войны системе оргнaborа в промышленность, составило всего 1318 человек (*Александров, Габов, Калянова и др., 1980, л.33*). Этому способствовала и реализация Постановления Совета Министров СССР от 28 ноября 1951 г. «Об упорядочении проведения организованного набора рабочих в колхозах», согласно которому предприятиям запрещалось принимать на работу колхозников без соответствующего на то разрешения со стороны правлений (*РГАЭ. Ф. 9476, Оп. 1. Д. 1219. Л. 208*).

Наибольшему сокращению за период 1946-1958 гг. подверглась категория подростков от 12 до 16 лет: с 15,5 тыс. чел., до 4,9 тыс., или более чем в три раза (табл. 2).

Таблица 2
Число подростков от 12 до 16 лет в колхозах Коми АССР

	1940	1942	1944	1946	1948	1950	1952	1954	1956	1958
Число подростков от 12 до 16 лет	17466	14317	16269	14650	12630	11928	10328	9700	6960	4611

Источники: ГУРК «НАРК». Ф. 140, Оп.2. Д.1441. Л.38; Ф.408. Оп.1. Д.1954. Л.2; Александров А.Н. Габов Л.А., Калянова Т.Г. и др., Т.2, 1980, с.33; Сметанин А.Ф., 1985, с.228.

Столь сокрушительное сокращение численности подростков (на 10,6 тыс. чел.) было вызвано во многом увеличением набора в ремесленные училища и школы ФЗО (фабрично-заводского обучения), которые комплектовались в значительной степени за счет сельской молодежи. Например, за период 1940-1949 гг. в ремесленные училища и школы ФЗО было направлено из колхозов 14620 юношей и девушек (*ГУРК «НАРК» хран.2. Ф. 1, Оп. 1. Д. 609. Л. 47*). С другой стороны, на данный процесс влияло уменьшением рождаемости в военное время, 12-16 летние – это дети войны (*Александров, Габов, Калянова и др., 1980, л.34*).

Процесс «исхода» крестьян из деревни самым негативным образом отражался на состоянии трудовых ресурсов колхозов Коми АССР, а следовательно и на всем сельскохозяйственном производстве. Республиканские хозяйствственные органы в 1946 г. отмечали, что в колхозах распространено «затягивание полевых работ и несоблюдение лучших агротехнических сроков. Так, весной вспашка затянулась до 1 июля, подъем паров – до 1 августа, уборка комбайнами зерновых – до 1 октября и т.д.» (*ГУРК «НАРК». Ф. 140, Оп. 2. Д. 2681. Л. 47*). В докладной записке Коми областного комитета ВКП (б) в ЦК ВКП (б) на имя Г.М.Маленкова от 13 января 1949 г. отмечалось, что в республике «основными причинами отставания сельского хозяйства в колхозах являются острой недостаток рабочей силы и плохая техническая оснащенность МТС и колхозов тракторами и сельхозмашинами». Далее сообщалось, что «из года в год

сокращается количество колхозных дворов, если в 1940 г. было 51285 колхозных дворов, то в настоящее время осталось 40707. Количество взрослых трудоспособных колхозников уменьшилось с 82 тыс. чел. до 41,3 тыс. чел. В то же время число рабочих и служащих (без лагерей МВД) увеличилось с 52280 чел. до 109850 чел. ... за последние годы большое количество трудоспособных колхозников и рабочих лошадей колхозов привлекается на осенне-зимний сезон лесозаготовок и сплавные работы. Если в 1940 г., при наличии в колхозах 82 тыс. трудоспособных колхозников, привлекалось на лесозаготовки до 10 тыс., то в настоящее время из 41 тыс. трудоспособных колхозников привлекается 18 тыс. человек. Кроме того, на обслуживании лесозаготовок (подвозка фуражка, продовольствия и уход за лошадьми) работают до 4 тыс. чел. На сезонной охоте, рыбной ловле, в различных геологоразведочных партиях и перевозке почты ежегодно занято до 5 тыс. колхозников. Таким образом, свыше 26 тыс. человек, то есть 65% ежегодно с октября по апрель месяц на колхозном производстве не участвуют. Весной и летом на сплаве леса также работают до 8 тыс. трудоспособных колхозников. В осенне-зимний и весенний периоды в колхозах остается только 15 тыс. человек трудоспособного населения, тогда как по нормам, установленным Советом Министров СССР постановлением от 19 апреля 1948 г., на обслуживание одного лишь животноводства, вместе с оленеводством, требуется минимум 12 тыс. человек. В виду острого недостатка рабочей силы в большинстве колхозов за одной скотницей закреплено 16-20 коров, а за конюхом 15-20 рабочих лошадей, а работники, кроме ухода за скотом, должны подвозить корма, воду, дрова, вывозить навоз и убирать помещения... Все это привело к тому, что за последние годы колхозы не справляются с выполнением важнейших сельскохозяйственных работ, затягивают весенний и озимый сев, упрощают агротехнику, допускают большие потери урожая, не обеспечивают сбора необходимого количества кормов (*ГУРК «НАРК» хран.2. Ф. 1, Оп. 1. Д. 609. Л. 49.*).

Необходимо отметить, что ситуация с обеспеченностью трудовыми ресурсами колхозов была несколько смягчена после реформ 1953 г., когда благодаря государственной поддержке в деле «повышения материальной заинтересованности» колхозников в результатах своего труда, работа в «общественном хозяйстве» стала более социально-привлекательной. В период с 1953 г. по 1958 гг. наблюдался непрерывный приток в колхозы Коми АССР наиболее дееспособной категории работников – взрослых мужчин (с 8,7 тыс. чел. до 11,2 тыс.) (табл. 1). В 1958 г. председатель колхоза «Заря коммунизма» Сыктывдинского района И.Данилов со страниц печати сообщал, что «многие колхозники возвратились в артель. На сельскохозяйственном производстве остаются юноши и девушки. Это отрадное явление. Но молодежи в колхозе пока мало» (*Красное Знамя, 1958, 15 февр.*).

Таким образом, феномен сверхвысокой убыли сельского населения Коми АССР в 1940-е – 1950-е гг. можно объяснить тремя факторами: мобилизацией в период Великой Отечественной войны мужского населения в армию и флот, перетоком рабочей силы в растущую промышленность, прежде всего – на лесозаготовки, и, наконец, ростом пассивного социального протesta против тяжких условий колхозной системы – в виде бегства из деревни.

Охранительные меры со стороны государства (паспортная система) распространялись лишь на третью причину, в первых двух случаях, наоборот, ис-

ход стимулировался. В силу этого процесс интенсивного сокращения численности коми колхозного крестьянства в рассматриваемые годы шел непрерывно. Пик бегства пришелся на конец 1940-х – начало 1950-х гг. – период системного кризиса колхозной деревни, истощения ее ресурсов.

Литература

1. Александров А.Н., Габов Л.А., Калянова Т.Г. и др. Советское крестьянство и сельское хозяйство Коми АССР в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму (1938-1975). – Сыктывкар, 1980 / Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 254.
2. ГУРК «НАРК» Ф. 408.
3. ГУРК «НАРК» хран.2. Ф. 1.
4. ГУРК «НАРК». Ф. 140.
5. Димони Т.М. Социальный протест в колхозной деревне 1945-1960 гг. (На материалах Европейского Севера России): Автореф. дисс.... канд. истор. наук. – Вологда, 1996.
6. История советского крестьянства. – М., 1988. Т.4.
7. Коми АССР 60 лет. Статистический сборник. – Сыктывкар, 1981. – С.4.
8. Коми АССР за 40 лет. Статистический сборник. – Сыктывкар, 1961. – С.28.
9. Газета «Красное Знамя», 1958 г., 15 февраля.
10. Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. – М., 1980.
11. РГАЭ. Ф. 9476.
12. Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П. Население республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи). – Сыктывкар, 2001.
13. Сметанин А.Ф. Колхозы, колхозное крестьянство Коми АССР в предвоенные годы (1938-июнь 1941): Дис.... канд. истор. наук. – Сыктывкар, 1985 / Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф.5. Оп.2. Д.359.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ И ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ ПЕРИФЕРИЙНЫХ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ РЕСПУБЛИКИ КОМИ*

В.В. Терентьев, к.э.н., А.С. Пономарева
ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

К периферийным сельским районам Республики Коми отнесены Усть-Цилемский, Ижемский, Удорский, Троицко-Печорский, Усть-куломский и Койгородский (Пономарева, 2011, с.41). Периферийные сельские районы охватывают значительную часть республики, обладают высоким природным, демографическим, экономическим и историко-культурным потенциалом, использование которых при определенных условиях и параметрах могло бы существенно способствовать решению проблем воспроизводства населения и

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Коми, научный проект № 13-12-11001 а/С

трудовых ресурсов этой зоны. Периферийные сельские районы республики в 2011 г. имели 146,8 тыс. га земель сельскохозяйственного назначения, в том числе 21,0 тыс. га пашни. Отметим также насыщенность лесными, минерально-сырьевыми, водными ресурсами, наличие памятников природного и культурного наследия. На долю периферийных сельских районов приходится 11,0% населения республики, 41,1% сельского населения. В периферийных сельских районах имеется 239 сельских населенных пунктов или 33,2% общей их численности. Муниципальное устройство представлено 75 поселений.

Для периферийных районов Республики Коми характерны низкая плотность населения, от 0,3 на кв. км в Троицко-Печорском и Усть-Цилейском районах до 1 жителя на кв. км в Ижемском и Усть-Куломском районах, мелко-селенность и редкая сеть населенных пунктов, неразвитость транспортных связей, низкий уровень развития социальной инфраструктуры и т.д. Больше половины (54,4%) всех сельских населенных пунктов составляют малые сельские населенные пункты – менее 200 жителей. На долю средних сельских населенных пунктов от 200 до 1000 чел. приходится 38,1%, больших, людностью выше 1000 чел., наиболее перспективных для дальнейшего развития и обладающих большими возможностями для расширения круга обслуживающих учреждений, приходится лишь 7,5%. Без населения оставались 14 сельских населенных пунктов, а в 63 (26,4%) сельских населенных пунктах проживает до 50 чел. Идет процесс обезлюдивания сельских территорий, переселение сельских жителей из мелких в крупные населенные пункты, имеющие более развитую социальную инфраструктуру, в райцентры.

В годы становления рыночных отношений социально-экономическим проблемам воспроизводства населения и трудовых ресурсов уделялось недостаточно внимания. И в настоящее время к основным проблемам воспроизводства населения и трудовых ресурсов относятся: ухудшение демографической ситуации, сокращение численности сельского населения, особенно трудового потенциала, и миграционный его отток; бедность сельского населения; высокий уровень безработицы; недостаток квалифицированных кадров; неудовлетворительные жилищные условия; недостаточное развитие социальной инфраструктуры; инженерного и транспортного обустройства села.

Демографическая ситуация в периферийных сельских районах Республики Коми носит сложный характер и по отдельным показателям резко ухудшается. За 1990-2012 гг. численность населения сократилась здесь на 45,8 тыс. чел. или 32,2%. Среди сельских административно-территориальных образований наибольшее сокращение за этот период произошло в Троицко-Печорском (50,6%), Усть-Куломском (35,0%), Койгородском (33,1%) районах. На рассматриваемой территории численность населения на начало 2013 г. насчитывала 96,5 тыс. чел. Наиболее высокие темпы снижения численности населения в 2012 г. были в Троицко-Печорском (3,7%) и Усть-Цилемском (3,2%) районах.

Произошли серьезные изменения в возрастной структуре населения в связи с отрицательным естественным приростом и миграционной убылью. Наблюдается интенсивное снижение не только демографического, но и трудового потенциала сельского населения, их старение. С 1989 г. по 2012 гг. во всех административно-территориальных образованиях уменьшилась доля

населения моложе трудоспособного возраста, увеличилась в трудоспособном возрасте и старше трудоспособного возраста. Например, в целом по населению периферийных районов республики численность лиц моложе трудоспособного возраста за 2002-2012 гг. изменилась с 25,5 до 19,6 тыс. чел., трудоспособного возраста с 70,8 до 60,2 тыс. чел., старше трудоспособного возраста осталась на уровне 18,8 тыс.чел. Серьезной угрозой для обеспечения устойчивого развития сельских территорий является снижение уровня замещения лиц пенсионного возраста сельской молодежью.

За период с 1990 г. по 2012 гг. в показателях рождаемости, смертности и естественного прироста населения произошли значительные изменения. За эти годы общий коэффициент рождаемости увеличился в трех сельских административно-территориальных образованиях: в Удорском с 13,5 до 15,0‰, Усть-Куломском с 13,9 до 22,2‰ и Койгородском районе с 14,9 до 17,0‰. В остальных районах произошло снижение этого показателя. Например, в Ижемском районе – с 20,5 до 19,9‰, в Усть-Цилемском – с 18,5 до 16,9‰, в Троицко-Печорском – с 14,6 до 14,0‰.

Неблагоприятное влияние на режим воспроизведения населения оказывает повышение смертности. За годы экономических реформ произошло снижение ожидаемой продолжительности жизни сельского населения. На всем протяжении исторического развития уровень смертности сельского населения был выше городского. Общий коэффициент смертности на селе за 1990-2012 гг. по периферийным сельским районам возрос с 8,6 до 16,2‰. Значительный рост общих коэффициентов смертности за 1990-2012 гг. произошел в Троицко-Печорском районе – с 7,5 до 16,0‰, в Койгородском районе с 8,1 до 18,9‰, в Усть-Куломском районе с 9,0 до 18,6‰, Ижемском районе с 9,8 до 16,5‰, в Усть-Цилемском – с 8,8 до 15,6‰. В Усть-Куломском, Койгородском и Троицко-Печорском и Ижемском районах показатель смертности в 2012 г. был выше показателя в среднем по сельской местности республики. Показатели естественной убыли населения были наивысшими в административно-территориальных образованиях: Троицко-Печорский, Ижемский, Койгородский районы.

Повышение уровня смертности в основном связано с низким уровнем медицинского обслуживания, более широкой распространностью алкоголизма, высоким уровнем смертей от несчастных случаев, самоубийств, убийств. Наиболее проблематичной причиной смертности на селе остаются болезни системы кровообращения, которые составляют ежегодно около половины всех умерших, на втором месте – внешние причины смертности: дорожно-транспортные происшествия, отравление алкоголем, убийства и самоубийства. Например, в Усть-Куломском смертность от алкогольных отравлений составляла 4,2%, а от самоубийств – 4,8%, от убийств – 3,0% от всех случаев смерти, в Ижемском районе, соответственно, 6,1, 7,2, и 2,0%.

Высокая смертность лиц в трудоспособном возрасте оказывает неблагоприятное воздействие на формирование и состав трудовых ресурсов. В 2010 г. преждевременные потери сельского населения трудоспособного возраста в периферийных сельских районах составили 45% общего числа умерших, преобладающая часть которых – мужчины (82%). Их смертность ежегодно почти в четыре раза превышает смертность женщин.

Низкий уровень и качество сельской жизни (низкие доходы сельского населения, неблагоприятные жилищные условия, состояние рынка труда и высокая безработица, недостаточный уровень развития социальной сферы и лучшие условия жизнедеятельности в городах) негативным образом сказываются на миграционных процессах села.

Только за 2011 г. по периферийным сельским районам миграционная убыль составила 2249 чел., за 2012 г. – 2034 чел. На долю выбывших в трудоспособном возрасте приходится в 2011 г. 77% от их общего числа, моложе трудоспособного возраста 15,2%, в 2012 г., соответственно, 77 и 16,4%. Причем с высшим профессиональным образованием выбыло в 2012 г. в 1,6 раза больше мигрантов, чем прибыло.

Две трети выбывших из сельской местности составляет молодежь, предъявляющая к условиям жизни более высокие требования, чем старшее поколение, которая, как правило, едет в город для получения профессионального образования, работы и с получением их остается работать в городе. Для сельского населения преобладающим является миграционные перемещения в пределах республики. Наиболее высокий коэффициент миграционной убыли в последние годы наблюдается в Усть-Цилемском, Ижемском, Удорском, Троицко-Печорском районах. Из Койгородского и Усть-Куломского районов многие жители уезжают жить в г. Сыктывкар, а из Усть-Цилемского, Ижемского, Троицко-Печорского районов переезжают в г. Ухта. В последнее время на данной территории происходят определенные позитивные изменения в демографической ситуации. Повышается рождаемость, снижается смертность, растет продолжительность жизни селян, снижается миграция населения.

В последние годы (2007-2011 гг.) среднедушевые денежные доходы в периферийных сельских районах были ниже половины городского уровня и средних показателей по Республике Коми. А в Ижемском, Усть-Куломском и Удорском районах среднемесячная зарплата работников сельского хозяйства к прожиточному минимуму составляла в 2011 г. всего 70-80%. Если в Сыктывдинском районе среднемесячная номинальная зарплата сельхозорганизаций составляла в 2011 г. 26,1 тыс. руб., то в Усть-Куломском – 5,9 тыс. руб., Ижемском – 7,1, Удорском – 7,3 тыс. руб. Вопросы оплаты труда сегодня – фундаментальная проблема экономического развития, воспроизводства населения и трудовых ресурсов, кадрового обеспечения сельской экономики.

Процесс реформирования сельской экономики породил новые, связанные с развитием рынка социально-экономические проблемы деревни. И среди них – проблему занятости населения и низкой квалификации кадров. Всего за 1989-2012 гг. из сельхозорганизаций периферийных районов республики вы свободилось более 10 тыс. чел., значительная часть которых вышла на пенсию, перешла в ЛПХ, в индивидуально-трудовую деятельность и т. д. На конец 2011 г. на учете граждан, не занятых трудовой деятельностью, в периферийных сельских районах состояло 2,8 тыс. чел. Напряженность на рынке труда составила 12,2 чел. на одну вакансию. Проблемой остается женская безработица.

В сельхозорганизациях периферийных районов в 2012 г. не имели высшего или среднего профессионального образования 18,1% руководителей и специалистов, 2,7% главных специалистов, 18,8% специалистов, кроме

главных, 46,0% руководителей среднего звена. Наблюдается высокая текучесть кадров.

Сокращение численности и ухудшение трудового потенциала, его старение может стать фактором, тормозящим экономический рост отраслей периферийных районов, усилить несбалансированность рынка труда. Уменьшение предложения рабочей силы может привести к усилению конкуренции за трудовые ресурсы и угрозе кадрового дефицита.

В годы экономических реформ обострилось положение в социальной сфере села в связи с сокращением строительства жилья, объектов здравоохранения, образования, культуры, бытового обслуживания, инженерной и транспортной инфраструктуры. Закрылись многие школы и дошкольные учреждения, магазины, предприятия общественного питания, комплексные приемные пункты. При реструктуризации сети бюджетных учреждений упор делается на экономию государственных расходов.

Центральная проблема социального развития села – жилищная. Индивидуальный жилой фонд, составляющий 76% общего жилого фонда, практически не имеет коммунальных удобств, и его значительная часть находится в ветхом и аварийном состоянии (27,9%). Остается низким уровень благоустройства сельского жилищного фонда. Так, например, по Ижемскому району в 2011 г. удельный вес жилья, оборудованного водопроводом, составлял 6%, канализацией – 3%, центральным отоплением 16%, горячим водоснабжением 2%, газом 0%, в Усть-Куломском районе, соответственно, 11, 11, 12, 4 и 0%. На селе много пустующих жилых домов. Однако они сосредоточены в основном в отдаленных и малых деревнях, где проживают преимущественно одинокие и малосемейные люди старших возрастов.

В периферийных сельских районах из-за влияния негативных демографических процессов, а также недостаточных финансовых возможностей сельских администраций за 1995-2011 гг. число постоянных дошкольных учреждений сократилось с 211 до 141, дневных общеобразовательных учреждений в 2 раза, число больничных учреждений – с 35 до 7, в них больничных коек в 2 раза, количество амбулаторно-поликлинических учреждений в 5 раз, количество учреждений культурно-досугового типа с 153 до 141 единиц, библиотек с 131 до 116. Сложная ситуация сложилась в розничной торговле, общественном питании, бытовом обслуживании населения.

Недостаточная обеспеченность сельского населения периферии могла быть компенсирована хорошей доступностью для жителей села крупных городских и сельских поселений, где имеется полный набор объектов, или развитием передвижных форм предоставления услуг. Но для многих районов характерны значительные расстояния от сел до центров, плохое качество дорог и недостатки транспортного обслуживания в сочетании с высокой дорожной оплаты за проезд, что ограничивает осуществлять эту связь.

Приоритетами решения социально-экономических проблем воспроизводства населения и трудовых ресурсов периферийных сельских районов Республики Коми являются: улучшение демографической ситуации на основе повышения уровня и качества жизни, роста доходов сельского населения; обеспечение занятости экономически активного сельского населения на основе развития экономики территории, повышение кадрового

потенциала; комплексное обустройство села, управление сельской территорией через федеральные, региональные и муниципальные комплексные целевые программы; многостороннее развитие на основе рационального использования природных, материально-технических, трудовых и финансовых ресурсов; преодоление обособленности города и села путем расширения и углубления их взаимосвязей, выравнивание территориальных социально-экономических различий при государственной поддержке; развитие социальной инфраструктуры, преодоление различий в уровне жизни сельчан и горожан; развитие местного самоуправления, широкое участие населения в решении проблем жизнедеятельности сельского сообщества (*Лаженцев, Терентьев, 2011, с.219-222*).

Решение проблемы социального обустройства села требует межведомственного подхода. Наряду с долгосрочной целевой республиканской программой «Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы», должна разрабатываться и реализовываться республиканскими государственными программами по развитию здравоохранения, образования, культуры и др. В указанных программах необходимо выделить мероприятия и показатели (целевые индикаторы), реализация которых предусматривается в сельской местности, и определить объемы их ресурсного обеспечения. Повышению эффективности использования государственных средств, выделенных на социальное обустройство села, будет способствовать предварительно проведенная паспортизация сельских населенных пунктов. Паспортизация поселений необходима и для разработки муниципальных программ устойчивого развития сельских территорий.

Ведущая роль в разработке и реализации социально-экономической политики устойчивого развития периферийных сельских районов на региональном уровне принадлежит Министерству экономического развития республики при тесном взаимодействии с Министерствами сельского хозяйства и продовольствия, промышленности и энергетики, здравоохранения, образования, природных ресурсов и охраны окружающей среды, финансов, Управлением по занятости населения, при тесном взаимодействии с другими органами управления субъекта федерации с привлечением ученых.

Литература

1. Лаженцев В.Н., Терентьев В.В. Проблемы и основные направления устойчивого развития сельских территорий (на примере Республики Коми) // Экономика региона. – 2011, №4. – С.213-223.
2. Пономарева А.С. Анализ экономической устойчивости сельского хозяйства периферийных районов Республики Коми // Актуальные вопросы местного самоуправления. – Сб. науч. статей. Вып. 3. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2011. – С.41-62.

**ФОРМИРОВАНИЕ СЕТИ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ
И ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
КОМИ АССР НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ
ЭКСТЕНСИВНОЙ УРБАНИЗАЦИИ: 1960-1980 ГОДЫ**

Н.П. Безносова

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

Процесс градообразования и динамика численности городского населения Коми АССР рассматривались в целом ряде научных монографий и статей (*Обедков, 1999; Обедков, 2000; Фаузер, Рожкин, Загайнова, 2001; Жеребцов, Безносова, 2004; Безносова, 2009 и др.*). Однако специальной работы, посвящённой урбанизационным процессам в 1960-1980-е гг. до настоящего времени не опубликовано. Между тем, к этому периоду, по определению А.Сенявского, относится постепенное завершение в СССР экстенсивной стадии урбанизации (*Сенявский, 2007, с.94*). Предметом рассмотрения в данной работе станет анализ таких показателей урбанизационного процесса как динамика численности и удельного веса городского населения в целом по республике и по отдельным городским поселениям, а также развитие сети городских поселений Республики Коми в период с конца 1950-х до конца 1980-х гг. (табл. 1).

Таблица 1
Развитие сети городских поселений Коми АССР в 1959-1989 гг.

Год	Число городских поселений			Число жителей в них			% к 1959 г.	
	Всего	В том числе		Всего, тыс. чел.	В том числе			
		города	поселки гор. типа		города	поселки гор. типа		
1959	38	7	31	100	484,0	289,5	194,5	100,0
1970	41	7	34	108	597,4	407,1	190,3	123,5
1979	54	7	47	142	793,5	517,5	276,0	163,9
1989	55	10	45	145	952,3	711,6	240,7	196,8

Составлено и рассчитано по: 2, с.2, 7

В 60-е годы темпы прироста населения в Коми по сравнению с предшествовавшими двумя десятилетиями существенно снизились. В числе главных факторов – миграционный отток из республики, вызванный двумя основными причинами: 1) отменой режима спецпоселений, в результате чего республику стали покидать граждане, депортированные сюда в годы сталинских репрессий; 2) отменой в 1960 г. ряда «северных» льгот, что сделало районы нового промышленного освоения менее притягательными и активизировало выезд мигрантов в районы выхода и регионы с более благоприятным климатом. Вместе с тем темпы роста населения в Коми оставались выше, чем в большинстве регионов страны. Так, за 1959-1970 гг. общий прирост населения Коми АССР составил 18,4%, РСФСР – 10,7%, СССР – 15,8% (*Региональная демография, 2003, с/39*). При этом в абсолютных величинах городское население Коми за одиннадцать лет возросло на 113,4 тыс. чел., или на 23,4%, а удельный вес горожан увеличился на 2,5% (с 59,4 до 61,9%). Т.е. имевшее в 60-е годы место отрицательное сальдо внешней миграции лишь замедлило темпы роста населения, не оказав серьёзного влияния на тенденцию в целом. Миграционный отток из городских поселений за пределы Коми АССР был компенсирован увеличе-

нием размеров внутренней миграции в направлении село-город и высоким естественным приростом.

Одновременно со снижением темпов роста городского населения замедлился и процесс градообразования. С 1959 по 1970 гг. в республике не возникло ни одного нового города. В 1963 г. был поднят статус Печоры, ставшей городом республиканского (АССР) подчинения. Развитие сети городских поселений происходило за счет увеличения числа городских поселков. На карте республики появилось 6 новых поселков: 1961 г. – п. Жешарт Усть-Вымского района; 1964 г. – п. Нижний Одес Ухтинского района; в 1965 г. – поселки Сейда, Советский, Воргашор Воркутинского района; в 1968 г. – п. Вуктыл Печорского района. В то же время три посёлка лишились городского статуса: в 1968 г. на базе п. Эжва (до 1963 г. п. Слобода) был образован Эжвинский район г. Сыктывкара; в 1969 г. на базе п. Горняцкий – соответственно, Горняцкий район г. Воркуты; в 1966 г. п. Хановей пригородной зоны г. Воркуты был переведен в разряд сельских поселений. К 1970 г. в республике насчитывалось 7 городов и 34 поселка городского типа, при этом в городах проживало 68,1% от общего числа горожен, в городских посёлках – 31,9%.

В 60-е годы определилась тенденция концентрации городского населения в крупных промышленных центрах и транспортных узлах, получившая развитие в последующие два десятилетия. В 1959-1970 гг. наблюдается стабильный рост населения всех городов Коми. Наиболее быстрыми темпами прирастало население районов нового освоения природных ресурсов и крупного промышленного строительства: в связи со строительством и вводом в эксплуатацию первой очереди Сыктывкарского лесопромышленного комплекса население Сыктывкарского горсовета увеличилось в 1,8 раза, разработка месторождений Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции вызвала рост населения Ухтинского горсовета в 1,7 раза. В разы выросло население вновь созданных поселков Советский (в 6 раз) и Воргашор (в 2,6 раза), входивших в состав Воркутинского горсовета, п. Жешарт Усть-Вымского района (в 1,4 раза). Многократно умножилось население вновь созданного п. Вуктыл Печорского района (с 44 до 7814 чел.).

Другой особенностью этого периода стало сокращение, в некоторых случаях стремительное, населения целого ряда городских поселков, динамично развивавшихся прежде. Чаще всего это было вызвано свёртыванием производственной базы в этих населённых пунктах. За 1959-1970 гг. снизилась численность населения в восьми из 12 поселков, входящих в черту Воркутинского горсовета (Елецком, Комсомольском, Мульде, Октябрьском, Промышленном, Северном, Сивомаскинском, Хальмер-Ю), в трех поселках Печорского района (Берёзовке, Каджероме, Косью), в двух – Ухтинского района (Войвоже, Ираёле), в двух – Княжпогостского района (Вожаёле и Тракте), во всех поселках Интинского района (Абези, Верхней Инте, Кожиме). Снижение населения наблюдалось также в п. Щельяюр Ижемского района, п. Кажим Койгородского района, п. Нижняя Омра Троицко-Печорского района, п. Нювчим Сыктывдинского района. Более других уменьшилось население Косью (почти в 6 раз), Абези (более чем в 4 раза), Кажима (более чем в 3 раза), почти наполовину сократилось число жителей в Мульде, Войвоже, Ираёле, Тракте. Всего в 60-е годы убыль населения зарегистрирована в 22 поселках, что повлекло за собой со-

кращение общего числа поселковых жителей (на 2,2%) и особенно их удельного веса в составе городского населения (с 40% в 1959 г. до 32% в 1970 г.).

Концепцией социально-экономического развития на 70-е годы предусматривалось дальнейшее интенсивное освоение природных богатств Коми. Для удовлетворения потребностей экономики нужны были дополнительные трудовые ресурсы. Принятие указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября 1967 г., восстановившего «северные» льготы почти в прежних размерах, активизировало приток в Коми внешних мигрантов. В связи с усиленным формированием Тимано-Печорского ТПК темпы роста городского населения вновь увеличились и значительно превысили аналогичные показатели по России (*Региональная демография, 2003, с.40*). За 1970-1979 гг. население Коми АССР возросло на 153,6 тыс. чел., при этом городское население увеличилось на 196,1 тыс. чел., или на 32,8%. Доля горожан в составе населения республики поднялась с 62,0 до 71,0%.

Наряду с естественным и миграционным приростом, источниками увеличения городского населения являлись преобразования в городские поселения сельских населенных пунктов в связи с их промышленным развитием и регистрация вновь возникших посёлков. В 70-е годы на карте республики появилось 11 новых поселков городского типа: в 1971 г. – п. Усогорск Удорского района, п. Усинск Печорского района; в 1975 г. – 8 поселков (поселки Путеец и Сыня Печорского района, п. Синдор Княжпогостского района, п. Троицко-Печорск одноименного района, п. Боровой пригородной зоны г. Ухты, п. Югыдъяг (бывшая Усть-Нем база) Усть-Куломского района, поселки Благоево и Междуреченск Удорского района); в 1976 г. – п. Шудаяг пригородной зоны г. Ухты. В 1975 г. образованы Вуктыльский и Усинский районы, центрами которых стали соответственно поселки Вуктыл и Усинск, в 1979 г. – Сосногорский район с административным центром в г. Сосногорске.

Формирование производительных сил продолжало определять динамику численности городского населения. Развитие нефтегазовой промышленности способствовало приросту населения Ухты за 1970-1979 гг. на 46%, наращивание мощностей Сыктывкарского ЛПК – населения Сыктывкара на 37%, введение в промышленную эксплуатацию шахты «Воргашорская» – населения Воркуты на 12%. Число жителей увеличилось во всех городах, за исключением Инты, где людность с 1970 г. практически не изменилась.

Росло и население поселков городского типа, которых в 1979 г. насчитывалось уже 47. Число жителей городских поселков выросло существенно – со 190,3 тыс. в 1970 г. до 276,0 тыс. чел. в 1979 г., а их удельный вес в составе горожан поднялся с 32 до 35%. Городских жителей стало больше в Княжпогостском, Печорском, Сосногорском, Усть-Вымском, Койгородском районах, более других – в Троицко-Печорском (в 3 раза), Вуктыльском (в 2,2 раза) районах. В Удорском районе, где в 1970 г. городское население отсутствовало, к концу десятилетия оно составляло уже 46,5%. Наибольшими темпами в 1970-1979 гг. прирастало население вновь созданного п. Усинск (с 0,7 до 19,5 тыс. чел.) и п. Вуктыл (с 7,8 до 16,8 тыс. чел.), что было вызвано развитием нефте- и газодобывающей промышленности. Только за 1976-1979 гг. прирост населения в трудоспособном возрасте в Усинске составил 65%, что в 9 раз превышало аналогичный средний показатель прироста по Коми АССР (*ГУ РК НАРК. Ф. 140. Оп. 4. Д. 1319. Л. 9*). В то же время в 70-е годы в 17 поселках зафиксировано

снижение числа жителей: поселках Берёзовке и Косью Печорского района, поселках Боровом и Ираёле Ухтинского района, п. Верхняя Инта Интинского района, поселках Елецком, Заполярном, Комсомольском, Мульде Октябрьском, Промышленном, Сивомаскинском, Хальмер-Ю Воркутинского горсовета, п. Нижняя Омра Троицко-Печорского района, п. Нювчим Сыктывдинского района, п. Щельяюр Ижемского района, п. Югыдъяг Усть-Куломского района.

80-е годы характеризуются для республики дальнейшим ростом численности населения. По-прежнему опережающими темпами росло городское население. При общем росте численности населения Коми АССР за 1979-1989 гг. на 12,7%, городское население увеличилась на 20% (на 158,6 тыс. чел., в том числе за счёт естественного прироста – на 106 тыс., за счёт миграционного – на 49,7 тыс., в результате преобразования сельских населённых пунктов в городские – на 2,9 тыс.). В это десятилетие появилось три новых города: 20 июля 1984 г. п. Усинск был отнесен к категории городов республиканского (АССР) подчинения; 21 августа 1984 г. п. Вуктыл преобразован в город районного подчинения, а 17 июля 1989 г. – в город республиканского (АССР) подчинения; 2 августа 1985 г. п. Железнодорожный Княжпогостского района был отнесен к категории городов районного подчинения с присвоением ему наименования город Емва. Кроме того, г. Сосногорск приобрел статус города республиканского (АССР) подчинения (17 июля 1989 г.). Возникли также два новых поселка городского типа: в 1981 г. – п. железнодорожников Изъяю Печорского района; в 1984 г. – зарегистрирован вновь образованный п. Верхнеколвинск Усинского района. Отдельно следует сказать об изменениях административного статуса поселков Краснозатонский и Верхняя Максаковка пригородной зоны г. Сыктывкара: п. Верхняя Максаковка был образован 19 июня 1981 г. в результате разукрупнения п. Краснозатонский; в связи с образованием в Сыктывкаре Куратовского и Октябрьского городских районов 5 ноября 1982 г. оба поселка были включены в состав г. Сыктывкара; после упразднения вышеназванных районов Сыктывкара (декабрь 1990 г.) поселки Краснозатонский и Верхняя Максаковка вновь обрели статус самостоятельных поселков городского типа.

В январе 1989 г. на территории Коми насчитывалось 55 городских поселений, в том числе 10 городов и 45 поселков городского типа, в которых проживало 75,5% населения республики. Самые быстрые темпы роста в 80-е годы зафиксированы в г. Усинске, население которого выросло в 2,4 раза. Быстро увеличивалось население городов Сыктывкара и Ухты (на 26%), Инты и Емвы (на 18%), Воркуты, Печоры и Вуктыла (на 15%).

Несколько иная картина наблюдалась в городских поселках. Несмотря на то, что они составляли 82% городских поселений, в них проживало менее четверти всех горожан. Общая численность жителей городских поселков снизилась за 1979-1989 гг. на 13% и составила 240 тыс. чел. Это объясняется, в первую очередь, преобразованием в города таких крупных поселков, как Усинск, Вуктыл, Железнодородный. Другим фактором стал миграционный отток, в результате которого уменьшилось население 20 поселков: семи поселков Воркутинского горсовета (Заполярном, Комсомольском, Мульде, Октябрьском, Промышленном, Сивомаскинском, Советском), четырех – Печорского района (Кожве, Косью, Парме, Путейце), двух – Княжпогостского района (Вожаёле и Тракте), а также поселков Кожим Интинского района, Войвож Ухтин-

ского района, Нижняя Омра Троицко-Печорского района, Нювчим Сыктывдинского района, Кажим Койгородского района, Щельяюр Ижемского района, Благоево Удорского района.

Таким образом, по сравнению с 40-50-ми годами, ставшими рекордными по темпам градообразования и росту городского населения, в рассматриваемый нами период интенсивность урбанизационных процессов в Коми снизилась. Вместе с тем они продолжали носить весьма активный характер. Городское население росло опережающими темпами, и разрыв в удельном весе между городским и сельским населением увеличивался. Если в 1959 г. в городах проживало 59,4% населения республики, в селе – 40,6%, то в 1989 г. – соответственно, 75,5 и 24,5%. Наибольшие величины прироста горожан отмечены в 70-е годы. Так, в 1959-1969 гг. среднегодовые темпы прироста городского населения составили 2,1%. в 1970-1978 гг. – 3,6%, в 1979-1988 г. – 2,0%. Динамично развивалась и сеть городских поселений – за 1959-1989 гг. число городов возросло с 7 до 10, посёлков городского типа – с 31 до 45. В рассматриваемый период четко обозначилась тенденция концентрации населения в городах при одновременном уменьшении численности и доли жителей городских поселков: средняя величина населения города возросла за 1959-1989 гг. с 41,4 тыс. до 71,2 тыс. чел, в то время как средняя величина поселка городского типа снизилась с 6,3 тыс. до 5,3 тыс.; удельный вес проживающих в городах в составе городского населения вырос с 60,0% в 1959 г. до 73,4% в 1989 г., и, соответственно, снизился удельный вес жителей поселков – с 40,0 до 26,6%.

Как было отмечено, в течение всего рассматриваемого периода интенсивно развивался процесс концентрации населения в больших городах. Если в 1959 г. в Коми был один крупный город с населением более 100 тыс. (Воркута)*, то в 1989 г. уже три – Сыктывкар, Воркута, Ухта. На их долю приходилось 64% всех горожан (458,3 тыс. чел.). Четыре города (Печора, Инта, Усинск, Сосногорск) относились к категории средних городов (население от 20 до 100 тыс. чел.), в число небольших городов (до 20 тыс. чел.) входили города Вуктыл, Микунь, Емва (табл. 2).

Таблица 2
Численность населения городов Коми АССР в 1959-1989 гг.
(по данным Всесоюзных переписей населения)

Города	Дата образования	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Всего по Коми АССР		289461	407153	517428	711554
Сыктывкар	07.02.1780	73297	134442	184181	232117
Воркута	26.11.1943	83144	89742	100210	115646
Ухта	20.11.1943	34419	59911	87467	110548
Печора	18.01.1949	29294	37803	56361	64746
Инта	04.10.1954	45161	50178	50862	60220
Сосногорск	01.12.1955	15799	24688	27021	30439
Микунь	23.03.1959	8347	10389	11326	12507
Усинск	27.07.1984	-	714	19513	47219
Вуктыл	21.08.1984	44	7814	16767	19330
Емва	02.08.1985	14786	13529	15936	18782

* В 1959 г. в г. Воркуте насчитывалось 83,1 тыс. чел., однако на территории Воркутинского горсовета, т.е. собственно г. Воркуты и входивших в её пригородную зону 11 рабочих посёлках проживало 175,9 тыс. чел.

Большое развитие получил Сыктывкар, что являлось общесоюзной и общероссийской тенденцией формирования облика столиц союзных и автономных республик (на эти цели центром направлялись значительные средства). За 1959-1989 гг. население Сыктывкара увеличилось в 3,2 раза. В 1989 г. здесь проживало 232,1 тыс. чел., т.е. почти четверть городского населения республики. Такие же темпы прироста наблюдались и в Ухте. Однако опережающими темпами в эти годы развивались города Усинск и Вуктыл. В 1959 г. они даже не были обозначены на карте, а к концу 80-х годов население Усинска составляло 47,2 тыс. чел., Вуктыла – 19,3 тыс. чел. В два раза увеличилось население городов Печоры и Сосновогорска, в 1,5 раза – Микуни и Емвы. Наиболее низкий прирост зафиксирован в Воркуте и Инте, однако и здесь число жителей выросло в 1,4 раза.

Среди поселков городского типа наибольшими темпами в исследуемый период росла категория малых городских поселков (до 3 тыс. жителей), число которых увеличилось с 3 до 21. Категория средних поселков (от 3,1 до 5 тыс. чел.) – уменьшилась с 13 до 8, категория больших поселков (от 5,1 до 10 тыс. чел.) и крупных поселков (от 10,1 до 20 тыс. чел.) осталась неизменной – соответственно, 8 и 6. К концу 1989 г. в Коми было два поселка категории крупнейших (с населением свыше 20 тыс. чел.) – это Воргашор и Северный, тогда как в 1959 г. – только один п. Горняцкий, ставший в 1969 г. административным районом г. Воркуты. Динамика населения конкретных городских поселков в 60-80-е годы была различна. Так, в девяти поселках, после достижения там в 1959 г. максимальной людности, шел процесс постоянного снижения населения (Комсомольский, Мульда, Октябрьский, Промышленный, Сивомаскинский Воркутинского горсовета, Вожаель Княжпогостского района, Косью Печорского района, Нижняя Омра Троицко-Печорского района, Нювчим Сыктывдинского района). Вместе с тем в 12 поселках происходил стабильный рост числа жителей (Воргашор, Северный, Цементнозаводской Воркутинского горсовета, Водный, Нижний Одес, Шудаяг, Ярега Ухтинского горсовета, Седкыркеш Сыктывкарского горсовета, Синдор Княжпогостского района, Изъяю Печорского района, Троицко-Печорск Троицко-Печорского района, Жешарт Усть-Вымского района).

Сравнительный анализ данных по Коми АССР с аналогичными показателями по СССР и России показывает, что городское населения в Коми росло быстрее, чем в среднем по стране: за 1959-1989 гг. число горожан в Коми увеличилась на 97% против 89% в СССР и 76% в РСФСР. Как видно из табл. 3, по уровню урбанизированности Коми АССР превосходила союзные и российские показатели (за исключением 1970 г., когда этот показатель был в Коми чуть ниже, чем в среднем по РСФСР, но превосходил общесоюзный уровень).

Таблица 3

Соотношение удельного веса городского населения
СССР, РСФСР, Коми АССР, %

Год	СССР	РСФСР	Коми АССР
1959	47,9	52,4	59,3
1970	56,3	62,3	61,9
1979	62,8	69,9	70,9
1989	65,9	73,5	75,5

Составлено по: 3; 8, с. 95; 9

В итоге к концу 80-х годов Коми оказалась высокоурбанизированной территорией – городскими жителями являлись более трех четвертей населения республики. Если в 1959 г. городское население отсутствовало в девяти районах республики, то в 1989 г. – только в четырёх (Прилузском, Сысольском, Корткеросском, Усть-Цилемском). В Северном регионе Европейской части России в 1989 г. Коми занимала третье место после Мурманской области и Карелии по удельному весу городского населения, а по темпам роста городского населения за 1979-1989 гг. – второе место после Мурманской области.

Литература

1. Безносова Н.П. Урбанизационные процессы в Республике Коми в 1939-1959 гг. // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: Матер. VIII Всеросс. науч.-теор. конф. Ч.III. – Сыктывкар, 2009.
2. Городские поселения Коми АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). – Сыктывкар, 1990.
3. ГУ РК НАРК. Ф. 140. Оп. 4. Д. 1319. Л. 9.
4. Жеребцов И.Л., Безносова Н.П. Урбанизационные процессы в Коми АССР в первой половине 40-х гг. XX в. // Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (Матер. круглого стола). – Сыктывкар, 2004.
5. Обедков А.П. Города Республики Коми. История география, экономика. Пособие для учителей и студентов. – Сыктывкар, 2000.
6. Обедков А.П. Посёлки городского типа Республики Коми. Социально-экономгеографический справочник. – Сыктывкар, 1999.
7. Региональная демография. Вып.1. – Сыктывкар, 2003.
8. Сенявский А.С. Урбанизация и этнодемографические процессы в России в XX веке // Историческая демография. – Москва-Сыктывкар, 2007.
9. Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П. Население республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чём рассказывают переписи). – Сыктывкар, 2001.
10. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. – Сыктывкар, 2001.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ ПЕЧОРСКОЙ МАГИСТРАЛИ

Е.А. Денисов

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
Географический факультет, г. Москва*

Развитие городов Республики Коми в советский период было связано преимущественно с экстенсивным освоением природных ресурсов, что было возможно при наличии директивной системы распределения трудовых ресурсов (Беловол, 2008, с.50.).

Переход к новым условиям развития страны болезненно отразился на состоянии как градообразующих предприятий, так и самих городов. Обострились «естественные» проблемы территории, которые прежде нивелировались пря-

мыми или косвенными государственными вливаниями: крайне высокая стоимость жизни в условиях Крайнего Севера или приближенных к ним; избыточное население, содержание которого требовало значительных расходов на коммунальную и социальную инфраструктуру; часто – невысокая эффективность производства.

В настоящей работе анализируется социально-экономическое положение северных городов Республики Коми, расположенных на Печорской железнодорожной магистрали. Основной для выполнения работы стали экспедиционные исследования в городах Воркута, Инта, Печора и Ухта, проведённые в 2012 г. в рамках экспедиционного гранта РИДОМ «Управление падением: "сжимающиеся" города Печорской магистрали».

Угольная промышленность на протяжении долгого времени являлась ведущим фактором развития городов Воркуты и Инты. Самим своим появлением эти города обязаны развитию угледобычи в Печорском бассейне в 1930-е годы.

Пик добычи в Печорском бассейне пришёлся на середину 1980-х годов, когда предприятия Воркуты и Инты добывали свыше 30 млн. тонн угля. С начала 1990-х производство стабильно сокращалось.

Кризисная ситуация в угольной промышленности в Печорском бассейне сложилась по целому ряду причин. Общими для всей страны были завышенная потребность экономики в угле, конкуренция со стороны технологически более продвинутых отраслей ТЭК (нефтяная и газовая промышленность), заложенная плановая убыточность предприятий, предполагающая поток государственных дотаций; скрытое субсидирование угольной отрасли; отказ от резких мер по улучшению ситуации путём закрытия и модернизации старых шахт из-за опасности социально-политических потрясений (*Баканов, 2005, с.71; Кожуховский, 2003, с.14-15*).

Ситуация в Воркуте и Инте осложнялась тяжелыми природными условиями Севера. Повышенные затраты на энергоносители, высокие затраты на социальную сферу городов обуславливали повышенную себестоимость производства. Уровень дотационности в начале 1990-х годов по объединению «Воркутауголь» достигал 75-80% (*Ильин, 1998, с.147*).

Управленческой реакцией на кризис стала реализация государственной программы реструктуризации угольной отрасли с середины 1990-х годов по начало 2000-х. Конечной целью программы было оздоровление отрасли для стабильного функционирования в условиях рыночной экономики, средствами реструктуризации были закрытие неперспективных предприятий, модернизация предприятий «здравого ядра» отрасли, а также приватизация предприятий.

В Воркуте в начале 1990-х годов работали 13 шахт, в Инте – 5, при этом 4 воркутинские и 4 (т.е. почти все) интинские шахты были построены ещё до 1953 г. К настоящему моменту в Воркуте осталось 5 работающих шахт, в Инте – одна.

В ходе реализации программы реструктуризации были допущены значимые ошибки. По «идеальной» схеме была закрыта лишь шахта Хальмер-Ю, pilotный проект программы реструктуризации. В том случае средства на переезд получили все жители посёлка при шахте, чего уже никогда после не удалось достичь при закрытии прочих неперспективных шахт по причине исключ-

чительно высоких нормативных расходов. Сыграл свою роль и фактор непрозрачного распределения средств.

Объемы добычи угля сокращались с закрытием шахт. В Воркуте уровень добычи стабилизировался в начале 2000-х годов, в Инте – лишь в последние годы. Объём добычи угля от показателя 1990 г. составляет в Воркуте лишь 56%, а в Инте – чуть меньше четверти.

Кризису традиционных для территории отраслей промышленности сопутствовал демографический спад.

Современная численность населения городов Печорской магистрали, в особенности населённых пунктов Большой Воркуты, доподлинно неизвестна. Все существующие цифры, в том числе данные переписи населения, имеют в значительной степени гипотетический характер. Причина тому – массовый исход населения, зарегистрированный и скрытый, который продолжается с начала 1990-х годов.

«Активная» модель миграционного поведения была характерна для жителей Воркуты и в советский период. Высокие северные зарплаты давали возможность покупки или строительства жилья в тёплых районах страны (*Ильин, 1998, с.167*). В постсоветский период активное миграционное поведение обуславливается действием выталкивающих факторов – закрытием предприятий, оптимизацией числа занятых на предприятиях, ростом стоимости жизни на Севере.

Решению проблемы «лишнего» населения должен был способствовать институт программ переселения. За период действия трёх программ около 20 тыс. человек получили субсидии, примерно половина от этого числа выехали из Воркуты. Всё время действия этих программ механизм распределения субсидий (или жилищных сертификатов) отличался непрозрачностью, эксперты отмечают значительную подверженность этого механизма коррупции (масштаб нецелевых расходов трудно оценить), а также невозможность государственного финансирования переезда всех желающих (*Фаузер, 2007, с.94*). Недостаточно проработан и механизм государственного регулирования переселения северян (*Фаузер, 2008, с.114*). В целом инструмент программ переселения оказался недостаточно продуманным: охват населения программами оказался неполным, количество и номинал сертификатов недостаточны, условия получения сертификатов в последние годы непривлекательны.

Многие из покидающих Воркуту осуществляют переезд, полагаясь лишь на собственные средства. В то же время, многие из получающих сертификаты не покидают Воркуту, обналичивая последние через теневые структуры.

Интенсивность миграционного оттока населения в последние годы не уменьшается, составляя порядка 3% в год (сальдо миграций). При этом естественный прирост населения колеблется около нуля, что в итоге даёт стабильное сокращение численности населения города. С 1991 по 2012 гг. численность населения Воркуты в границах города сократилась на 50 тыс. человек (или на 43%), численность населения Большой Воркуты (с посёлками) – почти на 60% (до 90 тыс. чел.).

Посёлки при шахтах теряют население гораздо интенсивнее. Из 10 посёлков Воркутинского кольца, существовавших в 1991 г., 4 были полностью расселены. Продолжают существовать 2 крупных посёлка – Воргашор и Северный (оба при крупных шахтах, в пос. Северном расположена также ТЭЦ и

исправительная колония), численность населения каждого из которых составляет около 10 тыс. человек. Вероятность их ликвидации наименьшая. Посёлки менее привлекательны для жизни по сравнению с городом из-за низкого уровня развития социальной инфраструктуры.

Стабильность структуры Воркутинского кольца обеспечивает хорошая работа транспорта и организаций, обслуживающих Воркутинскую кольцевую автодорогу. Финансирование работы транспорта осуществляется на паритетных началах муниципалитетом и градообразующим предприятием. Хорошая транспортная связь жизненно необходима для посёлков кольца.

Следствием негативных демографических процессов является процесс городского сжатия. Воркута – наиболее яркий пример, пространственное сжатие здесь происходило наиболее интенсивно. Что важно, результаты сжатия в Воркуте на виду: в тундре заброшенные дома, городские кварталы и целые посёлки производят сильное впечатление.

Оптимизация пространственной структуры города происходит естественным путём. Со временем выделяется здоровое ядро в городской ткани, а неперспективная периферия отмирает. Этот же процесс наблюдается и на уровне всего Воркутинского кольца посёлков. В перспективе следует ожидать, что территориальная структура Воркутинского кольца значительно упростится: сохранятся наиболее крупные посёлки, где будут функционировать предприятия.

Ведётся дискуссия о возможности оптимизации расселения как в пределах города, так и в пределах Воркутинского кольца. Возможно, было бы целесообразно объединить население нескольких полупустых посёлков в одном, или вовсе сосредоточить всё население ареала в Воркуте, широко задействовав транспорт для обеспечения подвоза работников на предприятия.

Действительно, перед городом стоит проблема иррационально большой величины потребления ресурсов для обеспечения такой дисперсной структуры как Воркутинское кольцо, притом, что приходится обеспечивать жизнедеятельность зачастую почти пустых домов и посёлков. Из-за нескольких обитаемых квартир в многоквартирном доме приходится поддерживать инфраструктуру всего дома, и муниципалитет не имеет права отключить подачу тепла и энергии, пока дом официально имеет население.

Администрация осуществляет попытки оптимизировать структуру расселения путём предложения жителям полупустых домов переехать в другое жильё в соседний посёлок или в город, однако жители вправе отказать, и многие не соглашаются сменять привычное место обитания. Существует лишь один инструмент, с помощью которого можно добиться желаемого переселения граждан – признание дома ветхим или аварийным, но в таком случае для выселения часто требуется пройти множество судебных инстанций, что требует больших затрат времени.

Муниципалитет не обладает ни правовыми, ни достаточными финансово-выми инструментами для решения задачи по оптимизации расселения как в пределах города, так и в масштабах Воркутинского кольца. Методы силового решения проблем, которые применялись, в частности, при расселении посёлка Хальмер-Ю в 1995-96 гг., окончательно ушли в прошлое.

Администрации также затруднительно ликвидировать целый посёлок. Широко распространена проблема брошенного жилья, когда формально у

квартиры есть собственник (в случае приватизированного жилья) или наниматель (в случае муниципального), и без его присутствия нельзя принять конструктивное решение о ликвидации дома. А поскольку часто стратегия жителей Воркуты предполагает выезд из города при сохранении северной прописки, возникает конфликт интересов администрации города и отдельных его бывших жителей, который трудно разрешить в пользу первых.

Для самого города характерна проблема и брошенного жилья, и существования полупустых домов, содержание которых требует больших затрат. Выделяется здоровое ядро города, практически не затронутое негативными процессами (Центр и относительно новый микрорайон Тиман), полупериферийный Железнодорожный район с признаками запустения и депрессивный периферийный Шахтерский район, где велика доля брошенного жилья в домах и нежилых домов в кварталах. Как правило, забрасываются, в первую очередь, квартиры в наиболее старых домах (домах каркасно-засыпного типа), а также на первых этажах домов.

Схожая социально-экономическая ситуация характерна и для Инты. Угольная специализация города постепенно размывалась, и в настоящее время отрасль обеспечивает лишь 17% занятости и даёт меньше налоговых поступлений, чем газотранспорт.

Единственная работающая шахта была построена в 1965 г. и за полвека работы достаточно устарела. Шахта до 2012 г. оставалась единственным угледобывающим предприятием в собственности региона.

Как и в других городах Печорской магистрали, в городе наблюдается оживление в связи со строительством газопровода. В Инте, где других реальных возможностей занятости практически нет, это оживление особенно заметно. Помимо налоговых поступлений от работы отрасли (НДФЛ и аренда земли), важно, что после строителей остаётся инфраструктура.

Рабочие, занятые на строительстве, – преимущественно вахтовики, однако есть занятые среди местного населения. Среди других возможностей для трудоустройства работников закрытых шахт – работа вахтовым методом на объектах нефтедобычи Усинска и Печорского района, а также работа на строительстве газопровода в Воркуте. Однако и в этой отрасли рабочие с северной пропиской берутся неохотно. Любопытно, что смена технологических укладов и циклов топливных ресурсов отражается в наши дни таким образом.

В силу того, что природные условия в районе Инты значительно мягче, чем в Воркуте, у населения существуют возможности ведения личного подсобного хозяйства. Достаточно распространены огороды, выращивается картофель, овощи в закрытом грунте, другие нетребовательные к теплу культуры.

Главной особенностью экономики Печоры, унаследованной от советского периода, является тот факт, что ещё в советский период структура экономики была успешно диверсифицирована (в отличие от Воркуты и Инты). В конце 1970-х годов стабильно действовали предприятия шести различных видов деятельности: водного и железнодорожного транспорта, лесозаготовки и деревообработки, по добыче и транспортировке нефти и газа, электростанция и РЛС. Такое разнообразие мест приложения труда позволило Печоре с меньшими потерями перенести кризис 1990-х годов по сравнению с Воркутой и Интой. Социальная структура города до сих пор остается более «мозаичной», чем в «шахтёрских» городах. Диверсифицированность экономики города отражается

даже в его пространственной структуре – в городе до сих пор чётко выделяются «речная» (при порту) и «железнодорожная» (при станции) части, разделённые крупным лесным массивом. Кроме того, на юге «железнодорожной» части города выделяется посёлок энергетиков.

Социально-экономический кризис 1990-х годов проявился в Печоре по-своему: две из шести «опор» экономики города практически исчезли. Кризис лесного комплекса в скрытом виде начался ещё в 1959 г. с закрытия Печорского ИТЛ. Затем технический прогресс привёл к снижению спроса на деревянные шахтные крепи производства Кожвинской лесобазы. В 1990-е годы катастрофическое сокращение объёмов лесозаготовок наблюдалось почти по всей стране, не считая приграничных территорий (близ финской и китайской границ) и ареалов вблизи крупных ЦБК и деревообрабатывающих комбинатов.

Следствием гибели лесозаготовительной отрасли на Верхней Печоре стал кризис речного транспорта. В Печоре была закрыта академия водного транспорта, Печорское речное пароходство находится на грани банкротства. ФГУ «Печорское государственное бассейновое управление водных путей и судоходства» ещё владеет дноуглубительным флотом, на нём работает несколько сотен человек (ранее – до 1 тыс.).

Кроме того, к настоящему моменту не существуют такие градообслуживающие предприятия, как хлебо-макаронная фабрика, мясокомбинат, швейная фабрика, завод крупнопанельного домостроения.

В Печоре возможности занятости вне добычи минеральных ресурсов и бюджетной сферы представлены шире, чем в двух северных городах. В долине Печоры становится возможным ведение товарного сельского хозяйства, хотя практически все продукты питания поставляются в район с юга. Для некоторых людей пенсионного и предпенсионного возраста основным видом деятельности становится ведение личного подсобного хозяйства (в районе возможно выращивание картофеля, овощей, разведение молочного крупного рогатого скота) – вокруг Печоры находится несколько дачных кооперативов.

Улучшить социально-экономическое положение города сможет открытие прямого автомобильного сообщения с югом республики, которое должно привести к снижению цен на товары массового потребления, снижению расходов на транспорт.

В отличие от Инты и Воркуты, в Печоре зависимость местной экономики от добычи минерального сырья минимальна. Возможность ведения лесного и сельского хозяйства в ограниченных масштабах расширяет поле возможностей для занятости местного населения – в этом Печора схожа с более южными городами Республики Коми. Тем не менее, Печора остаётся не более чем звеном в системе обслуживания северных городов, специализирующихся на отраслях ТЭК. И железнодорожное депо, и ГРЭС, и сеть трубопроводов являются, скорее, объектами производственной инфраструктуры, чем независимыми предприятиями.

Ухта к настоящему времени стала вторым по численности населения городом Республики Коми, что отражает её роль как второго центра региона после Сыктывкара.

По экономическому состоянию в 1990-е годы Ухта кардинально отличалась от других городов Печорской магистрали. В этот период в городе закрылись исключительно второстепенные производства – ремонтно-механический,

механический завод, производство металлоконструкций. Сильно сократился объём производства на экспериментальном механическом заводе, мясокомбинате, двух кирпичных производствах. В то же время основа благосостояния города в советский период – предприятия топливно-энергетического комплекса – продолжили свою работу, а в 2000-е годы испытали новый этап развития.

В настоящее время Ухта, в отличие от других городов Печорской магистрали, является городом крупного бизнеса: в Ухте с Сосногорском действуют предприятия «Лукойла», «Газпрома» и «Транснефти».

Социальный эффект предприятий крупного бизнеса достаточно высок. Средние доходы населения в Ухте превышают уровень остальных муниципалитетов – работа на нефтепромыслах приносит 50-60 тыс. руб. в месяц (не считая корпоративного обеспечения). Высокое благосостояние населения отражает наличие нового торгово-развлекательного центра с крупной автомобильной парковкой – единственного подобного объекта во всех рассмотренных городах.

Современное экономические развитие в Ухте носит эндогенный характер в значительно большей степени, чем в Воркуте или Печоре. Обширный местный рынок сбыта с высокой платёжеспособностью жителей открывает широкие возможности для развития малого бизнеса. В настоящее время ухтинский малый бизнес контролирует значительную часть завоза товаров массового потребления в северные города.

Проблемы развития Ухты нехарактерны для других городов Печорской магистрали. Ухту отличает отсутствие процессов городского «сжатия»: в городе не стоит проблема брошенного жилья. Это город со стабильной численностью населения, в последние годы привлекающий мигрантов. Тем не менее, для Ухты существует риск узкой нефтегазовой специализации: проблемы в отрасли специализации со временем могут вызвать глубокий социальный кризис, массовый выезд населения и высвобождение жилого фонда.

Литература

1. Баканов С.А. Депрессивные города Урала в 1960-1980-е годы: анализ социально-экономических и демографических факторов. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2005.
2. Беловол А.А. Индустриальное освоение северных территорий Коми АССР в конце 1920 – середине 1950-х гг. как фактор градообразования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. – 2008, № 4-1. – С.45-51.
3. Ильин В.И. Власть и уголь. Шахтерское движение Воркуты (1989-1998). – Сыктывкар: Издательство СыктГУ, 1998.
4. Кожуховский И.С. Реструктуризация угольной промышленности России. – М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2003.
5. Фаузер В.В. Опыт формирования населения и трудовых ресурсов северных районов // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета (электронный журнал). – 2007. – Вып. 1. – URL: <http://koet.syktsu.ru/vestnik/2007/2007-1/8.htm>.
6. Фаузер В.В. Теоретические и концептуальные подходы к развитию Севера России // Корпоративное управление и инновационное развитие Севера. Вест-

ник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета (электронный журнал). – 2008. – Вып. 4. – URL: <http://koet.sykttsu.ru/vestnik/2008/2008-4/8/8.htm>.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ЕМКОСТИ СЕВЕРА И АРКТИКИ*

В.В. Фаузер, д.э.н., А.В. Смирнов

ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

В начале XXI в. в результате климатических изменений, технологического прогресса и исчерпания многих легкодоступных месторождений полезных ископаемых, ускорились темпы хозяйственного освоения Арктики. Арктические месторождения углеводородов становится все более рентабельными, а Северный морской путь в перспективе может стать одной из ключевых мировых транспортных артерий. Арктические государства инвестируют значительные средства в геологоразведку, создание инфраструктуры (включая строительство трубопроводов и ледокольных флотов).

Для России, как для крупнейшего арктического и энергетического государства, освоение северных территорий становится важнейшей задачей. Объем программы социально-экономического развития арктической зоны России до 2020 г., как предполагается, составит около двух триллионов рублей. Более половины этой суммы планируется привлечь из внебюджетных источников. Столь масштабные инвестиции в освоение шельфа могут сопровождаться заселением территорий и привести к значительным изменениям половозрастной структуры населения.

Важно, чтобы процесс заселения не привел к негативным демографическим и экологическим последствиям. Это можно продемонстрировать на примере взаимосвязи численности экономически активного населения и загрязнения атмосферного воздуха стационарными источниками в разных регионах России. Для Северо-Западного федерального округа корреляция между данными показателями в 1990-2010 гг. составляет 0,88, а для Сибирского достигает 0,96 (*Регионы России, 2011*).

В связи с этим возникает вопрос об оптимальных методах освоения Севера. Территории должны обеспечивать потребности населения в чистых воздухе, воде и почве, приемлемых условиях жизни и труда. Есть районы, где нецелесообразно проживание многочисленного населения, а приоритет должен отдаваться вахтовому методу освоения полезных ископаемых. Но в относительно благоприятных условиях (особенно там, где возможно полноценное сельское хозяйство), необходимо создавать инфраструктуру для постоянного проживания.

* Статья подготовлена при поддержке программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект №12-7-5-001-АРКТИКА «Теоретико-методологические подходы к оценке демографической и миграционной емкости северных территорий с учетом элементов экологической безопасности для нужд хозяйственного освоения Арктики» (2012-2014)

Принятие решений в этой области связано с многочисленными рисками. Поэтому требуется разработка научно обоснованной оценки максимально допустимой численности населения, способного проживать на территориях Севера и Арктики, используя их природные ресурсы и сохраняя окружающую среду. Эта максимально допустимая численность населения является одним из важнейших показателей территориального планирования и называется демографической емкостью (*Фаузер, 2013, с.54-56*). Она позволяет определить районы с недостаточной и избыточной численностью населения (*Рыбкина, 2010, с.1437-1443*). Постоянное проживание в последних может представлять угрозу, и потому они требуют особого внимания.

Задача оценки демографической емкости свойственны некоторые сложности:

- Социально-техно-природная сложность. Исследуемая система включает компоненты разной природы, которые необходимо принять во внимание для получения правдоподобных данных о населении, качестве его жизни.
- Многомасштабная сложность. Целевая система состоит из нескольких уровней социальных, территориальных и временных масштабов.
- Междисциплинарная сложность. От исследователей требуется познания во многих областях демографии, экономики, экологии, статистики и др.

Перечисленные особенности позволяют нам рассматривать определение демографической емкости как сложное социальное моделирование. Методология моделирования сложных социальных систем только разрабатывается. Можно отметить подход, который был применен в Мейсон-Смитсоновском проекте исследования государств Средней Азии (*Cioffi-Revilla, 2010*). Авторы проекта рассматривают моделирование сложной социальной системы как итеративный процесс создания последовательности усложняющихся моделей. Начальная модель должна отражать лишь основные черты исследуемой системы, а конечная – быть в состоянии ответить на поставленные вопросы.

Продвижение к конечной модели имеет некоторые особенности. Авторы методики приводят аналогию с исследовательской программой И.Ньютона: от простой сферической и безлунной модели Земли до планетарной системной модели, содержащей Солнце, несколько планет, лун, эллиптические орбиты. Только конечная модель могла адекватно описывать Солнечную систему. Поэтому применение промежуточных моделей на эмпирических данных вовсе не обязательно приводит к ожидаемым результатам.

Впервые задачу определения демографической емкости сформулировал П.П.Семенов-Тянь-Шанский в 1871 г. (*Семенов-Тянь-Шанский, 1871*). С тех пор было создано множество теоретико-методологических подходов, но большинство из них сосредоточены на одном или нескольких аспектах проблемы: географическом, экономическом, социально-психологическом или экологическом. Это значительно ограничивает объяснительные способности моделей. Для отражения сложных взаимосвязей между факторами предметной области необходим комплексный междисциплинарный подход.

Важнейшей задачей при реализации любого подхода выступает отбор факторов, которые станут ограничениями для демографической емкости. Как следует из определения, демографическая емкость территории определяется пороговым значением того фактора, который при росте численности населения первым выйдет за установленные исследователем пределы. Поэтому из всего

множества факторов, влияющих на демографическую емкость, можно отбросить те, которые играют заведомо меньшую роль для исследуемой территории. Это упростит модель, не влияя на полученные результаты.

Перечень некоторых факторов, которые могут использоваться в таких моделях, приведен в табл. 1. Они разбиты по группам, соответствующим различным предметным областям.

Таблица 1
Факторы для определения демографической емкости территории

Группы факторов	Факторы
1. Природные	Наличие полезных ископаемых, площадь земель сельскохозяйственного назначения, лесные ресурсы, запасы и использование воды
2. Экологические	Загрязнение воздуха от стационарных и подвижных источников, загрязнение почвы, качество поверхностных вод, озеленение
3. Социальные и культурные	Социальная напряженность, возможность этнических конфликтов, степень социального неравенства
4. Демографические	Национальный состав, пространственное распределение населения (в т.ч. по зонам Севера), качественный состав безработных
5. Экономические	Численность экономически активного населения, распределение трудовых ресурсов по отраслям, концентрация объектов промышленности

Кроме того, важно ввести агрегированный показатель, отражающий суммарные негативные воздействия всех выбранных факторов. Возможна ситуация, при которой каждый отдельный фактор будет находиться в допустимых рамках, но все вместе они станут оказывать эффект, значительно снижающий уровень жизни и привлекательность территории. Это может привести к депопуляции и к отрицательным изменениям структуры населения (например, к оттоку молодежи).

Помимо факторов, важно выбрать и масштаб объекта исследования. Чем меньше территория по площади, тем более точно можно определить последствия изменения численности населения, а, следовательно, и демографическую емкость. Но, с другой стороны, слишком сильное дробление территорий вызывает трудности с поиском и обработкой необходимой статистической информации. Поэтому наиболее целесообразно использовать в качестве объектов исследования демографической емкости муниципальные районы и городские округа.

Методы определения демографической емкости можно классифицировать следующим образом:

1. Экспертные методы:
 - 1.1. Индивидуальные (опросы, анкетирования);
 - 1.2. Коллективные.
2. Аналитические методы:
 - 2.1. Частные емкости;
 - 2.2. Эконометрические;
 - 2.3. Матричные.
3. Имитационные модели:
 - 3.1. Дискретно-событийные;

- 3.2. Системодинамические;
 - 3.3. Агент-ориентированные.
4. Комплексные.

Экспертные методы являются наименее точными и самыми субъективными. Поскольку демографическая емкость – это количественная оценка, то экспертные методы полезны в первую очередь на предварительном этапе построения модели. Эксперты могут сформулировать особенности исследуемой территории, выделить наиболее важные факторы и взаимосвязи между ними. На основе этих данных впоследствии может быть построена аналитическая или имитационная модель.

Под аналитическими методами будем подразумевать совокупность методик, которые основаны на математических закономерностях, но не подразумевают численной имитации исследуемой системы. Как правило, они основаны на вычислении некоторых частных демографических емкостей (*Владимиров, 1986, с.74*) (например, по наличию территории, обеспеченности водными ресурсами, рекреационному потенциалу и т.д.). Общая демографическая емкость определяется как наименьшая из частных:

$$DE_{общ} = \min_{k \in [1, n]} DE_k,$$

где $DE_{общ}$ – общая демографическая емкость, DE_1, \dots, DE_n – частные демографические емкости. Наименьшую из частных демографических емкостей называют лимитирующей. Увеличение общей емкости возможно только при воздействии на лимитирующую (например, внедрение новых технологий очистки).

Этот подход пригоден для определения факторов, способных сделать территорию непригодной для жизни, но он не учитывает сложных прямых и обратных связей между различными показателями предметной области. Частные демографические емкости широко применяются в территориальном планировании и в экологических исследованиях. Для различных зон Севера могут применяться разные критерии. Например, от Арктики нельзя ожидать озеленения, как в зонах, приравненных к северным.

Эконометрические модели также широко используются. Уравнения регрессии позволяют на основе статистических данных найти силу влияния факторов на демографическую емкость и определить лимитирующие факторы (*Фаузер, 2002, с.130-140*). В определении демографической емкости могут найти применение и матричные модели, отражающие антропогенное воздействие различных факторов и способности территории нейтрализовать это воздействие.

Имитационные модели стали набирать популярность относительно недавно (в последней трети XX в.). Это связано с развитием вычислительной техники, которая позволила проводить сложные численные эксперименты, с высокой точностью описывающие поведение реального объекта исследования. Особое значение имитационное моделирование имеет для систем, включающих большое число связей между различными подсистемами: природной, социально-экономической, демографической, экологической. Другие методы исследования таких систем чрезвычайно трудоемки и, как правило, не позволяют охватить сложную систему целиком.

Дискретно-событийное моделирование применяется, когда поведение системы можно описать алгоритмически и имитировать с помощью случайных величин. Демографическая емкость здесь рассматривается как значение численности населения территории в момент выполнения условия завершения моделирования. Главный недостаток подхода – дискретность. Модель описывает только отдельные состояния системы, а не непрерывную динамику.

Системная динамика – подход, разработанный Дж.Форрестером, который предусматривает изучение системы с точки зрения структурного взаимодействия ее частей, причинно-следственных и обратных связей между ними, задержки и реакции. Это направление хорошо подходит для исследования демографической емкости, поскольку рост численности населения может быть единственным внешним изменением состояния системы, а остальные факторы будут подстраиваться в зависимости от текущей численности. Системодинамические модели основаны на системе однородных дифференциальных уравнений и способны отражать непрерывные изменения всех факторов. Следовательно, станут известны не только пороговые значения факторов, но и характер их изменений во времени.

В одной из главных своих моделей (Мировая динамика), Форрестер уделил большое внимание исследованию всемирной демографической динамики в XX-XXI вв. (*Форрестер, 1978*). Модель мировой динамики, помимо населения, содержит 4 уровня: капиталовложения, природные ресурсы, сельское хозяйство, загрязнение. Форрестер приходит к выводу, что численность населения в определенный момент неизбежно сократится вследствие голода, ограниченности природных ресурсов и загрязнения окружающей среды. Таким образом, был показан переменный характер демографической емкости. Похожие модели были созданы и в масштабах города (*Форрестер, 1974*).

Другое исследование рассмотрено в докладе Римскому клубу «Пределы роста» (*Медоуз, 2007*). Авторы также предприняли попытку создать обширную причинно-следственную модель демографических процессов. Модель получила название World3. В нее были добавлены некоторые социальные компоненты (здравоохранение, контроль за рождаемостью и др.). Выводы были похожи на те, к которым пришел Форрестер: антропогенное воздействие на территорию приведет к невозможности дальнейшего роста численности населения. Однако их модель подверглась критике за недостаточное обоснование зависимостей между показателями (*Balk, 2001, с.215*). Вместе с тем, системодинамические модели продолжают активно применяться в задачах, связанных с демографической емкостью.

Агент-ориентированные модели принципиально отличаются от всех вышеназванных. Они основаны на изучении влияния совокупности агентов микроуровня, называемых искусственным обществом, на объекты макроуровня. Каждый человек или социальная группа здесь представлены в виде отдельного алгоритма, который взаимодействует с другими, и в результате агрегирования происходит имитация поведения населения территории.

Главное преимущество агент-ориентированных моделей состоит в возможности моделировать ограниченную рациональность и принятие решений на микроуровне отдельными людьми (*Бахтизин, 2008*). Демографическая емкость при использовании этого подхода может быть определена как численность по-

пуляции, при которой среднее или совокупное негативное влияние на отдельных людей превышает допустимые пределы.

В 2011 г. на суперкомпьютере МГУ «Ломоносов» была запущена агент-ориентированная модель социально-экономического развития России в первой половине XXI в. Модель разработана в Лаборатории экспериментальной экономики ЦЭМИ РАН. Расчеты показали значительное влияние пространственного перераспределения населения на экономику России ближайших десятилетий. Это можно отчасти объяснить переселением из районов с низкой демографической емкостью.

У каждого из представленных подходов есть сильные и слабые стороны. Как правило, исследователи не ограничиваются одним из теоретико-методологических подходов, а используют в рамках одной модели сразу несколько. Это позволяет нивелировать недостатки каждого из них. Так, модель может быть реализована на микроуровне агент-ориентированными средствами, а на макроуровне с помощью системной динамики.

Можно отметить лишь некоторые многоподходные компьютерные модели, позволяющие исследовать влияние численности населения на условия проживания (*Pedercini, 2003*): RMSM-X (Всемирный банк, 1997), PDE (Население-Развитие-Окружающая среда, Институт прикладного системного анализа, 2000), Threshold 21 (Институт тысячелетия, 2001). Эти комплексные модели могут быть использованы, в том числе, для оценки демографической емкости.

Сложные компьютерные модели повышают роль личности исследователя. Его знания, навыки, взгляды находят отражения в создаваемых моделях. Это соответствует тенденциям современной постнеклассической науки. В рамках одного исследования применяются подходы из различных дисциплин, что требует большой осторожности и согласованности. Однако компьютерные модели дают наибольшие возможности для изучения демографической емкости, ее изменений под воздействием различных хозяйственных, экологических и культурных факторов.

Литература

1. Бахтизин А.Р. Агент-ориентированные модели экономики. – М.: Экономика, 2008.
2. Владимиров В.В., Наймарк Н.И., Субботин Г.В., и др. Районная планировка. М.: Стройиздат, 1986.
3. Медоуз Д., Рандерс Й., Медоус Д., Пределы роста, 30 лет спустя / Пер. с англ. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2007.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2011.
5. Россия вложит в развитие Арктики два триллиона рублей. – URL: <http://lenta.ru/news/2013/10/18/arctic/>.
6. Рыбкина И.Д. Оценка демографической емкости регионов Сибири // Известия Самарского научного центра РАН. – 2010, Т.12, №1(5). – С.1437-1443.
7. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Населенность Европейской части России в зависимости от причин, обуславливающих распределение населения империи // Статистический временник Российской империи. Вып.1. – Спб., 1871.
8. Фаузер В.В., Котырло Е.С. Моделирование демографической емкости территории в аспекте взаимосвязи демографических, экономических и экологиче-

- ских факторов: На примере регионов России // Проблемы региональной экономики. – 2002, №7-9. – С.130-140.
9. Фаузер В.В., Смирнов А.В. Демографическая емкость территории: теоретический аспект // Матер. науч.-теор. конфер.: в 3 ч. Ч.III / Под. ред. Н.Д.Цхадая. – Ухта : УГТУ, 2013. – С.54-56.
 10. Форрестер Дж. Динамика развития города. – М.: Прогресс, 1974.
 11. Форрестер Дж. Мировая динамика. – М.: Наука, 1978.
 12. Balk D., O'Neill B. C., Brickman M., and Ezra M. A Guide to Global Population Projections // Demographic Research. – 2001, №4. – С.203-288.
 13. Cioffi-Revilla C. A Methodology of Complex Social Simulations // Journal of Artificial Societies and Social Simulations. – 2010, №13(1).
 14. Pedercini M. Potential Contribution of Existing Computer-Based Models to Comparative Assessment of Development Options // Working papers in System Dynamics. University of Bergen, Bergen. – 2003.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ*

И.Г. Назарова, д.э.н.

Ухтинский государственный технический университет, г. Ухта

В.В. Фаузер, д.э.н.

ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

В современный период многие методы государственного управления миграционными процессами советского периода в известной степени дискредитированы, что послужило основанием достаточно распространенной либеральной точки зрения, что государство должно устраниться от управления миграционными процессами. С ней согласиться нельзя по причинам наличия многих острых проблем, связанных с миграцией, отсутствия естественных регуляторов миграции и необходимых условий для свободного перемещения населения, как в пределах России, так и из-за ее пределов.

В связи с этим существует настоятельная потребность в выработке новых форм и методов управления (регулирования) миграции населения, исходя из реалий современной российской действительности и использования богатого исторического опыта.

Миграционные процессы, как особый объект управления, имеют ряд специфических особенностей.

1. Прежде всего, миграция населения – очень чуткий социально-демографический процесс, мгновенно реагирующий на изменение различных факторов. При управлении миграцией, в отличие от управления многими иными социальными процессами, эффект управленческих воздействий, равно как и эффект действия факторов, затрудняющих их осуществление, достигается за очень короткий промежуток времени. Чтобы достичь должного эффекта, необ-

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Коми в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Влияние миграции на этнодемографические структуры и занятость населения в национальных регионах (на примере Республики Коми)» (проект №12-12-11001)

ходим оперативный мониторинг состояния управляемой системы, большую важность имеет информационное обеспечение процесса управления.

2. Несмотря на то, что миграциям всегда был присущ высокий элемент стихийности, они поддаются регулированию. Однако государственное управление миграцией не может и не должно охватывать все виды миграционных перемещений населения по территории страны, а только наиболее «проблемные» миграционные процессы. Критерий проблемности должен стать краеугольным камнем миграционной политики в силу объективных ограничений возможностей к ее осуществлению.

3. При управлении миграцией необходимо использовать (или создавать) территориальную дифференциацию «уровней жизнеощущения» в широком понимании комплекса социально-экономических условий жизни людей (Дальний, Средний и Ближний Север).

4. Управление миграцией не может осуществляться только в рамках социально-экономической, или расселенческой, или демографической политики. Оно синтезирует в себе их элементы, равно как и само является важным компонентом в комплексе проводимых ими мер.

5. Управление миграцией населения может состоять из следующего комплекса воздействий: формирование миграционных установок населения; определение оптимальных масштабов, направлений миграции, формирование переселенческих контингентов; содействие процессу адаптации населения.

6. Миграционные процессы тесно связаны с потоками информации, прежде всего, о местах вселения и средствах их достижения, не случайно любая из моделей миграции увязывает направления миграционных потоков с путями распространения информации. Поэтому важна информационная поддержка принятия управленческих решений, направленная на объект управления.

7. Наконец, нельзя не учитывать, что государство имеет определенные обязательства при управлении миграционными процессами, в сфере внутренней социально-экономической миграции это, прежде всего, относится к северным регионам.

В зависимости от целей, средств и ресурсов, имеющихся у государства для управления миграционными процессами, оно задействует определенную систему мер регулирования миграции населения. Применительно к управлению миграционными процессами в нашем недавнем прошлом эти меры можно подразделить на административно-организационные и экономические.

Под государственной миграционной политикой понимается научно обоснованная идеология действий государственных органов власти, исходящая из понимания миграции населения как сложного социально-экономического процесса и концептуально объединяющая механизмы регулирования миграционных процессов.

Под регулированием (управлением) миграцией понимается комплекс мер по стимулированию или ограничению перемещений людей в объемах и направлениях, отвечающих текущим и перспективным потребностям страны и обеспечивающих реализацию прав мигрантов.

Управление миграционными процессами – сложный процесс, имеющий свое место в системе управления социальными процессами, но, в силу специфики

объекта управления, ею не ограничивающийся. Оно находится в тесной связи с экономической политикой, социальной политикой, демографической политикой, геополитикой, национальной политикой.

При разработке государственной или региональной миграционной политики нужно, в первую очередь, провести определенную «инвентаризацию» территории, которая бы дала точное представление о возможностях использования миграции населения как механизма позитивного воздействия на социально-экономическую жизнь того или иного региона (муниципального образования). В самое ближайшее время следует:

- определить перспективы развития экономики республики, в том числе региональных (локальных) рынков труда, перспективную потребность в рабочей силе и степень ее удовлетворения за счет собственных ресурсов;
- уточнить перечень населенных пунктов, подлежащих ликвидации в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях;
- уточнить перечень территорий, неблагоприятных для проживания по экологическим условиям.

Миграционная политика должна решать проблему перспективного (ближайшие 5-10 лет) сокращения трудовых ресурсов в республике и увеличения доли лиц в пенсионных и старших трудоспособных возрастах. Необходимо уже сейчас продумывать конкретные механизмы реализации иммиграционной политики, направленной на содействие привлечению в Республику Коми необходимых трудовых ресурсов.

Миграционная политика может строиться от общих целей, принципов и направлений к частным, которые впоследствии преломляются на конкретных территориях, т.е. по принципу – от общего к частному.

Основными сквозными направлениями государственной миграционной политики должны являться:

- создание условий для свободного межтерриториального перераспределения населения и трудовых ресурсов (обеспечение территориальной мобильности населения);
- проведение продуманной селективной иммиграционной политики, основанной на необходимости привлечения в республику иммигрантов в установленных масштабах и определенного качества на легальной основе;
- содействие в адаптации переселенцев на новом месте жительства, включая социальную поддержку вынужденных мигрантов;
- осуществление иммиграционного контроля и противодействие незаконной миграции, носящей околограничительный характер.

Для Республики Коми (имеется в виду Крайний Север) приоритетной задачей миграционной политики является содействие переселению населения, высвобождаемого с предприятий, в новых условиях оказавшегося неконкурентоспособным, и содействие привлечению необходимых трудовых ресурсов на эффективно функционирующие предприятия.

Приоритетные направления миграционной политики заключаются в реструктуризации системы расселения и поселений, создании нового опорного каркаса расселения, учитывая перспективы развития экономики республики; в содействии переселению пенсионеров, содействии переселению населения, проживающего в населенных пунктах, подлежащих ликви-

дации, развитии ротационной системы формирования трудовых ресурсов, а также вахтового метода ведения работ.

Также можно отметить, что воздействие общества на миграционные процессы, представляющие собой совокупности территориально локализованных и совершающихся в определенное время миграционных актов, может осуществляться с помощью следующих регуляторов миграционного поведения.

Первым, наиболее гибким регулятором является изменение территориальных и поселенных различий в уровнях объективных компонентов условий жизни, удовлетворяющих различные, прежде всего, базовые, потребности людей. Это изменение может являться объектом государственного планирования и служить дополнением балансовых разработок территориального перераспределения населения. Различия в условиях жизни и ситуативно влияют на миграцию, как объективные факторы, и воздействуют постепенно на потребности и ценностные ориентации, т.е. имеют перспективную направленность.

Другим направлением регуляции поведения является воздействие на потребности и ценностные ориентации потенциальных мигрантов, т.е. объектов управления. В этом отношении должны быть выделены три разных уровня воздействия на миграционное поведение. На индивидуальном уровне, бесспорно, должны учитываться психические и иные особенности субъектов, надо вести соответствующий подбор переселенцев. На групповом уровне важным регулятором могут служить социальные нормы, в частности, направленные на нейтрализацию обычая, традиций, мешающих реализации общественно необходимого миграционного поведения. Наконец, на массовом уровне, т.е. по отношению к населению в целом, речь должна идти о таких воспитательных мерах, с помощью которых личность воспринимала бы ценностные ориентации, равнозначные долгу перед Родиной. Примером могут служить поездки на целину, на строительство БАМа и т.д. Это, по сути – реализация определенных ценностных ориентаций высокой социальной значимости (*Регент, с.9-15, 19, 22-27*).

Литература

1. Регент Т.М. Проблемы государственного управления миграционными процессами России: автореф. дис... докт. экон. наук. – М.: ИСПИ РАН, 2001.

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ РЕСПУБЛИКИ КОМИ*

В.В. Фаузер, д.э.н., Г.Н. Фаузер
ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

На миграционные установки населения оказывают влияние различные факторы: динамика численности населения, возможность получить профессиональное образование, уровень безработицы, оплата труда и ряд других. Кратко остановимся на приведенных выше факторах.

* Статья подготовлена при поддержке программ межрегиональных и межведомственных фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 12-С-7-1009 «Демографическое развитие северных регионов в условиях социально-экономической трансформации»

На 1 января 2012 г. население Республики Коми составило 889,8 тыс. человек, что равно 0,6% населения России. По численности населения республика занимает 57 место среди регионов России (на начало 1990 г. она была на 48-м месте с численностью населения 1248,9 тыс. человек).

В 2011 г. в республике было 19 учреждений высшего профессионального образования, в том числе 13 государственных и 6 негосударственных. В вузах обучалось 31,6 тыс. студентов, в том числе в государственных – 28,4 тыс. и негосударственных – 3,2 тыс. студентов. В расчете на 10000 человек населения в Республике Коми было студентов, получающих высшее профессиональное образование, 355 человек, в России – 381. По этому показателю республика уступает общероссийскому. Обусловлено это тем, что в республике больше готовится специалистов с начальным профессиональным образованием – 117 в расчете на 10000 человек населения (в России – 64 человек) и со средним профессиональным образованием – 169 (в России – 139 человек).

В республике идет постоянное сокращение числа безработных, если в 2000 г. их было 15,8 тыс. человек, то в 2011 г. – 10,7 тыс. человек. На лиц в возрасте до 29 лет приходилось, соответственно, 32% и 40%, – для молодежи наблюдается явное ухудшение ситуации на рынке труда. Уровень зарегистрированной безработицы составлял в 2000 г. – 2,9%, в 2011 г. – 2,0%.

Средняя номинальная начисленная заработка работников организаций по Российской Федерации в 2011 г. составляла 23369 руб., в Республике Коми – 28897 руб. Максимальной она была в Ямало-Ненецком АО – 59095 руб., в Чукотском АО – 53369 руб., в Ненецком АО – 50036 руб. и Ханты-Мансийском АО – 45498 руб. В Москве заработка плата составляла 44899 руб., а в Санкт-Петербурге – 29522 руб.

С 2001 по 2012 г. за счет миграционного оттока населения республика потеряла 129,3 тыс. человек, или около 15% своей численности (естественная убыль составила 23,7 тыс. человек). Учитывая доминирующее значение миграционной убыли, мы решили провести замер миграционных установок населения, на первом этапе – у студенческой молодежи вузов республики. Для решения поставленной задачи в мае 2012 г. был проведен социологический опрос среди студентов вузов Республики Коми. Всего было опрошено 808 студентов в возрасте 16-27 лет. Опрос проводился в четырех городах: Воркуте, Усинске, Ухте и Сыктывкаре. При опросе в отдельную совокупность были выделены выпускники вузов.

Большая часть студентов учится в г. Сыктывкаре – 61,1%, из них в СыктГУ – 35,4%, КГПИ – 2,9%, СЛИ – 17,1%, КРАГСУ – 5,7%. 20,8% опрошенных являются студентами УГТУ и 3,5% – его Усинского филиала. На долю студентов г. Воркуты приходится 14,6% опрошенных. По возрасту респонденты распределились следующим образом (%): до 17 лет – 9,3; 18-19 лет – 10,6; 20-21 лет – 42,6; 22-24 лет – 31,2; 25-26 лет – 1,4; 27 лет и старше – 4,9. Средний возраст студентов составил 21,6 лет.

По национальности среди студентов преобладают русские – 71,6%. Затем следуют коми – 15,9%; украинцы – 4,2%; татары – 1,8%; азербайджанцы – 1,6%; немцы – 1,1%; чуваши – 0,6%; белорусы – 0,6%; представители других национальностей – 2,6%.

Примерно половина студентов проживает с родителями – 49,3%. Живут в общежитии – 25,4%, имеют благоустроенную отдельную квартиру – 12,0%,

снимают квартиру – 7,8%, комнату – 2,6%. У остальных есть разного вида благоустроенное и неблагоустроенное жилье.

По месту нахождения учебного заведения контингент студентов на 47,6% сформирован уроженцами данного населенного пункта, на 52,4% – ино-городними студентами.

На момент опроса основными источниками доходов студентов являлись родители и родственники – 68,6%. Получали стипендию – 45,5% и пенсию – 6,3% опрошенных; работали – 30,4% и 19,3% имели случайные заработки. Содержит друг или подруга 4,2% опрошенных, муж или жена – 4,8%. Указали на другие источники – 0,7% респондентов.

После завершения учебы в Республике Коми собираются оставаться 33,8% респондентов, каждый третий намерен переехать в регионы России, незначительная часть респондентов собирается переехать в страны ближнего (5,3%) или дальнего (9,0%) зарубежья. Миграционные установки выпускников более конкретны, среди них меньше респондентов, кто еще не определился (7,6%), выше доля тех, кто хочет оставаться в республике (46,7%) и ниже доля желающих выехать за рубеж (6,7%).

Выше, чем в среднем по выборке, доля желающих жить в республике среди чувашей – 80,0%, коми – 50,8% и немцев – 33,3%. Проживать в странах ближнего или дальнего зарубежья собираются 40,0% белорусов, 38,5 азербайджанцев, 33,3 немцев и 36,8% лиц другой национальности. Желающих жить за пределами России больше среди мужчин – 16,5%, чем женщин – 13,1 (табл. 1). Собираются сменить место жительства в ближайшие пять лет 26,6% респондентов, нет такого намерения у 27,8, возможно, будут менять, а возможно, и нет, отметили 33,8%, и 11,8 не задумывались об этом.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Где бы Вы хотели жить, когда завершите учебу?» в зависимости от пола и национальности, %

Социально-демографические характеристики	Где бы Вы хотели жить, когда завершите учебу					
	в данном населенном пункте	в другом населенном пункте РК	в другом регионе России	в одной из стран ближнего зарубежья	в одной из стран дальнего зарубежья	еще не решили
В целом по выборке	28,5	5,3	36,6	5,3	9,0	17,1
Выпускники	41,9	4,8	39,0	1,9	4,8	7,6
Пол:						
мужской	26,2	6,8	32,6	4,7	11,8	20,0
женский	29,7	4,1	39,3	5,9	7,2	15,3
Национальность:						
коми	40,6	10,2	25,0	4,7	4,7	18,0
русский (ая)	26,2	4,3	39,8	4,7	9,5	17,4
украинец (ка)	24,3	6,1	42,4	3,0	3,0	21,2
белорус (ка)	20,0	0,0	40,0	40,0	0,0	0,0
татарин (ка)	14,3	0,0	64,3	0,0	14,3	14,3
немец (ка)	33,3	0,0	11,1	0,0	33,3	22,3
чуваш (ка)	60,0	20,0	0,0	0,0	20,0	0,0
азербайджанец (ка)	23,1	7,7	38,5	30,8	7,7	7,7
другая	26,3	5,3	15,8	15,8	21,0	15,8

Одновременно мы выяснили, куда собираются переехать те, кто принял решение о смене места жительства. Поменяют место жительства внутри республики – 10,6%, выедут за ее пределы – 73,5%, в страны дальнего зарубежья – 8,4% и ближнего зарубежья – 7,5%. Среди выпускников нет желающих пере-

ехать в страны ближнего зарубежья, и только 2,9% собирается переезжать в страны дальнего зарубежья. Страны дальнего зарубежья чаще выбирают мужчины – 13,3%. В зависимости от национальности – немцы (50,0%), татары (23,1%), лица другой национальности (25,0%). Женщины чаще мужчин желают переехать в страны ближнего зарубежья (8,4% против 6,6% среди мужчин) и в другой регион России (76,5% против 76,5%) (табл. 2).

Таблица 2
Распределение ответов на вопрос «Если Вы собираетесь сменить место жительства в течение ближайших пяти лет, то укажите куда?»
в зависимости от пола и национальности, %

Социально-демографические характеристики	Если Вы собираетесь сменить место жительства в течение ближайших пяти лет, то укажите куда			
	в другой населенный пункт РК	в другой регион России	в страны ближнего зарубежья	в страны дальнего зарубежья
В целом по выборке	10,6	73,5	7,5	8,4
Выпускники	11,6	85,5	0,0	2,9
Пол:				
мужской	10,8	69,3	6,6	13,3
женский	10,3	76,5	8,4	4,8
Национальность:				
коми	29,4	55,9	8,8	5,9
русский (ая)	8,3	78,4	5,7	7,6
украинец (ка)	7,4	81,5	7,4	3,7
белорус (ка)	0,0	50,0	50,0	0,0
татарин (ка)	7,7	69,2	0,0	23,1
немец (ка)	0,0	50,0	0,0	50,0
чуваш (ка)	50,0	50,0	0,0	0,0
азербайджанец (ка)	0,0	50,0	41,7	8,3
другая	6,2	43,8	25,0	25,0

Основными причинами, по которым респонденты собираются менять место жительства, являются следующие. Хотят переехать в регион с более благоприятным климатом 33,7% опрошенных. Отсутствие возможности найти достойную работу отметили 28,9% респондентов. Хотят переехать в мегаполис 14,4%. Желают вернуться на родину, к родителям, родственникам – 7,0%. 6,3% отметили, что им предложили работу в другом населенном пункте. И 6,0% собираются переехать на место жительства молодого человека (девушки).

Ранг значимости причин отъезда среди выпускников и студентов других курсов существенно не отличается, зато среди представителей разных национальностей они отличны. Выше доля желающих переехать в мегаполис среди белорусов (42,8%) и чувашей (25,0%). Считают, что трудно найти работу 40,0% немцев, 35,7% татар и 32,3% коми (табл. 3).

В ходе опроса было выявлено, как относится внешнее окружение к тому, что молодые люди собираются покинуть республику. С «одобрением» родители и родственники – 66,3%, друзья и знакомые – 61,9%, соучастники и одноклассники – 48,2%. С «неодобрением» родители и родственники – 21,1%, друзья и знакомые – 21,9%, соучастники и одноклассники – 7,8%.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Если Вы собираетесь менять место жительства, то укажите, по какой причине?»
в зависимости от пола и национальности, %

Социально-демографические характеристики	Если Вы собираетесь менять место жительства, то укажите, по какой причине						
	отсутствие возможности найти достойную работу	желание вернуться на родину, к родителям, родственникам	предложили работу в другом населенном пункте	хотят переехать в мегаполис	переедут на место жительства молодого человека/девушки	хотят переехать в регион с более благоприятным климатом	другое
В целом по выборке	28,9	7,0	6,3	14,4	6,0	33,7	3,7
Выпускники	26,3	6,2	5,0	16,3	3,7	36,3	6,2
Пол:							
мужской	30,6	6,1	9,2	14,3	3,8	31,5	4,5
женский	27,5	7,8	4,2	14,7	7,8	34,8	3,2
Национальность:							
коми	32,3	7,5	9,7	11,8	9,7	22,6	6,4
русский (ая)	29,0	4,6	6,1	16,1	5,6	35,4	3,2
украинец (ка)	22,2	18,5	11,1	7,4	7,4	29,7	3,7
белорус (ка)	14,3	14,3	0,0	42,8	0,0	28,6	0,0
татарин (ка)	35,7	7,2	0,0	7,1	0,0	50,0	0,0
немец (ка)	40,0	20,0	0,0	0,0	0,0	30,0	10,0
чуваш (ка)	25,0	25,0	0,0	25,0	0,0	25,0	0,0
азербайджанец (ка)	18,2	45,4	9,1	0,0	0,0	27,3	0,0
другая	15,0	20,0	0,0	0,0	10,0	45,0	10,0

И еще один вопрос, который заслуживает внимания – это отношение респондентов к тем людям, которые уезжают из страны (на ПМЖ). Для 38,2% респондентов это безразлично, 30,0% одобряют такое решение, 9,6% не одобряют, а 22,2% затруднились ответить (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Каково Ваше отношение к тем людям, которые уезжают из страны (на ПМЖ)?»
в зависимости от пола и национальности, %

Социально-демографические характеристики	Каково Ваше отношение к тем людям, которые уезжают из страны (на ПМЖ)			
	одобряют их решение	не одобряют	это безразлично	затруднились ответить
В целом по выборке	30,0	9,6	38,2	22,2
Выпускники	31,4	7,8	32,4	28,4
Пол:				
мужской	27,2	14,4	37,1	21,3
женский	32,1	6,1	39,2	22,6
Национальность:				
коми	25,6	14,4	34,4	25,6
русский (ая)	30,0	9,4	39,8	20,8
украинец (ка)	27,3	9,1	30,3	33,3
белорус (ка)	60,0	0,0	20,0	20,0
татарин (ка)	42,9	0,0	50,0	7,1
немец (ка)	44,4	0,0	55,6	0,0
чуваш (ка)	20,0	20,0	20,0	40,0
азербайджанец (ка)	30,8	0,0	30,8	38,4
другая	45,0	0,0	30,0	25,0

Выше доля респондентов, одобряющих выезд за рубеж, среди белорусов (60,0%), немцев (44,4%) и татар (42,9%). Наоборот, не одобряющих выезд из России больше среди чувашей (20,0%) и коми (14,4%). Чаще не одобряют выезд в другую страну на ПМЖ мужчины (14,4% против 6,1% среди женщин).

Результаты проведенного исследования позволяют региональным органам власти разработать миграционную политику по сокращению оттока населения, и, в первую очередь, молодежи.

УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА В ОБЛАСТИ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ПОДХОД

А.С. Барашкова, к.э.н.

Институт региональной экономики Севера СВФУ, г. Якутск

Семья, как «остров стабильности», призвана, по мнению Н.М. Римашевской, «воздорить Россию» (*Римашевская, 2004, с.11*). О важности семьи в человеческой жизни можно судить по тому месту, которое отводится ей среди других значимых для человека ценностей, таких как работа, дети, здоровье, друзья, свободное время, личная безопасность и т.д. Так, изучение проблем адаптации первокурсников к городским условиям в Республике Саха (Якутия)*, говорит о высокой значимости хорошей семьи, гармоничных брачно-семейных отношений в жизни современных студентов (4,9 балла по пятибалльной шкале среди тринадцати основных жизненных ценностей) (*Сукнёва, Барашкова, 2011, с.182*).

Однако, как отмечают специалисты, происходит изменение устоявшихся представлений о семье, деградация этических норм, нестабильность браков, превращение в норму неполных семей и рост их числа, снижение роли семьи в социализации детей и т.д. (*Митрикас, 2004; Носкова и др., 2006*). Многочисленные исследования показывают, что в брачно-семейных отношениях населения страны и ее отдельных регионов наблюдаются кризисные тенденции, требующие осмыслиения, в том числе и на эмпирическом уровне. В данной статье на материалах группового интервью и анкетного опроса* рассматриваются отдельные вопросы брачно-семейных отношений, как-то: возраст при вступления в брак, факторы, скрепляющие брак, и, наоборот, разрушающие его, т.е. развод, а также распространение гражданских браков. Особое внимание уделено мнениям представителей разных возрастных групп. Наиболее актуальная проблема брачного состояния населения Республики Саха (Якутия) – безбрачие – отдельно не рассматривается, поскольку лица, никогда не состоявшие в браке, на наш взгляд, не являются субъектами брачно-семейных отношений.

Для проведения фокусированного интервью нами были выделены пять основных типов фокус-групп, которые интересовали нас с точки зрения осо-

* Выборка за 2009 г. – 194, за 2010 г. – 602 студентов-первокурсников, обучающихся в ВУЗах г. Якутска

* Научный отчет «Проведение социологического обследования по вопросам жизнедеятельности семьи и семейных отношений». Якутск, 2008. Фонды НИИ РЭС

бенностей жизнедеятельности семей и семейных отношений. Группа «стандартная семья» включала членов полных семей с детьми, состоящих как в официально зарегистрированном, так и в гражданском браке. Вторая группа называлась «неполная семья» и объединяла респондентов с детьми, никогда не состоявших в браке, разведенных или вдовых. Третья группа представлена многодетными полными семьями с тремя и более детьми. Четвертая группа объединила молодых людей, которые никогда не состояли в браке в силу своего юного возраста, в ней приняли участие подростки, школьники старших классов и студенты младших курсов учебных заведений. Последняя, интересовавшая нас фокус-группа, включила никогда не состоявших в браке, т.е. холостых людей.

Территориальный разрез фокусированного интервью был представлен столицей г. Якутск, промышленным центром г. Покровск и административным центром сельского улуса – с. Намцы. Всего фокусированным интервью было охвачено 97 человек, распределенных в 11 групп, в том числе по три группы в Покровске, и с. Намцы и пять групп в г. Якутске.

Всего в анкетном обследовании приняло участие 468 респондентов, проживающих в городской и сельской местности республики с различным брачно-семейным состоянием, образовательно-профессиональным уровнем, возрастом, гендерным и этническим статусом.

Непременным условием гармоничных отношений супружеского является возраст вступления в брак. Достаточно живой обмен мнениями состоялся практически во всех фокус-группах по вопросу о возможном возрасте вступления в брак. Определенное мнение по данному вопросу сформировано даже у подростков. Споры возникали по поводу возрастных интервалов: 20-25 или 25-30 лет. Аргументация сторонников первой позиции заключалась в том, что рыночная экономика автоматически убыстряет темп жизни, нужно успеть. Подчеркивалась также, что большая разница в возрасте между детьми и родителями ведет к взаимному непониманию. Сторонники позиции «после 25 лет» связывают этот интервал со сроком окончания обучения в ВУЗе, обретения специальности, возмужанием, определенной жизненной закалкой. Наряду с этим, участники считают, что слишком запаздывать тоже плохо: уже все теряешь, в том числе репродуктивное здоровье.

В ответах интервьюеров присутствует полярное мнение насчет изменения возраста вступающих в брак. Одни считают, что происходит сдвиг в сторону увеличения. «Раньше в студенчестве вступали, а сейчас после учебы, по-работав», что обусловлено, прежде всего, шатким положением в стране с серединой 90-х, когда были проблемы с зарплатами – у людей остался страх. Более позднее заключение брака связывается также с тем, что сначала «многие живут в гражданском браке».

Другие придерживаются мнения, что браки стали более ранними: «заканчивают школу, лишь поступают на учебу и сразу женятся». Раннее вступление в брак (в 17-18 лет), а тем более рождение ребенка, по мнению отдельных участниц старшего поколения, не должно приветствоваться, поскольку «рожают детей, а сами хотят на дискотеку». Такая ситуация, по их мнению, нередко провоцирует пьянство мужа, а впоследствии ведет к разводу.

Среди факторов, скрепляющих брак, традиционно названы чувственно-эмоциональные, как-то: любовь, взаимовыручка, взаимопонимание, ответ-

ственность, уважение, доверие, привязанность и др. В современных условиях неизбежен рост значения материальных условий семьи, среди которых наиболее часто упоминаются совместное владение имуществом, машиной, совместный капитал. Наиболее острыми остаются и жилищные условия (Барашкова, 2012), влияние которых прослеживается и на репродуктивных установках населения (*О положении..., 2008, с.84-88*).

Высказывается также мнение, что в браке особая роль принадлежит детям и женщине. Вместе с тем подчеркивается, что не должно быть лидерства в воспитании детей. Участники групповых интервью единодушны во мнении, что только в случае полного взаимопонимания, сплоченности семья сможет противостоять влиянию внешних факторов, прежде всего, связанных с работой, со школой. Не столь безобидно и вмешательство родителей, родственников, их собственная *life history*. Опасен пример семей, в которых идет раскол, непонимание. Таких семей много, поэтому молодые девушки не выходят замуж: «Видят как плохо и боятся». Не столь безобиден и вопрос траты денег: на что или на кого потратить, какую сумму может себе семья позволить, в какие сроки надо уложиться с возвратом и т.д.

Именно финансовый вопрос, как видно из последующего разговора, часто становится причиной конфликта со всей вытекающей отсюда цепочкой взаимоотношений, взаимного недовольства, претензий, капризов детей, считает большинство участников. «Ты как мать – на стороне детей, а как жена мужа тоже понимаешь, а конфликт-то не исчезает». Неумение, нежелание сгладить острый угол, снять проблему накапливает взаимное недовольство, ведет к распаду брака.

В ходе интервью выяснялось, что большинство семей ссорится и разводится из-за алкоголизма мужа, у которого «психика уже испорчена, жить с таким очень трудно». Постепенно пьяный муж отворачивает от себя жену, и начинаются проблемы на сексуальной почве. Как замечают пожилые участницы, раздор в семье возможен из-за недопонимания, распущенности мужчин, их неуважительного отношения к женщинам. Преобладающая позиция молодых участниц – «мужчина должен уступать женщине, а она не обязана терпеть». Мужчины-главы семей придерживаются мнения, что надо уступать друг другу в чем-то, идти на уступки, сглаживать. Если есть взаимопонимание, любовь, но только не равнодушие, то конфликтных ситуаций не может возникать или они вполне разрешимы. Женщина должна быть мудрой: последнее слово все равно всегда за мужчиной. Необходимость сглаживания острых углов ради детей подчеркивается почти во всех фокус-группах. Иногда, правда, меняется мотивация: ради статуса замужней семейной женщины.

Хотя отношение социума к разведенным женщинам весьма демократично, однако статус семейной (замужней) в нашем регионе остается неоспоримо более высоким, поэтому «нужно стремиться прожить в браке с избранником до конца жизни». При этом развод, с точки зрения молодых холостых – это показатель эмансипации женщин, свидетельство того, что поменялись ценности под влиянием Запада, политики, информационных технологий, что происходит на фоне большого числа неготовых к браку людей. Это – веяние времени, проявление легкости отношений, свободы выбора, – считают другие участницы, – это ни хорошо, ни плохо. Встречаются также мнения: чем пребывать в стрессо-

вой ситуации, если нет общих детей, – лучше разойтись, «появляется шанс построить новую семью и потому это хорошо».

Участники признают, что человек не робот и в ситуации, когда из общей проблемы одну часть решаешь, какая-то проблема остается на заднем плане, а потом через какое-то время опять все равно возникает, трудно сдержать эмоции. В то же время признается, что конфликты могут вывести жизнь семьи, отношения супругов на новый уровень. Видимо, главное – пережить критические моменты. Из подобных ответов видно, что конфликтную ситуацию вызывает не одна причина, а комплекс причин, приводящих нередко к разводу.

В ответах на вопрос анкеты «Если семейная жизнь у супругов не сложилась, то развод – это» на первом месте стоит «наилучший выбор» (35,8%). В возрасте старше 40 лет респонденты считают, что этот выход приемлем лишь в крайних случаях (36,1%). Самая решительная поддержка развода, как наилучшего решения семейных проблем, в группе 25-29 лет, в которой так считают 40,3% респондентов.

В ходе обследования достаточно большое внимание было уделено распространению гражданских браков. Участниками признается, что гражданский брак – признак современной жизни: раньше все запрещали, и сейчас всех прорвало, все имеют право на свободу, «сейчас это в порядке вещей». Однако именно в цивилизованном обществе, по мнению молодых участниц, все должно быть документировано, везде проставлена подпись, печать. Представительницы старшего поколения чаще апеллируют к морально-психологическим моментам свободного сожительства, в целом осуждая эту форму брака.

Таблица
Распределение ответов представителей разных возрастных групп на вопрос
«Почему, на Ваш взгляд, распространены гражданские браки?»

Причины распространения гражданских браков	до 24 лет	25-29 лет	30-34 лет	35-39 лет	старше 40 лет	Всего
Проявление индивидуальности	9,0	11,6	11,3	10,2	8,2	10,2
Возможность проверить данный брак	28,3	28,3	28,2	29,0	21,1	27,1
Неуверенность в партнере	24,7	20,7	19,7	22,2	22,4	21,6
Безответственность	13,9	11,6	10,3	9,7	11,6	11,3
Боязнь за собственное имущество	4,2	3,6	5,6	6,8	9,5	5,6
Женщины более состоятельны и не желают зависеть от мужчин	7,8	8,0	10,3	8,0	14,3	9,4
Чтобы иметь статус матери-одиночки в случае рождения ребенка	3,0	3,6	4,7	3,4	4,1	3,8
Проявление права выбирать форму отношений между мужчиной и женщиной	9,0	12,7	9,9	10,8	8,8	10,4
Другое	0,0	0,4	0,9	0,6	1,3	0,6
Всего	100	100	100	100	100	100

По мнению респондентов, основными причинами распространения гражданских браков являются «возможность проверить данный брак» (27,1%) и «неуверенность в партнере» (21,6%). Третьей по значимости среди предложенных вариантов ответов является причина, определяемая как «безответ-

ственность» (11,3%). Мнение респондентов в выбранных трех вариантах единодушно и не имеет больших различий по возрастным группам. «Проявление права выбирать форму отношений между мужчиной и женщиной» является значимой причиной для 25-29-летних респондентов (12,7%). По мнению группы респондентов в возрасте старше 40 лет, как видно из таблицы, значимой причиной распространения гражданских браков является то, что «женщины более состоятельны и не желают зависеть от мужчин» (14,3%).

Среди возможных причин распространения гражданских браков респонденты приводят такие, как «боязнь неизвестности», «неуверенность в будущем», «времени нет», «легче разорвать отношения», «просто и так хорошо». Ссылаются также на плохое материальное положение, отсутствие государственной поддержки, хорошей работы, отсутствие жилья. Нередкая причина сожительства, по мнению женщин, излишняя опека подрастающего юноши в родительской семье

Использованный метод фокус-групп по сравнению с анкетным опросом позволяет лучше понять существующие проблемы в современных семьях, раскрыть влияние социальных детерминант на людей, определить их оценки относительно происходящих событий. Исследователи в данном случае становятся свидетелями того, как общие структурные трансформации общества проникают в каждую семью и воздействуют на индивидуальные траектории жизни (*Де Гольжак, 2003, с.80*). Если в начале фокусированного интервью участники основываются лишь на личном опыте, то потом с помощью вспомогательных вопросов модератора начинают устанавливать причинно-следственные связи, выделяя зависимость демографических изменений от социальных явлений общего плана. Наибольшие расхождения мнений представителей разных поколений наблюдаются в вопросах о возрасте вступления в брак и распространении гражданских браков. Отношение к разводу, мнения о факторах, скрепляющих брак, в целом не имеют возрастной дифференциации. Такова реальная картина мнения участников в сфере брачно-семейных отношений населения Республики Саха (Якутия).

Литература

1. Барашкова А.С. Оценка жилищных условий населения в Республике Саха (Якутия) // Жилищная обеспеченность и качество населения. 2012, №1(167). – С.47-53.
2. Варламова С.Н., Носкова А.В., Седова Н.Н. Семья и дети в жизненных установках россиян // Социологические исследования. 2006, №10. – С.61-73.
3. Де Гольжак В. История в наследство: Семейный роман и социальная траектория / пер. с франц. И.К. Масалкова. – М., 2003.
4. Митрикас А.А. Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования. 2004, №5. – С.65-73.
5. О положении семьи в Республике Саха (Якутия): Доклад / Сергучёв А.Е., Сукнёва С.А., Барашкова А.С., Мостахова Т.С. – Якутск, 2008.
6. Римашевская Н.М. Семья в странах с переходной экономикой // Народонаселение. 2004, №4. – С.5-18.
7. Сукнёва С.А., Барашкова А.С. Индикаторы качества жизни в ценностных ориентациях населения северного региона // Качество жизни населения регионов

нов Дальневосточного федерального округа и его оценка: Сб. матер. науч.-практ. конфер. «Качество жизни населения регионов Дальневосточного федерального округа и его оценка» (г. Якутск, 14-16 июня 2011 г.). – Якутск, 2011. – С.181-188.

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК АКТУАЛЬНАЯ ОБЛАСТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

М.А. Королева

ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

Репродуктивное поведение – это сложная демографическая категория, включающая в себя биологические, социально-экономические, психологические и нравственно-этические аспекты жизнедеятельности индивида. По утверждению В.М. Медкова, «репродуктивное поведение – это действия людей и отношения между ними, возникающие в связи с рождением ребенка или отказом от рождения» (Медков, 2002, с.114). Тем самым, репродуктивное поведение предполагает наличие обязательного условия – плодовитости, т.е. физиологической способности к зачатию.

В настоящее время учеными-демографами выделено три типа репродуктивного поведения, каждое из которых характеризуется предпочтением того или иного числа детей в семье: многодетное (потребность в пяти и более детях), среднедетное (потребность в 3-4 детях) и малодетное (потребность в 1-2 детях). Существующая демографическая ситуация в России характеризуется последним из упомянутых типов репродуктивного поведения и «хотя после снижения рождаемости до уровня 1,17 в 1999 г., с 2000 г. этот показатель медленно, но устойчиво растет, его уровень еще не достиг даже величины, необходимой для простого воспроизводства населения» (Рощина, Черкасова, 2009).

Часто термин репродуктивное поведение используют, когда говорят о репродуктивном намерении (намерении родить ребенка), о потребности в детях, об идеальном, желаемом и ожидаемом количестве детей. Остановимся подробно на каждом из понятий, в совокупности представляющих данный термин. А.О. Тындик в своей статье наделяет понятие «репродуктивное намерение» следующей смысловой нагрузкой – это серия последовательных и изменяющихся во времени индивидуальных решений, которые зависят от очередности рождения и временного интервала, на который осуществляется планирование» (Тындик, 2013). Следует учитывать и гибкость репродуктивных намерений, которые легко трансформируются в сторону большего или меньшего числа детей в силу изменения брачно-партерского статуса, наличия уже имеющихся детей (особенно детей одного пола), а также в зависимости от принятия партнерами общего решения о количестве детей после существующих разногласий.

* Статья подготовлена в рамках проекта конкурсных программ межрегиональных и межведомственных фундаментальных исследований УрО РАН «Демографическое развитие северных регионов России в условиях социально-экономической трансформации» (номер 12-С-7-1009)

Соотношение репродуктивных намерений и фактических рождений, с учетом расхождений между этими показателями, сформулировано Миллером и его соавторами в теоретической концепции TDIB («Traits-Desires-Intentions-Behaviour», т.е. «свойства личности-желание-намерение-поведение»). Согласно данной концепции, «существуют четыре возможных связи между намерениями и рожданиями – реализация положительных намерений (рождение), реализация отрицательных намерений (нерождение), а также в случаях, когда намерения не реализуются: ложноположительная, если желание иметь ребенка не приводит к его появлению, и ложноотрицательная – если рождение ребенка происходит «незапланированно», при высказанном ранее нежелании иметь детей» (Тындик, 2013).

В большинстве случаев причиной ложноположительных намерений является откладывание появления детей на поздние сроки в календаре рождений. Как пишет В.Н. Архангельский, данная тенденция актуальна и для современной ситуации в России: «начиная с 2008 г., максимальный уровень рождаемости в нашей стране сместился из возрастной группы 20-24 года к 25-29 годам. Растет средний возраст матери при рождении детей. Минимальная его величина в 1994 г. – 24,6 года. К 2000 г. он вырос до 25,8 года, к 2007 г. – до 27, а к 2010 г. – до 27,6 года» (Архангельский, 2013, с.129). Причиной ложноположительных результатов реализации репродуктивных намерений чаще всего являются события жизненного цикла, бесплодие и более низкий уровень репродуктивных намерений партнера-лидера. Намерения становятся ложноотрицательными, когда реализуется решение родить ребенка вследствие незапланированной беременности, а также в случае появления нового партнера.

Как упоминалось выше, второй компонент, определяющий специфику репродуктивного поведения – потребность личности в детях. Как пишет Т.А. Андреева, «потребность личности в детях является духовной потребностью и выходит за рамки изучения ее только в связи с рождаемостью. В научной классификации потребностей человека она должна занять свое место взамен мифологической «потребности размножения». Потребность в детях – одна из форм проявления потребности в другом человеке, она характеризует степень нравственного развития личности» (Андреева, 2004, с.142). Данная потребность, являясь социально-психологическим свойством человека, находится на самом высшем уровне потребностей. Рядом с ней стоят потребности в творчестве, образовании, свободном времени и т.д.

В демографии выражением репродуктивного поведения служит среднее число детей в семье и среднее число детей, рожденных женщиной за всю ее жизнь, а также пропорция между количеством идеальных, желаемых и реальных детей в семье. Сведения о данной пропорции получают с помощью выборочных социологических и демографических обследований и результатов переписей населения.

Наиболее отдаленную от реальности картину в области измерения репродуктивных установок представляет собой среднее идеальное число детей, которое количественно отображает мнение индивида о наилучшем количестве детей в семье вообще, без учета конкретной жизненной ситуации и индивидуальных предпочтений. Преимуществом данного показателя является возможность проследить, в какую сторону трансформируются социальные нормы детности в течение времени в сознании населения. В то же время его решитель-

ным недостатком является неспособность выстроить сколько-либо точные прогнозы уровня рождаемости.

Общепризнанный в демографическом сообществе инструмент измерения потребности в детях – показатель «среднее желаемое число детей». Особенность его состоит в том, что он, в отличие от показателя идеального числа детей, носит уже индивидуализированный характер, но в то же время, при измерении уровня детности подобным способом на репродуктивные установки еще не налагаются конкретные жизненные условия и обстоятельства индивида, в которых он осознанно формирует свой выбор в области рождаемости. Следует учитывать, что реальные репродуктивные установки, учитывающие конкретные условия жизни, значительно ниже идеальных представлений о желаемом количестве детей. Ввиду этого данный показатель зачастую не совпадает с фактическим числом рождений в семье по истечении ею репродуктивного периода.

Более точным отражением репродуктивных установок является показатель «среднее ожидаемое число детей». Как и предыдущий, данный показатель используется для числового выражения количества детей, которое индивид хотел бы иметь в своей семье. Однако, несмотря на то, что «поиск наиболее точных способов измерения этого показателя все еще не окончен» (Тындик, 2013), он имеет два принципиальных отличия от предыдущего, которые, собственно, и делают его самостоятельным. Во-первых, в настоящее время все чаще «ожидаемое число детей анализируется применительно к конкретному горизонту планирования, а не на весь репродуктивный период» (Тындик, 2013). Во-вторых, данный показатель неразрывно связан с социальной, брачной историей индивида, с историей его занятости на рынке труда, т.е. здесь, прежде всего, важно, какое число детей планирует родить индивид в ближайшее время в конкретных обстоятельствах. Данный инструмент измерения предпочтительного уровня детности имеет ряд преимуществ, главным из которых является возможность количественного изучения репродуктивных установок населения, которое обеспечивает прогнозирующую функцию демографических исследований в плане изучения ближайших и долгосрочных перспектив рождаемости.

Все три вышеперечисленных показателя соотносятся следующим образом: идеальное число детей в большей степени демонстрирует когнитивные компоненты репродуктивной установки, сознательную ориентацию на социальные нормы; желаемое число детей содержит в себе когнитивно-эмоциональные компоненты установки на детность, и, наконец, ожидаемое число детей представляет практические компоненты установки, которые чаще всего воплощаются в реальной действительности. При измерении репродуктивных установок близость всех трех показателей говорит о том, что индивид имеет столько детей, сколько хочет, и это число вполне соответствует его представлениям о социальных нормах детности.

Разрыв между числом идеальных, желаемых и реальных детей в семье позволяет делать выводы о степени удовлетворенности биологических и социальных потребностей населения, гармоничности или дисгармоничности репродуктивного поведения, а также установить наличие неразрешимых конфликтов (аномии) в жизненных сценариях населения или отдельных его групп. Как пишет Г. Талалаева, «оценка степени гармоничности репродуктивного поведения является одной из важных основ профилактики аномального поведения моло-

дежи и разработки успешных технологий социального менеджмента территорий, направленных на консолидацию социума. Для создания эффективных технологий такого типа необходимо принимать во внимание взаимосвязь репродуктивного поведения с факторами внешней среды» (Талалаева, 2010, с.57), которыми, прежде всего, являются социальная принадлежность индивида и территориальные различия в репродуктивном поведении.

Изучение репродуктивных настроений семей с детьми в Республике Коми стало одним из направлений масштабного социологического исследования «Социальное самочувствие семей с детьми», проведенного в августе 2012 г. социологической службой «Общественное мнение» и «Союзом женщин» Республики Коми. В выборку данного обследования вошли 1200 семей с несовершеннолетними детьми из 13 муниципальных образований Республики Коми. Для корреляции результатов опроса в выборку были включены семьи различного типа: полные и неполные; юридически зарегистрированные и семьи с супругами, проживающими в форме сожительства; однодетные, малодетные и многодетные; семьи с различным уровнем жизни; городские и сельские семьи; молодые семьи, в которых возраст одного из родителей не превышает 35 лет.

Данное исследование содержало вопросы, дающие возможность измерить среднее желаемое число детей в семье, позволяющее судить о существующей социальной норме детности в семьях с детьми в Республике Коми (табл. 1). Как видно из таблицы, в репродуктивных установках населения республики, принявшего участие в обследовании, превалирует ориентация на двухдетную семью. Интересно, что 40% респондентов полагают, что в идеале в семье должно быть трое детей, а приверженцев однодетной семьи оказалось меньше всего. По результатам исследования не было обнаружено прямой зависимости между желаемым количеством детей и материальным достатком семьи. Скорее, наоборот – по мере увеличения уровня жизни семьи наблюдается снижение репродуктивных установок.

Таблица 1
Распределение ответов на вопрос «Сколько в семье должно быть детей?»
в зависимости от места жительства (в % от числа опрошенных)

Вопросы и варианты ответов	В среднем по РК	Городские семьи	Сельские семьи
Один ребенок (однодетные семьи)	6	6	4
Два ребенка (двухдетные семьи)	54	55	48
Три и более ребенка (многодетные семьи)	40	39	48
Всего	100	100	100

Источник: 5

Подобная тенденция характерна и для большинства развитых стран Запада, где лидерами по наименьшему желаемому числу детей являются немцы и австрийцы. Так, «согласно докладу, опубликованному Федеральным институтом демографических исследований, немцы в 2005 г. в среднем хотят иметь лишь 1,7 ребенка. Еще в 1992 г. их пожеланием было иметь 2 детей. К числу главных причин, на которые ссылаются при этом женщины, относятся отсутствие подходящего партнера и желание сохранить нынешний уровень жизни» (Калла, 2005). По-видимому, довольно сильное укрепление в сознании российского населения механизмов рыночной экономики, принципов накопления материальных благ и индивидуализация образа жизни приблизили мнение ре-

спондентов провинциальных регионов России о нормах детности к западной модели репродуктивного поведения.

Показатель «ожидаемого числа детей» исследовался с помощью вопроса о ближайших репродуктивных планах респондентов, которые строятся семьей, опираясь, кроме индивидуальных предпочтений, на реальные социально-экономические условия, репродуктивное здоровье и психологический климат семьи (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос
«Планируете ли Вы в ближайшие три года рождение ребенка?»
в зависимости от места жительства (в % от числа опрошенных)

Вопросы и варианты ответов	В среднем по РК	Городские семьи	Сельские семьи
Да, мы думаем, что можно родить еще детей	13	14	9
Да, мы хотим еще иметь детей, но пока не знаем когда	13	13	15
Нет, в нашей семье все остается по-прежнему, рождение детей мы не планируем	74	73	76
Всего	100	100	100

Источник: 5

По таблице видно, что подавляющее число респондентов на момент опроса были удовлетворены существующим количеством детей в их семье и не планировали появления еще детей в ближайшие три года. А из числа тех семей, которые выбрали первый вариант ответа «да, мы думаем, что можно родить еще детей», восемь из десяти семей намерены родить одного ребенка, остальные семьи – двоих детей. Сравнивая две представленные таблицы, можно говорить о дисгармоничном характере репродуктивного поведения, а в некоторых случаях и о ложноположительных репродуктивных намерениях, поскольку между средним желаемым и средним ожидаемым числом детей наблюдается явное рассогласование. Наглядно подтверждают данный вывод следующие результаты: 40% из числа опрошенных полагают, что в семье должно быть трое детей, и в то же время в ближайшие три года третьего ребенка хотят родить только 8% опрошенных двухдетных семей. Итак, в реальных условиях наиболее резко снижаются репродуктивные установки с трехдетного желаемого числа детей до одно-двухдетного.

С помощью результатов исследования был рассчитан важнейший демографический показатель – суммарный коэффициент рождаемости (СКР), который показывает «сколько детей рожает в среднем одна женщина за всю свою жизнь от 15 до 50 лет при условии, что на всем протяжении репродуктивного периода жизни данного поколения возрастные коэффициенты рождаемости в каждой возрастной группе остаются неизменными на уровне расчетного периода» (*Англо-русский демографический словарь, 1978, с.84*). По результатам исследования в среднем по массиву опрошенных на одну семью без учета характера брачных отношений приходилось 1,88 детей, СКР в семьях с официально оформленными отношениями составил 2,00 ребенка (*Социологическое обследование «Социальное самочувствие семей с детьми», 2012*).

Данные показатели не позволяют говорить о позитивных перспективах в плане воспроизводства населения, поскольку «суммарный коэффициент рож-

даемости, меньший 2,15, считается низким. Для простого воспроизведения населения он должен быть равен 2,2- 2,3, т.е. в десяти семьях должно быть 22-23 ребенка» (Калабеков, 2013). Низкое значение выявленного в ходе обследования суммарного коэффициента рождаемости свидетельствует о консервации в Республике Коми неблагоприятной демографической ситуации, которая сопровождается целым комплексом социальных и экономических проблем, приводит к дисбалансу в брачно-семейной и рыночной структуре общества.

Вследствие значимости обозначенной выше проблемы, в рамках исследования «Социальное самочувствие семей с детьми» респондентам был задан вопрос о том, какие факторы не позволяют семьям с одним ребенком планировать рождение еще детей (вторых и третьих). Главными причинами подобного «нежелания» были отмечены: материальные трудности, отсутствие нормальных жилищных условий, дорогое образование и большие затраты на обучение ребенка, «дорогие» дети, а также желание респондентов жить для себя (*Социологическое обследование «Социальное самочувствие семей с детьми», 2012*). Тот факт, что основной причиной дисгармоничности репродуктивного поведения являются материальные проблемы семей с детьми, в глобальном смысле может быть вполне оправдан – в Докладе ООН о человеческом развитии Россия занимает лишь 66 место по уровню жизни населения (*Доклад ООН о человеческом развитии, 2011*). Данная цифра говорит о том, что все население России, а тем более такая уязвимая его категория как семья с детьми, не могут чувствовать себя безопасно и уверенно в завтрашнем дне.

Таким образом, незащищенные в финансовом плане семьи вынуждены снижать свои репродуктивные установки до минимально допустимого ими уровня. С другой стороны, сугубо экономическую почву малодетности, наряду с другими многочисленными обследованиями, опровергают и данные вышеуказанного социологического исследования, одним из результатов которого стало выявление тенденции снижения репродуктивных установок в семьях с высоким среднедушевым доходом. Данное противоречие позволяет полагать, что материальное стимулирование рождаемости не является единственной панацеей в борьбе с дисгармоничностью репродуктивного поведения и актуализирует поиск новых рычагов воздействия на население с целью совершенствования демографической ситуации в Республике Коми.

Литература

1. Англо-русский демографический словарь. – М., 1978.
2. Андреева Т. Семейная психология. – М.: Речь, 2004.
3. Архангельский В.Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. – 2013, №2. – С.129-136.
4. Доклад о человеческом развитии. Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех. – Опубликовано для Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН). – М., 2011.
5. Итоги социологического обследования «Социальное самочувствие семей с детьми». – Сыктывкар: Социологическая служба «Общественное мнение Республики Коми» и Общественная организация «Союз женщин Республики Коми», 2012.
6. Калабеков И. Российские реформы в цифрах и фактах. – 2013. – URL: <http://kaivg.narod.ru> (14.10.2013).

7. Калла С. Все меньше немцев хотят иметь детей. – Демоскоп Weekly. № 201-202, 2-22 мая 2005 г. – URL: <http://www.demoscope.ru> (15.10.2013).
8. Медков В.М. Демография. – Ростов-на Дону: Феникс, 2002.
9. Рошина Я. М., Черкасова А. Г. Дифференциация факторов рождаемости для различных социально-экономических категорий российских женщин. – Демоскоп. – № 401-402, 7-20 декабря 2009 г. – URL: <http://www.demoscope.ru> (15.10.2013).
10. Талалаева Г. Социальная демография. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2010.
11. Тындик А.О. Репродуктивные установки населения в современной России. – Демоскоп. – № 553-554, 1-19 мая 2013 г. – URL: <http://www.demoscope.ru>.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВОДИМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ*

Л.А. Попова, д.э.н.

ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

А.С. Барашкова, к.э.н.

Институт региональной экономики Севера СВФУ, г. Якутск

От устойчивости жизнедеятельности семьи, от стабильности супружеской пары, являющейся ее основой, зависит не только демографическое развитие семьи, но и социальное и экономическое поведение ее членов. Проблемность функционирования семьи является лимитирующим фактором для полной реализации существующей потребности в детях. Постразводные стрессы наносят заметный урон не только психическому, но и физическому здоровью участников развода. Значительные психологические травмы получают дети, выросшие в конфликтных, нестабильных и распавшихся семьях, что в будущем зачастую оказывается на их моделях брачно-семейного поведения. Семейные неурядицы и конфликты мешают человеку в полной мере реализовать свой творческий потенциал в работе, снижают его социальную активность, увеличивают вероятность проявления в его поведении разного рода девиаций. Поэтому рассмотрение вопросов, связанных с дезорганизацией семейной жизни, в том числе и проблем разводимости, представляет несомненное значение с точки зрения человеческого капитала региона. В данной статье будут рассмотрены особенности разводимости населения в северных регионах России. Более подробно будет проанализирована ситуация в двух крупных северных национальных республиках: Республике Коми и Республике Саха (Якутия), которые, с одной стороны, характеризуются рядом общих для Севера закономерностей демографического развития, с другой, отличаются собственной спецификой, во многом обусловленной этническим составом населения и разной стадией демографического перехода у титульных этносов республик.

К общим для Севера закономерностям демографического развития следует, прежде всего, отнести значительные объемы убыли населения, обусловленные масштабным миграционным оттоком на протяжении последних двух с половиной десятилетий, и более высокие в связи с этим темпы старения пока

* Статья подготовлена в рамках проекта конкурсных программ межрегиональных и межведомственных фундаментальных исследований УрО РАН «Демографическое развитие северных регионов России в условиях социально-экономической трансформации» (номер 12-С-7-1009)

еще более молодого населения зоны Севера (*Попова, Зорина, 2013*). Процессы естественного движения населения северных территорий также заслуживают очень неоднозначной оценки, несмотря на кажущуюся относительную благополучность, которая находит отражение непосредственно в характере и динамике показателя естественного прироста. В некоторых северных регионах естественная убыль населения началась несколько позже, чем в целом по стране, и раньше завершилась. При этом в депопуляционных северных регионах величина общего коэффициента естественной убыли, как правило, была заметно ниже среднероссийского уровня, исключение составляли только Карелия и Архангельская область. В некоторых северных субъектах лишь отдельные территории охватывались естественной убылью. И, наконец, в некоторых северных регионах страны на протяжении всего периода российской депопуляции сохранялся устойчивый естественный прирост.

Однако меньшая глубина демографического кризиса на Севере России носит по большей части формальный характер, обусловленный молодой возрастной структурой населения, незавершенностью демографического перехода у коренных народов Севера и «вывозом смертности» в южные регионы. К числу наиболее острых демографических проблем относятся молодая возрастная структура умирающих и значительная доля смертности от внешних причин и болезней экзогенной этиологии; низкий уровень рождаемости в традиционно русских северных областях и территориях с завершенным демографическим переходом у коренных этносов; взаимосвязь незавершенности демографического перехода у коренных народов Севера с неблагоприятными качественными характеристиками рождаемости и высоким уровнем младенческой смертности (*Попова, 2010*).

Неблагоприятно можно оценить на Севере и характер развития брачно-семейных отношений. Благодаря более молодой возрастной структуре с повышенным процентом населения в трудоспособном возрасте, который одновременно является и возрастом брачной активности, для северных регионов, как правило, характерен повышенный показатель брачности. Однако в некоторых территориях (например, в Ненецком АО, республиках Коми и Саха (Якутия)) уровень брачности ненамного превышает среднероссийский уровень, а зачастую бывает и ниже. В Карелии и Архангельской области общий коэффициент брачности стабильно ниже среднего по стране показателя. А в Республике Тыва его величина ниже среднероссийского уровня весьма существенно. С одной стороны, это обусловлено тем, что, в отличие от остальных северных территорий, для молодой возрастной структуры населения Тывы характерен относительно невысокий, ниже среднего по стране, удельный вес населения в трудоспособном возрасте. Но, кроме того, низкий общий коэффициент брачности коррелирует здесь с максимально высоким уровнем внебрачной рождаемости и низким уровнем общего коэффициента разводимости (*Демографический ежегодник, 2011*). Очевидно, что в этом регионе весьма сильно проявляются особенности брачно-семейного поведения коренного населения, оказывающие негативное влияние на уровень официальной регламентации брачных отношений.

Кроме Республики Тыва, где общий коэффициент разводимости ниже среднего по стране более чем в два раза, практически все северные регионы характеризуются повышенными уровнями разводимости (табл.), что закономерно

в условиях молодой возрастной структуры населения. Особенно высокими показателями разводимости отличаются Магаданская область, Чукотский и Ханты-Мансийский автономные округа.

Таблица

**Динамика общего коэффициента разводимости
населения северных территорий Российской Федерации
в 2000-2011 гг., на 1000 человек населения**

Регионы	Годы									
	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Российская Федерация	4,3	5,5	4,4	4,2	4,5	4,8	5,0	4,9	4,5	4,7
Европейский Север										
Республика Карелия	4,7	5,4	4,3	4,4	4,6	4,9	5,1	4,9	4,7	5,1
Республика Коми	4,8	5,5	4,9	4,5	4,8	5,2	5,5	5,5	5,1	5,4
Архангельская область	3,7	5,5	4,2	4,0	4,4	4,9	5,2	5,1	4,7	5,2
Ненецкий АО	4,1	5,3	3,9	3,6	4,4	4,5	5,2	5,0	5,2	5,3
Мурманская область	6,4	7,3	6,4	6,5	6,6	6,7	6,9	7,0	6,3	6,4
Азиатский Север										
Ханты-Мансийский АО	7,2	9,1	7,2	6,7	6,9	7,0	7,1	7,1	7,1	7,1
Ямало-Ненецкий АО	7,1	7,9	6,6	6,5	6,8	6,7	6,6	6,4	6,7	6,6
Республика Тыва	1,6	2,0	1,8	1,4	1,6	1,9	2,0	2,0	2,0	2,2
Республика Саха (Якутия)	4,2	5,0	4,1	3,9	4,2	4,4	4,8	4,9	4,7	5,0
Камчатский край	6,0	7,3	5,1	5,5	6,4	7,5	6,8	7,1	7,0	6,9
Магаданская область	10,5	8,2	7,6	6,8	7,3	7,0	7,9	7,1	6,4	7,0
Сахалинская область	5,4	7,1	5,7	5,3	5,4	5,9	6,7	6,5	6,3	6,8
Чукотский АО	7,5	9,2	8,2	7,3	7,3	8,3	8,1	7,8	6,8	6,2

Источники: 1, с.168-169; 5

Тенденции уровня разводимости в зоне Севера в целом повторяют общероссийские. В 1966 г., после упрощения процедуры развода Указом 1965 г. «О некоторых изменениях порядка рассмотрения в судах дел о расторжении брака», повсеместно в стране произошло скачкообразное повышение его уровня, очевидно, явившееся результатом массового оформления разводов, которые фактически давно состоялись. Но уже в 1967 г. темпы роста уровня разводимости значительно сократились, а дальнейшее упрощение бракоразводной процедуры в результате принятия в 1968 г. нового Брачно-семейного кодекса страны на числе разводов и вовсе никак не отразилось. Разводимость населения понемногу продолжала расти, следуя своим закономерностям, поскольку общественное мнение все более терпимо относились к факту расторжения брака. В 1980-е годы рост уровня разводимости перешел в стабилизацию и даже снижение, а начало 1990-х годов ознаменовалось новым повышением ее уровня.

В Якутии заметный подъем общего коэффициента разводимости произошел несколько раньше, во второй половине 1980-х годов, а затем в течение десятилетия он держался примерно на одном уровне. В Республике Коми, которая благодаря молодой возрастной структуре населения традиционно характеризуется повышенным общим коэффициентом разводимости, траектория подъема была заметно круче, чем по стране в целом. Рост был не очень продолжительным – до 1994 г. Однако он происходил в условиях существенного снижения уровня брачности населения – соответственно, свидетельствует о значительном нарастании в эти годы нестабильности брачно-семейных отно-

шений. Широкое распространение добрачных и внебрачных половых связей, значительное повышение уровня требований супругов друг к другу в интимной сфере в результате хлынувших во второй половине 1980-х годов из всех средств массовой информации потоков сексуальной информации гедонистического направления при недостатке общей и контрацептивной культуры населения во многом способствовали семейной дезорганизации. Определенную роль сыграли и социальные последствия начавшихся экономических реформ, приведшие к обнищанию значительных слоев населения и сильнейшей поляризации общества: семьи, сосредоточенные на противоположных полюсах, гораздо сильнее, чем семьи, средние по уровню жизни, подвержены влиянию дестабилизирующих факторов.

В 1995 г. рост показателей разводимости в Республике Коми перешел в стабилизацию, а затем довольно заметное снижение, продолжавшееся на протяжении 5 лет – до 1999 г. По стране в целом уменьшение уровня разводимости в эти годы было не таким значительным и прервалось на год раньше, так же, как и в Якутии, где снижение показателей разводимости наблюдалось в течение 1994-1998 гг.

В результате этого снижения к концу 1990-х годов в Коми были достигнуты уровни разводимости начала 1970-х. Однако указанные два десятилетия принципиально различаются по брачной ситуации: в 1970-е годы наблюдался рост показателей официальной брачности, в то время как 1990-е ознаменовались расширением распространения фактической браков, а официальная брачность оказалась на уровне 1920-1930-х годов. В 1999 г., когда в республике был достигнут локальный минимум разводимости, аналогичный уровню начала 1970-х годов, показатели брачности были более чем в полтора раза ниже уровня 1970 г.

Соответственно, снижение уровня разводимости, характерное для середины – второй половины 1990-х годов, вовсе не свидетельствуют об усилении в этот период устойчивости функционирования семьи. Уменьшение числа разводов явилось, во-первых, следствием значительного сокращения числа молодых официально оформленных браков. Во-вторых, следствием широкого распространения фактических браков. С одной стороны, не оформленный юридически брак не требует и юридической регистрации развода, а, с другой, фактическая брачность, охватывающая, прежде всего, повторную, способствует и распространению фактической – без юридического оформления развода – разводимости зарегистрированных первых браков. Специалисты, регистрирующие демографические события, отмечают и такой момент, что довольно распространенным явлением в последние десятилетия стало пренебрежение населением, особенно мужчинами, фиксировать в органах ЗАГС разводы, совершенные в судебном порядке. Иными словами, часть даже юридически оформленных разводов не попадает в статистику разводимости – скорее всего, опять же в силу значительного распространения фактической брачности в повторных браках. И, в-третьих, в условиях весьма низкого уровня жизни основной части населения и многомесячных задержек заработной платы, характерных для 1990-х годов, даже необходимость платить при разводе госпошлину оказалась фактором понижения официальной разводимости. И это тоже отнюдь не свидетельствует о повышении стабильности семейной жизни.

С 2000 г. показатели разводимости в Республике Коми вновь обнаружили тенденцию к росту. В 2002-2003 гг. максимальные уровни 1994-1995 гг. оказались практически достигнутыми, а в сельской местности республики – перекрытыми. По России в целом траектория подъема разводимости в эти годы была более крутой. В результате общероссийский уровень максимально сблизился с республиканским, а в 2002 г. даже превысил его. В условиях более молодой возрастной структуры населения Республики Коми и достаточно близких в этот период показателей официальной брачности это можно оценивать как следствие некоторого улучшения ситуации по сравнению со средней по стране. Однако определенную роль здесь, конечно, играет и широкое распространение в Коми фактической брачности. В Республике Саха (Якутия) рост уровня разводимости в эти годы наблюдался в течение 1999-2001 гг., и он был не особо значительным. В результате в начале 2000-х годов общий коэффициент разводимости в Якутии также опустился ниже общероссийского уровня.

Повышение показателей разводимости начала 2000-х годов специалисты во многом связывают с обменом советских паспортов на паспорта российского образца, в ходе которого в статистику попали разводы, оформленные в прежний период в судебном порядке и не зафиксированные в органах ЗАГС. После него закономерно последовало снижение показателей. Однако в Коми оно не только не вернуло их до уровня 1999 г., но достаточно быстро сменилось очередным этапом повышения разводимости, который наблюдался с 2006 по 2009 г. и который уже никак не был связан с формальной фиксацией в статистике «фактических разводов со стажем». В Якутии снижение разводимости наблюдалось в 2002-2005 гг., а с 2006 до 2009 г. также произошло довольно устойчивое повышение ее уровня, перешедшее затем в стабилизацию. Если на протяжении 2000-х годов, несмотря на молодую возрастную структуру населения, общий коэффициент разводимости был здесь ниже среднего по стране уровня, то в 2009 г. он сравнялся с общероссийским уровнем, а в 2010-2011 гг. вновь превысил его.

Таким образом, разводимости, как и другим демографическим процессам, в последние два десятилетия стала характерна некая цикличность. В большой мере она зависит от объективных изменений социально-экономической ситуации и субъективного восприятия ее населением, т.е. привыканием населения к существующей ситуации. С другой стороны, периодическая смена направления демографических трендов определяется целым рядом структурных факторов. К ним можно отнести закономерные изменения возрастной структуры населения вследствие влияния демографической истории, изменения структуры населения по возрасту, уровню здоровья и жизнеспособности вследствие сверхсмертности предыдущих лет, изменения брачной структуры населения вследствие предшествующего повышения брачности, приводящего к некоторому исчерпанию брачного потенциала, изменения семейной структуры населения после ряда лет повышенных показателей разводимости и др. Тенденции разводимости, кроме того, непосредственно зависят и от динамики брачности. Так, повышения уровня разводимости в начале и второй половине 2000-х годов в определенной степени связаны с оживлением в этот период процессов официальной брачности.

За последние два десятилетия изменения произошли не только в уровне разводимости, но и в ее структуре. В первой половине 1990-х годов, в условиях

роста официальной разводимости, в Коми наблюдалось омоложение ее структуры. В последнее время развод несколько «постарел». Возрастная мода разводимости (возраст наибольшей интенсивности разводов) и у мужчин, и у женщин по-прежнему приходится на группу 25-29 лет. Тем не менее, если в середине 1990-х годов молодежь до 30 лет традиционно превышала третью часть разводящихся, то в 2000-е годы на возраста до 30 лет приходится менее 30% всех разводов. У женщин, которые в возрастных группах до 25 лет характеризуются в полтора-два раза более высокой интенсивностью разводимости, чем мужчины, в возрастах до 30 лет в последнее время совершается менее трети разводов, в то время как в середине 1990-х годов удельный вес разводов до 30 лет у женщин превышал 40%.

В 1990-х годах возрастная медиана разводимости (возраст, к которому совершается половина всех разводов) и у женщин, и у мужчин Республики Коми приходилась на возрастную группу 30-34 лет. Однако мужская медиана разводимости уже в середине десятилетия была довольно близка к верхней границе этой возрастной группы, а в 1996 г. она пересекла ее. У женщин медиана разводимости попадала на возрастную группу 30-34 лет буквально до конца 1990-х годов. Однако в начале XXI века женская возрастная медиана разводимости также пересекла 35-летний рубеж. К возрасту 40 лет в последнее время в Коми регистрируется около 60% разводов у мужчин и менее 65% – у женщин. В середине 1990-х годов эти цифры были выше более чем на 15%.

«Постарел» в 2000-х годах официальный развод и с точки зрения продолжительности брака. Еще в середине 1990-х годов около трети разводов в республике совершалось в первое пятилетие брака. В настоящее время разводов в молодых браках немногим более 20%. В начале 2000-х годов период максимальной интенсивности разводимости устойчиво переместился из группы браков с продолжительностью 0-4 года в группу со стажем семейной жизни 5-9 лет. А в 2001 г. количество расторгнутых браков со стажем менее 5 лет оказалось меньше даже числа разводов в браках с продолжительностью 10-14 лет. Причины этого, думается, также следует искать, прежде всего, в низком на всем протяжении 1990-х и в начале 2000-х годов уровне официальной брачности, который привел к уменьшению количества молодых браков по сравнению с числом браков со значительным стажем семейной жизни.

Однако постарение структуры разводов – как по возрасту разводящихся, так и по продолжительности брака – является весьма неблагоприятной тенденцией в плане их последствий для бывших супружес. Возраст разводящихся и большой стаж распавшегося брака негативно влияют на психологическое самочувствие людей, затрудняя процесс адаптации после развода. Молодые люди быстрее восстанавливают эмоциональное равновесие, легче привыкают к новому стилю жизни. У них лучше перспективы и для вступления в новый брак.

Несмотря на постарение структуры разводов, по-прежнему весьма существенная их часть приходится на семьи, в которых супруги находятся в активных репродуктивных возрастах. Соответственно, одна из самых значимых проблем развода связана с тем, что он затрагивает судьбы детей. Поэтому очень важно, чтобы родительство в случае развода переживало брак, что взаимосвязано с общим повышением культуры развода.

В заключение следует отметить, что уровень рождаемости в России в настоящее время определяется несколькими основными факторами: начавшим-

ся в 2010-2011 гг. ухудшением возрастной структуры детородных контингентов; особенностями календаря рождений разных возрастных когорт населения; уровнем репродуктивных установок поколений, находящихся в возрастах максимальной репродуктивной активности. Негативное влияние возрастной структуры в самое ближайшее время обусловит снижение рождаемости. Структурное понижение может оказаться усиленным досрочным исчерпанием итоговой детности поколениями 1980-х годов рождения, а также недостаточной репродуктивной активностью поколений 1990-х. Даже в условиях дальнейшей активизации демографической политики стране предстоит длительный период снижения рождаемости, поскольку практически все основные факторы рождаемости сейчас играют негативную роль для ее уровня (Попова, Фаузер, 2013). Современные особенности развития брачно-семейных отношений, выраженные в снижении уровня официальной брачности, широком распространении фактических браков, браков, стимулированных добрачной беременностью невесты, и неполных семей, в высоком уровне разводимости, как юридической, так и фактической, для уровня рождаемости также играют неблагоприятную роль. Поэтому крайне необходимое на сегодняшний день усиление демографической политики государства, обновление и расширение ее мероприятий, в том числе и на региональном уровне, обязательно должны иметь в своей основе идею укрепления и возрождения института семьи.

Литература

1. Демографический ежегодник Республики Коми. 2010. – Сыктывкар, 2011.
2. Попова Л.А., Зорина Е.Н. Северный вариант российской модели демографического старения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013, №2(26) . – С.111-125.
3. Попова Л.А. Особенности демографического развития северных территорий России // Россия и современный мир. – 2010, № 4. – С.178-190.
4. Попова Л.А., Фаузер В.В. Влияние федеральных и региональных мероприятий демографической политики 2006-2011 гг. на перспективы рождаемости // Стратегия демографического развития России: рождаемость и семейная политика. – М., 2013. – Вып.1. – С.81-92.
5. Федеральная служба государственной статистики. – URL: <http://cbsd.gks.ru/> (1.10.2013).

МАТЕРИНСКАЯ СЕМЬЯ: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛЕЙ И ОТНОШЕНИЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В РОССИЙСКИХ СЕМЬЯХ

Т.С. Лыткина, к.с.н.
ИСЭ и ЭПС Кomi НЦ УрO РАН, г. Сыктывкар

В настоящее время все чаще говорят о том, что семья как социальный институт переживает глубокие изменения, которые проявляются, прежде всего, в снижении числа браков и падении рождаемости, росте числа разводов и распространении практики раздельного проживания супругов, повышении доли внебрачных детей и числе незарегистрированных браков, обуславливающих увеличение количества неполных семей. В целом по России число детей, рож-

денных вне брака, в начале третьего тысячелетия составило 28% (*Захаров, Иванов, 2001; Попова, 2007, с.20*). Российская статистика не противоречит общемировым тенденциям демографической ситуации. Однако, на наш взгляд, существует национальная специфика, сформированная советским гендерным порядком, которая продолжает воспроизводиться в повседневных практиках общения между полами.

Данная статья посвящена причинам распространения материнских семей на примере существующих гендерных практик в российских семьях. Основной тезис заключается в том, что распространение такого социального явления как материнская семья в России есть результат отсутствия культуры диалога и партнерских отношений между мужчиной и женщиной в сфере распределения обязанностей. Данный феномен рассматривается как воспроизведение советского гендерного порядка: двойная модель кормильца в семье, где основным кормильцем является мужчина, женщина занята на работе и дома.

Для анализа использованы материалы проекта «Великая инволюция», реализуемого под рук. М.Буравого (профессор Калифорнийского университета) сотрудниками сектора экономической социологии ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН. Лонгитюдное исследование было начато в 1994 г. и продолжалось до 2002 г. В ходе исследования было опрошено 72 респондента: рабочих двух депрессивных предприятий г. Сыктывкара. Подробная выборка и описание реализации проекта опубликованы (*Burawoy, Krotov, Lytkina, 2000; Burawoy, Krotov, Lytkina, 2002*). Дополнительной базой послужили глубинные полу-структурированные интервью проекта «Гендерные различия стратегий занятости в России» (1999-2002 гг.). Данный проект был осуществлен исследователями из четырех регионов России: Москвы, Самары, Ульяновска и Сыктывкара под научным руководством С.Ашвин (Лондонская школа экономики). В каждом регионе опрошено по 60 респондентов. В работе использованы только интервью г. Сыктывкара. Более подробное описание выборки в работе (*Ашвин, 2000*)[†].

Первое исследование гендерных отношений было связано с изменениями внешних условий в связи с переходом страны к рынку. Основной акцент был связан с изучением жизненных стратегий семей и той роли, которую выполняют мужчины и женщины в ее реализации. Одна из выдвинутых гипотез заключалась в том, что негативные экономические последствия смены хозяйственных практик в России приведут к распаду традиционных представлений о мужских и женских ролях. Нам казалось, что члены семьи должны объединить усилия и более гибко реагировать в сложной материальной ситуации. Наши ожидания не оправдались. Мы наблюдали, что женщины и мужчины продолжают выполнять свои роли. Только на стадии становления семьи мужчины и женщины были склонны к компромиссу и взаимной поддержке. Но даже на этом этапе они осознают, что такие отношения носят временный характер. У нас имеются примеры, когда молодой супруг имел больше навыков ведения хозяйства, но он предпочитал передать эти знания молодой супруге. «*Я, честно говоря, даже готовить не умела. Меня этому муж учил. Стоял рядом и говорил, что за чем класть в кастрюлю*». Домашнее распределение обязанностей воспринимается как естественное. Забота как продолжение женского начала, в

[†] Проект финансировался грантом INTAS № INTAS-97: 20280

то время как кормилец, добытчик – мужского. Иными словами, норма мужчины-кормильца сохранилась, несмотря на экономические неурядицы.

Традиционное распределение обязанностей по-прежнему находит широкую поддержку. На вопрос, кто должен нести основную ответственность за обеспечение семьи, 72% респонденток и 79% респондентов назвали мужчину (Ашвин, 2006, с.60). Данные цифры являются доказательством некритического восприятия россиянами существующих гендерных норм. Незыблемость гендерных ролей не требует общественного обсуждения.

Другой момент, на который хотелось бы обратить внимание. Советский гендерный порядок закрепил в повседневных практиках модель двойного кормильца, где женщина является помощницей мужчины, а, следовательно, готова разделить ответственность за обеспечение семьи. Этим обусловлена готовность женщины одновременно зарабатывать и вести домашнее хозяйство. Напротив, артикуляции по поводу перераспределения домашних обязанностей не существовало. Поэтому мужчине легче согласиться в своей несостоятельности вести домашнее хозяйство, но при этом сохранить статус кормильца. «*И. Кто, пожалуй, должен отвечать за обеспечение семьи? Р. Оба. Сегодня я, завтра она. Как кому подвалит. Сейчас такого разделения не должно быть. И. Кто должен отвечать заведение хозяйства и почему? Р. В основном жена. Так сложилось. Женщина более семейный человек. Женщина уют создает. Мужчина все равно так не сможет*».

Домашняя работа не участвует в формировании мужской идентификации, а, напротив, разрушает ее[‡]. Поэтому, даже если матери привлекают своих сыновей к домашнему труду, то позже они их начинают осуждать за помощь по хозяйству своим женам. «*Брат старший тоже все умеет у нас делать, он уже несколько лет живет с женщиной, но они не расписаны, так вот мама его даже осуждает, потому что он сам и готовит, и стирает*». Жены тоже не столько хотят помочи по дому, сколько ожидают от своих мужей высоких заработков и реагируют весьма категорично, если их нет. «*На фиг мне такой муж? Временно я, конечно, помогу, поддержу. Но если он лежит на диване с газетой и получает 300 рублей в месяц, меня такая ситуация не устраивает*».

Женщины вполне самодостаточны, они научилисьправляться с ежедневными трудностями без мужчин, но у них меньше возможностей для заработка и они осознают, что им придется выполнять работу по дому. Конечно, это не означает, что мужчины вообще не имеют никаких обязанностей. Наоборот, некоторые эмпирические исследования обнаружили, что мужчины чаще, чем женщины, выносят из дома мусор (Балабанова, 2005, Дадаева, 2005), но все же больший объем работы достается не им. 90,3% женщин готовят еду, 87,3% – занимаются уборкой, 83,2% – гладением, 83,6% – стиркой. Мужчины чаще ходят в магазин – 68,2%, выносят мусор и занимаются ремонтом жилья – 82% (Климова, 2012).

Еще не многим более полвека назад женщины объяснили бы свою загруженность «судьбой» и/или «женской долей». Сейчас в современном обществе так не принято, хотя объяснения естественного предназначения мужчины

[‡] Это еще раз доказывает, что при индустриализации в советский период государство в большей степени было озабочено привлечением рабочей силы в публичную сферу, чем вопросом о равнозначном вкладе мужчин и женщин в поддержке домашнего хозяйства, что особенно отразилось на городских жителях

и женщины до сих пор существуют. Женщинам кажется, что мужчинам психологически легче зарабатывать, сами же они готовы принять на себя домашние обязанности. Молодые женщины также пытаются объяснить свое «женское поведение» заботой о любящем человеке. Они рассчитывают на ответную любовь, внимание и заботу. Все это проявления гендерных стереотипов, воспринимаемых априори, не требующих обсуждения, при этом последствия такого гендерного контракта слабо осознаются.

Таким образом, домашняя сфера – удел женщины. Именно женщина занимается ее обустройством. Она осваивает свое пространство, делает его удобным для себя. Мужчина должен «вписаться в интерьер» и чаще всего используется как физическая рабочая сила и источник дохода для покупки мебели, предметов длительного пользования, аксессуаров для жилья. Между супругами вновь не существует диалога по поводу обустройства их совместной территории. *«Когда почувствовала себя полноправной хозяйкой, я уже определяла куда, что поставить. Сразу – это сюда, это сюда, это будет тут стоять, это надо».* *«Кроме пустых стен в квартире, что осталась от родителей, больше ничего не было. За год-полтора мы купили все: мебельную стенку, видеомагнитофон, холодильник, стиральную машину, холодильник, ковры... Все что хотела она».*

Типичные замужние женщины получают вдвое меньше своих мужей (Балабанова, 2005, с.112). Поэтому понимают, что, лишившись заработка мужа, ее семья обречена на бедность. *«Р. Я еще в 7 классе училась, а уже с мамой и подъезды мыла, и на рынке дворником лед колола. Мы туда всей семьей по утрам рано-рано зимой ходили лед колоть, снег убирать. И. И отчим? Р. Нет, ну что вы, он это считал ниже своего достоинства. Он себе плавал и не все деньги приносил, хоть и не пил вроде, а у мамы – всегда 3 работы».* Женщины пытаются скомпенсировать свои низкие заработки большим объемом домашнего труда. И на своем опыте убеждаются, что эта компенсация оказывается непропорционально большой. Женщина «перерабатывает» по сравнению с мужчиной и во временном, и в стоимостном выражении. «Неэквивалентный» труд нашел отражение в экономических подсчетах, выполненных Е.Балабановой (Балабанова, 2005).

С совместно прожитыми годами объем женской работы только увеличивается. Домашний труд переходит из сферы физического труда (готовка, уборка) к организационному (Лыткина, 2004). Ответственность за поддержание домашнего хозяйства полностью ложится на плечи женщины. Вместе с ростом объема домашней работы и ответственности за нее растет женская неудовлетворенностью семейными отношениями. *«Только когда я допилю, он начинает работать».* При таких отношениях диалог невозможен. При этом материнская семья (тип семьи, выпадающий из официальных источников) уже сформировалась, несмотря на формальное существование семьи. Ухудшение ситуации на рынке труда и снижение заработка у мужчины (а не распределение обязанностей в семье) нередко становится причиной развода. Следует также отметить, что, хотя мужчины соглашаются оставаться основными кормильцами семьи, но, осознавая сложность выполнения этой роли в современных условиях, они предпочитают откладывать момент создания семьи и рождения детей.

Остается вопрос: смогут ли переговоры на уровне семьи решить проблемы неравнозначности женского и мужского труда дома и на производстве? С

нашой точки зрения, наличие или отсутствие диалога супругов на микроуровне есть лишь отражение гендерного порядка внутри страны. Иными словами, должно прийти осознание важности формирования культуры диалога и партнерских отношений на различных уровнях для возможности сочетания интересов между ее участниками: частной и публичной сферами, мужчиной и женщиной, государством и обществом. Отсутствие диалога в обществе усугубляет кризис современной семьи и способствует поиску альтернативных форм брака.

Литература

1. Ашвин С. Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости // Социологические исследования. – 2000, №.11. – С.63-72.
2. Ашвин С. Гендерная солидарность против экономических трудностей? Влияние советского наследия // Социологические исследования. – 2006, №.4. – С.57-59.
3. Балабанова Е.С. Домашний труд как символ гендера и власти // Социологические исследования. – 2005, №6. – С.109-120.
4. Дадаева Т.М. Кто выносит мусор, или парадоксы гендерного разделения труда // Социологические исследования. – 2005, №6. – С.120-126.
5. Захаров С.В., Иванова Е.И. Внебрачные дети // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество» ЦДЭЧ ИНП РАН, №41-42, 5-18 ноября 2001 г. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/041/tema01.php>.
6. Климова С.В. Домашний труд в городской семье // Социологические исследования. – 2012, №4. – С.118-121.
7. Лыткина Т.С. Домашний труд и гендерное разделение власти в семье // Социологические исследования. – 2004, №9. – С.85-90.
8. Попова Л.А. Внебрачная рождаемость: тенденции, причины, модели развития внебрачной семьи. – Сыктывкар. 2007.
9. Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. Domestic Involution: How Women Organize Survival in a North Russian City. In Victoria Bonnell and George Breslauer(eds.) Russia in the New Century. Boulder, Co.: Westview Press. – 2000. P. 231-257.
10. Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. Involution and Destitution in Capitalist Russia. Ethnography. – 2002. №1. P.43-65.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ КОМИ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ ПРИ ЛИКВИДАЦИИ БЕСПРИЗОРНОСТИ И БЕЗНАДЗОРНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В 1920-е ГОДЫ

В.Н. Бубличенко, к.и.н.

Ухтинский государственный технический университет, г. Ухта

Первая мировая и гражданская войны, революции привели к существенным изменениям в социальной сфере страны. В первую очередь, это отразилось на несовершеннолетних. Беспрizорность и безнадзорность среди них стали обычным явлением. По оценкам исследователей, возможно и завышенным, численность внесоциальной молодёжи в советской России в 1920-е годы ис-

числялась миллионами. Безусловно, сложившаяся обстановка требовала от государственных органов власти принятия оперативных и адекватных решений по решению данной проблемы, что было связано с перспективами развития страны в дальнейшем. Ведь речь шла о будущем нового поколения, которое необходимо было вернуть к нормальной, полноценной жизни.

Процесс развивался в двух направлениях. С одной стороны, формировалась нормативно-правовая база, направленная на ликвидацию детской беспризорности и безнадзорности. С другой, предпринимались практические шаги, направленные на реализацию принятых решений, обобщался передовой опыт, вырабатывались методические рекомендации.

Исторический опыт деятельности советских органов власти в 1920-е годы по вовлечению внесоциальной молодёжи в сферу нормальной полноценной жизни, особенно на региональном уровне, представляет не только академический интерес, но и имеет практическую значимость в современных условиях реформирования российского общества.

Следует отметить, что в первое десятилетие существования советского государства стали появляться публикации теоретической и практической направленности, обобщающие опыт работы по ликвидации беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних. К ним относились статьи О.Бема, М.Богуславского, Л.Глатмана, Н.Деяновой, А.Д.Калинина, А.Кириенко, Е.Лифшица [1]. В настоящее время названная проблема также находится в центре внимания отечественных исследователей. В связи с этим отметим публикации Е.Н.Афанасовой, Т.Г.Верхотуровой, И.Н.Войткович [2].

Как отмечалось, советское руководство вело целенаправленную политику, которая была призвана ограничить беспризорность и безнадзорность среди несовершеннолетних. Проблема решалась комплексно, поэтому ею занималось несколько государственных структур: Государственный совет защиты детей под председательством А.В.Луначарского, Народный комиссариат просвещения РСФСР, комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК (председатель Ф.Э.Дзержинский), социальные инспекции на местах, «Фонд имени В.И.Ленина для оказания помощи беспризорным детям». С целью ограничения вовлечения внесоциальной молодёжи в преступную деятельность советское государство проводило воспитательно-педагогическую, а не карательную политику. Так, Постановлением СНК от 4 марта 1920 г. были отменены суды и тюремное заключение для подростков. Еще ранее Наркомюст совместно с Народным Комиссариатом просвещения приступили к организации реформаториев для «общественно-опасных» несовершеннолетних (*Дети ГУЛАГа, 2002, с.28*). Первое такое учреждение было создано в Москве 1 декабря 1918 г. Его учебно-воспитательная направленность, по мнению З.А.Астемирова, заложила основы дальнейшей организации исправительно-трудовых учреждений для правонарушителей из числа молодежи (*Астемиров, 1965, с.255*). В Исправительно-Трудовом кодексе РСФСР 1924 г. содержались нормы, которые применялись для малолетних правонарушителей при размещении их в трудовых домах. Требования, предъявляемые к ним, были направлены на повышение образовательного уровня несовершеннолетних подростков, организацию их профессионального обучения с целью формирования «самодеятельных и созидающих свои права и обязанности граждан» (*ГУЛАГ, 2000, с.49*). Дальнейшим развитием нормативно-правовой базы стало принятие в 1926 г. Положения о ме-

роприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР и Постановления ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью».

Территория Коми автономной области, как и вся советская Россия, находилась под влиянием социальных потрясений начала XX века. Однако в отличие от центральных областей страны она в меньшей степени пострадала от них, поэтому, с одной стороны, на её территории было относительно незначительное число внесоциальной молодёжи, но, с другой стороны, она становилась предпочтительным местом как для вселения жителей соседних областей, так и бывших выходцев из края. Данные обстоятельства не могли не найти отражения в изменении демографической обстановки и вели к увеличению беспризорной и безнадзорной молодёжи. Тем не менее, проблема не вышла из-под контроля местных властей и решалась вполне успешно.

В целях создания благоприятных условий для внесоциальной молодёжи из бюджета выделялись средства на содержание и обслуживание учреждений по их реабилитации. Так, на 1929 г. для этих нужд было выделено в общей сложности 25000 руб., которые в основном планировалось использовать на капитальный ремонт зданий (17000 руб.) и дооборудование уже существующих (9500 руб.). При этом только 6500 руб. предназначались для проведения мероприятий по трудовой подготовке воспитанников (*ГУ РК «НАРК*, 6).

Одной из форм ликвидации беспризорности и безнадзорности среди несовершеннолетних, получившая распространение в Коми автономии в 1920-е годы стала передача их на воспитание в крестьянские семьи. Данный процесс носил добровольный характер. С желающими взять на воспитание подростка, потерявшего связь с семьёй, заключался специальный договор, в котором оговаривались права и обязанности сторон, условия получения соответствующих преференций со стороны государственных органов власти. В дальнейшем госучреждения держали под своим контролем развитие ситуации.

Для повышения заинтересованности крестьянских хозяйств в привлечении к сельскохозяйственному труду подростков из детдомов Президиум облисполкома Коми области предоставлял льготы для них. Как частный приведём пример, когда в 1927 г. было решено не брать налог от дополнительных наделов с семей, которые приняли воспитанников детдомов для подготовки их к сельскохозяйственному труду. Кроме того, вне налогообложения оставались и неземледельческие доходы двора, а также уплата местного налога на древесину в размере 5% от реальной стоимости товара (*ГУ РК «НАРК*, 7).

Важным направлением деятельности органов власти Коми автономии было перепрофилирование различных учреждений для содержания внесоциальной молодёжи. Среди них особое место занимает преобразование Кылтовского Крестовоздвиженского женского общежительного монастыря в детский городок. Этот процесс начался в 1923 г. Однако стоит отметить, что ретроспективный анализ взаимодействия Русской Православной Церкви и государства свидетельствует о сложном и противоречивом процессе взаимодействии духовной и светской власти. С установлением советской власти лидирующее место в идеологической политике нового государства заняла атеистическая пропаганда, что вело к конфликту с Русской Православной Церковью, как лидером духовного общественного сознания. Современные исследователи отмечают, что церковно-государственные отношения в первое десятилетие советской власти развивались эволюционным путём. Вначале это была конфронтация,

направленная на реализацию директив церковного руководства против конфессиональной политики новой власти. Затем к середине 1920-х годов был достигнут определённый компромисс, который был временным (*Поляков, 2007, с.20*).

Проблема детской беспризорности и безнадзорности в 1920-е годы требовала принятия не только правовых решений, но и выделения значительных финансовых средств, которых у советского государства практически не было. В то же время, монастыри имели возможности для размещения оказавшихся на улице подростков и создания для них пусть и не вполне необходимых, но более комфортных условий. С учётом того, что советская идеология стремилась подчинить своему влиянию церковные институты, а по возможности и ликвидировать их, становится вполне объяснимым передача монастырского имущества под детские городки для беспризорников, которые впоследствии преобразовывались в трудовые колонии. Зародившаяся в 1920-е годы тенденция была продолжена впоследствии. Как частный пример приведём факт размещения Сузdalской детской трудовой колонии для правонарушителей на территории бывшего Спас-Ефимьевского монастыря (ранее там располагался лагерь для военнопленных №160) (*ГА РФ, 4*).

Во вновь образованном Кылтовском детском городке разместили воспитанников из 8 детдомов области. Бывшее в монастыре «сельскохозяйственное общество» было ликвидировано, его имущество было передано новому учреждению. Часть монахинь оставили в качестве обслуживающего персонала и работников мастерских (*Ивасишин, 2011, с.137*). Структура детского городка усложнилась и стала отвечать требованиям воспитания подростков. Были организованы детский сад, две начальные школы, мастерские по производственно-му обучению различного профиля. Совхоз «Кылтovo» позволял городку обеспечивать себя необходимой сельскохозяйственной продукцией и одновременно приучать воспитанников к общественно-полезному труду.

Необходимо отметить, что Кылтовская обитель сумела за короткий срок своего существования достичь значительных успехов и превратилась в крупный духовный центр Коми края. Во многом это было связано с деятельностью игуменьи Филареты (Александры Даниловны Зоновой), которая возглавила монастырь вскоре после его открытия в феврале 1898 г. При ней в монастыре был построен каменный храм во имя преподобных Зосимы и Савватия, основано несколько мастерских, в том числе по иконописанию и изготовлению священнических облачений (*Рощевская, 2000, с.382*).

Изменение статуса Кылтовского монастыря привело к сложному периоду становления нового учреждения. Оно испытывало различные трудности, связанные как с воспитанием подростков, так и с организацией хозяйственно-бытовой жизни. Исследователи Н.И.Ивасишин и игуменья Стефанида, ссылаясь на свидетельство бывшего работника городка И.А.Шергина и монахинь, работавших в нём, обращают внимание на «пьянство и безобразие», антисанитарию, тяжелый психологический климат в Кылтовском детском городке. Они относятся к 1925 г., т.е. спустя два года после создания. Такое негативное отношение к попыткам советской власти улучшить положение беспризорных подростков получило широкое распространение в современном обществе.

Объективность требует учитывать следующее. Безусловно, новое учреждение для беспризорных не могло считаться образцовым. На это влияли сле-

дующие причины. Во-первых, оно находилось в стадии реорганизации, во-вторых, на него оказывал влияние общекультурный уровень общества, и, наконец, в третьих, в первые годы советской власти не было разработанных и проверенных на практике методик работы с подростками, имеющих девиантное поведение. При этом советские органы власти стремились исправить существующее положение и ликвидировать недостатки. Для этого в Кылтовский детский городок приезжали комиссии, которые вскрывая нарушения, не могли добиться желаемого результата. По нашему мнению, для исправления существующего положения требовалось время.

Циркулярные распоряжения, исходящие от государственных органов, отвечающих за улучшение жизни детей, определяли стратегически важные меры по наведению порядка в подведомственных учреждениях. Они, в частности, предусматривали широкое привлечение населения к их работе, пропаганду передового опыта через средства массовой информации (*ГУ РК «НАРК», 8*). Внедрение их в практику должно было изжить негативные явления.

На момент преобразования Кылтовской обители в учреждение по социально-правовой охране несовершеннолетних в нём воспитывалось более 200 воспитанников от трёх до семнадцати лет (*Республика Коми, 1999, с.180*). С течением времени численность подростков в городке уменьшилась, но незначительно, составив к 1 января 1930 г. 178 человек (112 мальчиков и 66 девочек) (*ГУ РК «НАРК», 9*). Для сравнения, численность воспитанников в окружной колонии трудновоспитуемых «Приютное» Вологодской области в середине 1930 г. составляла 52 человека (35 мальчиков и 17 девочек) (*ГА РФ, 5*). Следовательно, уместно вести речь о преобладании уровня беспризорности в Коми автономии над аналогичным показателем в Вологодской области.

Воспитание подростков в Кылтовском детском городке строилось в соответствии с методикой, разработанной и апробированной педагогом А.С.Макаренко. Она предусматривала использование самоуправления в сочетании с трудовой деятельностью. Исходя из этого, детский коллектив в Кылтовском детском городке разделялся на производственные группы и звенья, состоящие из подростков старше восьми лет. Высшим органом управления было общее собрание воспитанников. Его решения приводились в исполнение Советом городка во главе с заведующим и его Президиумом с отделами. Приоритетное участие взрослых при организации детских коллективов в городке было главным условием его деятельности.

Контроль и методическое обеспечение работы Кылтовского детского городка осуществлялось секцией Соцвоса, которая ориентировала учреждение на «политическую» организацию трудовой деятельности. При этом предусматривалось, что, начиная с 12-летнего возраста, она могла стать профессиональной (*ГУ РК «НАРК», 10*). Данная рекомендация получит своё дальнейшее развитие и организационно-правовое оформление, когда с середины 1930-х годов будут сформированы детские трудовые колонии уголовно-исполнительной направленности.

В резюме следует отметить, что в 1920-е годы на территории Коми автономной области государственными органами власти велась целенаправленная работа по ликвидации беспризорности и безнадзорности среди несовершеннолетних, которая осуществлялась в соответствии с требованиями центральной власти. В отличие от центральных районов страны, численность внесоциальной

молодёжи в крае была незначительной, тем не менее, делалось всё возможное по ликвидации её полностью. Для решения поставленной задачи привлекалось местное население, которое госструктуры пытались активизировать, создавая благоприятные условия для него путём материальных преференций.

Литература

1. Бем О. Детская беспризорность // На путях к новой школе. – 1924. – №9; Богуславский М. Борьба с детской беспризорностью в РСФСР // Красная Новь. – 1927. №8; Глатман Л. О трудовом воспитании беспризорных // Вожатый. – 1925. № 19-20; Деянова Н. Опыт работы на новых началах с беспризорными детьми // Народное просвещение. – 1925. №9; Калинина А.Д. Десять лет работы по борьбе с беспризорностью. – М., 1928; Кириенко А. Труд как выход из беспризорности: опыт исследования по художественной литературе и биографическим записям // На путях к новой школе. – 1927. №2; Лившиц Е. Социальные корни беспризорности. – М., 1925; и др.
2. Афанасова Е.Н. История детской беспризорности в Иркутской области и Красноярском крае в 1920-1930-х гг.: Дисс.... канд. ист. наук [18.05.2007]; Верхутурова Т.Г. О мероприятиях советской власти по ликвидации детской беспризорности в Енисейской губернии в 1920-1930 гг. // Власть и общество: проблемы взаимодействия и противостояния: материалы межрегиональной конференции с международным участием – Красноярск, 2007; Войткевич И.Н. История беспризорности в России в 20-е годы XX века // Современные проблемы науки и образования – 2012. №2; и др.
3. Астемиров З.А. Из истории развития учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в СССР // Предупреждение преступности несовершеннолетних: сб. статей. – М., 1965.
4. ГА РФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 23. Л. 302.
5. ГА РФ. Ф. Р-5207. Оп. 1. Д. 484. Л. 5.
6. Государственное учреждение РК «Национальный архив Республики Коми» (ГУ РК «НАРК»). Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 453. Л. 11.
7. ГУ РК «НАРК». Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 431. Л. 293.
8. ГУ РК «НА РК» Ф. Р- 148. Оп. 1. Д. 431. Л. 112 об., 113.
9. ГУ РК «НА РК». Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 431. Л. 30.
10. ГУ РК «НА РК». Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 203. Л. 242.
11. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960. / Под ред. А.Н.Яковлева. Сост. А.И.Кокурин, Н.В.Петров. – М.: МФД, 2000.
12. Дети ГУЛАГа. 1918-1956. / Под ред. А.Н.Яковлева. Сост. С.С.Виленский и др. – М.: МФД, 2002.
13. Иvasишин Н.И., игуменья Стефанида. Судьба сестёр Кылтовского Кресто-воздвиженского монастыря // История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа, мемориальная деятельность. Материалы I Междунауч. конфер. – Сыктывкар, 2011. Ч. 2. – С.136-149.
14. Поляков А.Г. Церковно-государственные отношения в 1917 – середине 1920-х гг. (на материалах Вятской губернии): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Сыктывкар, 2007
15. Республика Коми. Энциклопедия. Т.2. – Сыктывкар, 1999.
16. Рощевская Л.П. Игуменья Кылтовского монастыря // Связь времён. / Сост. И.Л.Жеребцов, М.И.Курочкин. – Сыктывкар, 2000.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)*

С.А. Сукнёва, д.э.н.

Институт региональной экономики Севера СВФУ, г. Якутск

Арктическая зона России – один из наиболее экстремальных регионов мира. В ее состав входят территории, расположенные за Полярным кругом. Проживание людей на этой территории сопряжено с целым комплексом проблем, из которых мы рассмотрим демографические.

На Северо-Востоке находится самый крупный по занимаемой территории субъект Российской Федерации – Республика Саха (Якутия), включающая 35 муниципальных районов, 12 из которых расположены в Арктической зоне (*Постановление..., 1995; Постановление..., 2007*). В соответствии с данными документами, к Арктическим районам Республики Саха (Якутия) отнесены Абыйский, Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Верхоянский, Жиганский, Момский, Нижнеколымский, Оленекский, Среднеколымский, Усть-Янский и Эвено-Бытантайский.

Общая площадь, занимаемая данными районами, составляет около половины территории республики (1541,1 тыс. кв. км) (*Демографический..., 2012, с.7*). На начало 2012 г. здесь проживало 68,2 тыс. человек, или 7,2% от общей численности населения республики (табл. 1). Сокращение населения рассматриваемой территории, как и всех северных регионов нашей страны, происходит с 1990 г.

Таблица 1

Динамика численности населения Арктической зоны
Республики Саха (Якутия), тыс. человек

Районы	1990 г.	2002 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2012 г./ 1990 г., %
Республика Саха (Якутия)	1111,5	951,5	958,3	958,3	955,9	86,0
Арктическая зона Респу- блики Саха (Якутия)	139,5	75,8	69,2	69,2	68,2	48,9
в том числе:						
Усть-Янский	42,9	10,0	8,1	8,1	7,8	18,2
Нижнеколымский	14,0	5,9	4,7	4,6	4,5	32,1
Булунский	17,6	9,8	9,1	9,1	9,4	53,3
Аллаиховский	5,4	3,4	3,1	3,0	2,9	54,1
Верхоянский	22,1	13,7	12,8	12,8	12,4	56,1
Абыйский	6,2	4,8	4,4	4,4	4,4	70,6
Жиганский	5,8	4,3	4,3	4,3	4,3	74,4
Момский	5,5	4,7	4,5	4,5	4,4	80,3
Среднеколымский	9,4	8,4	7,9	7,9	7,8	82,8
Анабарский	4,0	4,0	3,5	3,5	3,4	86,0
Оленекский	4,0	4,1	4,1	4,1	4,1	102,2

* Статья подготовлена при поддержке проекта РФФИ «Исследование адаптации прибрежных зон к климатическим изменениям на основе междисциплинарного и транснационального подхода» № 13-06-93939-ДЖИ8_а.

Эвено-Бытантайский	2,6	2,8	2,9	2,9	2,8	107,0
--------------------	-----	-----	-----	-----	-----	-------

Рассчитано по: 2, с.12

Основной причиной сокращения численности населения стала миграционная убыль. Миграционные потери связаны с выездом населения за пределы республики, а также в центральные районы Якутии. Основными причинами миграционного оттока являются напряженность на рынке труда, неразвитость социальной инфраструктуры и изменение жизненных предпочтений населения. При этом экономические мотивы миграции являются преобладающими (Сукнёва, 2010). Наибольший отток характерен для городов и рабочих поселков арктической зоны. За период с 1990 по 2011 гг. суммарное сальдо миграционной убыли Арктической зоны Республики Саха (Якутия) составило около 65 тысяч человек (Сукнёва, 2013). Наибольшие миграционные потери (41,0%) зарегистрированы в Усть-Янском районе, где сокращение и ликвидация производств горнодобывающей промышленности повлекли за собой закрытие целых посёлков. Миграционный отток, безусловно, повлиял и на снижение рождаемости, так как более 70% выехавших из Арктики составили мигранты в трудоспособном возрасте, из них около трети пришлось на молодых людей в возрасте 16-29 лет. В табл. 2 представлена динамика компонентов изменения численности населения за 1990-2010 гг. Высокая интенсивность миграционной убыли характерна для всех рассматриваемых территорий. Превышение среднереспубликанских показателей в 2000 г. составило в Усть-Янском районе 10 раз, Нижнеколымском и Булунском районах – 6 раз.

Таблица 2

Компоненты изменения численности населения Арктической зоны
Республики Саха (Якутия): естественный (ЕП)
и миграционный (МП) прирост (убыль), на 1000 чел. населения

Районы	1990 г.		2000 г.		2010 г.	
	ЕП	МП	ЕП	МП	ЕП	МП
Республика Саха (Якутия)	12,7	-3,0	4,0	-6,7	7,0	-7,4
Арктическая зона	12,6	-9,3	4,0	-29,0	4,0	-1,7
Абыйский	9,1	-26,2	4,2	-20,4	4,5	-12,4
Аллаиховский	12,5	8,1	5,7	-30,0	-3,3	21,9
Анабарский	19,0	1,5	7,3	6,6	7,7	-13,7
Булунский	11,5	-14,7	4,7	-41,8	3,3	44,1
Верхоянский	11,0	-5,1	3,6	-32,1	4,8	-18,1
Жиганский	17,5	-11,6	3,0	-19,5	8,6	-3,0
Момский	18,5	-1,7	7,7	-4,3	3,6	-9,0
Нижнеколымский	11,5	-16,9	1,4	-42,0	-0,9	-13,5
Оленекский	18,4	19,8	9,5	9,5	12,2	-3,9
Среднеколымский	17,3	4,0	4,2	-9,3	3,3	-3,9
Усть-Янский	10,9	-18,9	-0,5	-62,9	1,0	-10,3
Эвено-Бытантайский	16,0	55,3	8,4	-31,6	5,9	0,7

Рассчитано по данным текущего статистического учета ТО ФСГС по РС(Я)

Характер воспроизводственных процессов населения отличается сохранением положительной динамики естественного прироста, который частично компенсирует миграционную убыль. Режим естественного воспроизводства отдельных районов относится к расширенному типу и выше среднереспубликан-

ских показателей, например, в Оленекском, Момском, Жиганском районах, за счет высокого уровня рождаемости населения (табл. 3).

Таблица 3
Динамика числа рождений в Арктической зоне
Республики Саха (Якутия), на 1000 чел. населения

Районы	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.
Республика Саха (Якутия)	19,4	15,3	13,7	14,3	16,8	17,1
Арктическая зона	18,3	15,7	15,2	14,1	16,9	18,7
Абыйский	17,6	20,2	16,0	10,7	15,1	17,4
Аллаиховский	18,5	15,4	17,8	17,2	12,4	18,2
Анабарский	28,3	21,3	18,5	20,2	17,9	19,7
Булунский	16,2	14,7	14,6	11,9	15,2	17,0
Верхоянский	18,5	16,8	15,4	15,5	18,7	16,1
Жиганский	24,6	19,2	13,4	19,8	22,4	20,5
Момский	26,7	24,7	18,9	19,1	17,9	22,8
Нижнеколымский	15,2	12,7	13,7	12,7	14,3	16,9
Оленекский	27,1	23,2	17,8	13,7	24,1	24,8
Среднеколымский	24,3	18,3	15,6	13,0	17,5	18,5
Усть-Янский	14,4	9,5	10,5	10,3	11,9	19,7
Эвено-Бытантайский	25,5	13,2	22,2	11,4	16,8	19,8

Рассчитано по данным текущего статистического учета ТО ФСГС по РС(Я)

В Арктической зоне Республики Саха (Якутия) преобладает сельское население, его доля составляет 62%. Относительно высокий уровень рождаемости сохраняется за счет более высоких репродуктивных установок населения сельской местности, где проживают преимущественно коренные народы Севера. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., 53,6% всех эвенов и 42,4% эвенков Республики Саха (Якутия) проживают в Арктике (*Демографический..., 2012, с.38-39*). Якуты, эвены и эвенки составляют 74% населения арктических районов (табл. 4).

Таблица 4
Доля представителей отдельных национальностей в структуре населения, %

Районы	Якуты	Русские	Эвенки	Эвены
Республика Саха (Якутия)	48,7	36,9	2,2	1,6
Арктическая зона	49,2	17,4	12,9	11,7
Абыйский	80,0	8,7	1,2	7,9
Аллаиховский	39,0	31,7	1,2	20,1
Анабарский	21,6	3,7	22,7	6,4
Булунский	23,4	28,9	25,0	14,0
Верхоянский	73,8	15,8	0,8	4,9
Жиганский	27,9	12,8	55,0	1,2
Момский	67,7	6,9	1,0	21,2
Нижнеколымский	19,2	40,7	0,2	12,9
Оленекский	20,4	1,8	75,5	0,5
Среднеколымский	80,3	11,6	0,4	6,6
Усть-Янский	42,9	27,0	1,0	16,5
Эвено-Бытантайский	44,4	0,9	0,6	53,1

Рассчитано по: 2, с. 38-39

При этом в Среднеколымском, Абыйском, Верхоянском, Момском районах на долю якутов приходится 70-80% населения, а в Оленекском, Эвенобытантайском и Жиганском районах от половины до двух третей населения составляют эвены и эвенки.

Благоприятная динамика рождаемости сопровождается распространением негативных процессов в репродуктивном и матrimониальном поведении населения. Именно в арктических районах Якутии отмечаются самые высокие уровни внебрачной рождаемости и безбрачия коренного населения (*Бараикова, 2011*). Так, по данным 2011 г., при среднереспубликанских показателях доли внебрачных рождений 31,2%, в арктических районах около 40% детей родились у матерей, не состоящих в официально зарегистрированном браке, а по отдельным районам доля внебрачных рождений составила более 50% (*Естественное..., 2012, с.39*). Эти явления свидетельствуют о развитии кризиса института семьи, невысоком уровне качества жизни, а также низкой обеспеченности даже самых необходимых для жизнедеятельности семей условий.

Неблагоприятные тенденции наблюдаются в смертности населения. Ее общий уровень почти во всех арктических районах существенно выше среднереспубликанского (табл. 5). В 2011 г. число умерших в расчете на 1000 жителей арктических районов республики составил 12,7 чел. (по республике – 9,4%). При этом наметившаяся тенденция к снижению смертности населения страны и республики, наблюдавшаяся в последнее десятилетие, практически не прослеживается в показателях смертности рассматриваемых районов.

Среди основных причин смертности населения Республики Саха (Якутия), как и России в целом, первое место занимают болезни системы кровообращения 47 и 56% соответственно (табл. 5). В арктических районах болезни системы кровообращения также находятся на первом месте, являясь причиной от 37 до 59% всех случаев смерти. Второе место, как по Якутии в целом, так и в Арктике, занимают внешние причины смерти, при этом показатели смертности населения от внешних причин в полтора-два раза выше среднероссийских. В структуре внешних причин смерти выделяются самоубийства и убийства, которые в Арктической зоне составляют 40-60% всех случаев смерти от внешних причин. По Республике Саха (Якутия) 37%, а по Российской Федерации 24% всех смертей от внешних причин в 2011 г. пришлось на убийства и самоубийства.

Выше среднереспубликанских значений являются также показатели младенческой смертности населения и смертности в активном трудоспособном возрасте (*Сукнёва, 2013*). Что свидетельствует о том, что уровень смертности в арктических районах является одним из самых высоких в Республике Саха (Якутия).

Проведенный анализ особенностей демографических процессов показал, что Арктическая зона Республики Саха (Якутия) отличается низкой заселенностью. Население преимущественно сельское с высокой долей представителей коренных малочисленных народов севера. Нисходящая динамика численности населения определяется миграционной убылью и понижением естественного прироста населения. Сохраняется тенденция к увеличению рождаемости, при этом в арктических районах самая высокая доля внебрачных рождений. В структуре причин смертности населения выделяется высокая доля внешних

причин, в том числе убийств и самоубийств. Что приводит к потерям демографического потенциала малонаселенных территорий Арктики.

Таблица 5
Основные причины смертности населения в 2011 г., на 100000 чел. нас.

Районы	Все причины	Болезни системы кровообращения	Онкологические заболевания	Внешние причины	в том числе:	
					Самоубийства	Убийства
РФ	1350	753/56%	205/15%	139/10%	22/16%	12/8%
РС(Я)	940	441/47%	127/14%	182/19%	40/22%	28/15%
Абыйский	1094	570/52%	160/15%	205/19%	46/22%	23/11%
Аллаиховский	1578	806/51%	67/4%	302/19%	34/11%	34/11%
Анабарский	809	346/43%	100/12%	246/30%	88/36%	35/14%
Булунский	1240	647/52%	86/7%	388/31%	108/28%	65/17%
Верхоянский	1200	445/37%	95/8%	302/25%	24/8%	5618%
Жиганский	1074	537/50%	93/9%	304/28%	140/46%	47/15%
Момский	995	384/39%	45/5%	317/32%	45/14%	68/21%
Нижнеколымский	1393	827/59%	174/13%	240/17%	44/18%	65/27%
Оленекский	1315	438/33%	146/11%	487/37%	122/25%	73/15%
Среднеколымский	1287	603/47%	153/12%	204/16%	13/6%	26/13%
Усть-Янский	1564	920/59%	126/8%	340/22%	114/33%	13/4%
Эвено-Бытантайский	1689	598/35%	282/17%	352/21%	70/20%	70/20%

Рассчитано по: 2; 6

Перспективы демографического развития Арктики будут зависеть от стабилизационных мер, предпринимаемых правительством страны и региональных властей в области социальной политики и экономики. Решение демографических проблем возможно только во взаимосвязи с общей экономической политикой и изменением всей социально-экономической ситуации. Приоритетным объектом действий на ближайшие годы должны стать решение проблемы снижения смертности и увеличения продолжительности активной здоровой жизни населения, сокращение миграционного оттока населения, укрепление института семьи и повышение рождаемости в браке. Демографические процессы обладают значительной инерционностью, поэтому для улучшения демографической ситуации первоочередной задачей становится сглаживание негативных тенденций, сложившихся в Арктической зоне, для чего, на наш взгляд необходимо:

- законодательно установить необходимость предварительной демографической экспертизы всех принимаемых Законов, Указов Президента и Постановлений Правительства. Экспертиза должна выявлять возможное влияние предлагаемых мер на демографические процессы, как прямое, так и косвенное, и указывать пути предотвращения отрицательных последствий намечаемых решений;

- стимулировать развитие традиционных форм занятости коренных и малочисленных народов, проживающих на территории Арктики (оленеводства, рыболовства, местных промыслов);
- обеспечить улучшение социально-экономических условий проживания населения, активное развитие мобильной инфраструктуры, создание условий для полноценного отдыха и реабилитации;
- повысить престиж семьи, материнства и отцовства, что будет способствовать снижению внебрачной рождаемости;
- поднять ценность человеческого здоровья в приоритетах социальных институтов;
- улучшить работу органов внутренних дел по профилактике убийств;
- для достижения эффекта от разрабатываемых мер государственную миграционную политику необходимо проводить в тесной взаимосвязи с политикой в области занятости населения и социально-экономического развития арктических территорий.

Литература

1. Барашкова А.С., Сукнёва С.А. Конфликтогенные факторы брачного поведения населения Якутии // Регион: экономика и социология. – 2011, №4 (октябрь-декабрь). – С. 16-132.
2. Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия) 2012: Стат. сб./Саха (Якутия)стат. – Якутск, 2012.
3. Естественное движение населения Республики Саха (Якутия) за 2011г. Том 2. Стат.сб./Саха(Якутия)стат. – Якутск, 2012.
4. Постановление Правительства РС (Я) от 02.12.1995 N 521 «Об особых мерах государственной поддержки ведения традиционных отраслей, жизнеобеспечения и социальной защиты сельского населения арктических улусов». – URL: http://sakha.news-city.info/docs/sistemsg/dok_oervrz.htm.
5. Постановление Правительства РС (Я) от 17.12.2007 N 515 «О концепции устойчивого развития арктических улусов и мест компактного проживания коренных малочисленных народов севера Республики Саха (Якутия) до 2020 года». – URL: <http://www.dfoportal.info/area05x/partiehb/article-ny0eff4>.
6. Смертность населения Республики Саха (Якутия) в 2011 году Стат.сб./Саха(Якутия)стат. – Якутск, 2012.
7. Сукнёва С.А. Арктическая зона Северо-Востока России: проблемы демографического развития // Региональная экономика: теория и практика. – 2013, №25(304). – С.13-16.
8. Сукнёва С.А. Миграционные процессы в северном регионе // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2010, №1. – С.74-84.

ОСОБЕННОСТИ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В СЕВЕРНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ*

Л.А. Попова, д.э.н.

ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

С.А. Сукнёва, д.э.н.

Институт региональной экономики Севера СВФУ, г. Якутск

Последнее десятилетие ознаменовалось в России достаточно впечатляющими успехами в области снижения смертности. Снижение не вполне последовательное: в 2005 и 2010 гг. наблюдался некоторый рост – но в целом за период 2003-2012 гг. величина общего коэффициента смертности уменьшилась с 16,4 умерших в расчете на 1000 человек населения до 13,3% (на 18,9%) (*Официальный сайт Росстата*). Ожидаемая продолжительность жизни населения страны увеличилась с 64,8 лет в 2003 г. до 70,2 лет в 2012 г. (у мужчин с 58,5 до 64,6 лет, у женщин с 71,9 до 75,9 лет) (табл. 1). В данной статье будут рассмотрены особенности и современная динамика смертности в северных регионах России. Более подробно будет проанализирована ситуация в двух крупных национальных республиках: Республике Коми и Республике Саха (Якутия).

Таблица 1

**Ожидаемая продолжительность жизни при рождении
населения Российской Федерации, лет**

Годы	Оба пола	Мужчины	Женщины	Годы	Оба пола	Мужчины	Женщины
1959	67,9	63,0	71,5	1999	65,9	59,9	72,4
1970	68,9	63,2	73,6	2000	65,0	58,9	72,4
1979	67,6	61,5	73,1	2001	65,2	58,9	72,2
1987	70,1	64,9	74,6	2002	65,0	58,7	71,9
1989	69,6	64,2	74,5	2003	64,8	58,5	71,9
1990	69,2	63,7	74,3	2004	65,3	58,9	72,3
1991	69,0	63,5	74,3	2005	65,3	58,9	72,4
1992	67,9	62,0	73,8	2006	66,7	60,4	73,3
1993	65,1	58,9	71,9	2007	67,6	61,5	74,0
1994	64,0	57,6	71,2	2008	68,0	61,9	74,3
1995	64,6	58,2	71,7	2009	68,8	62,9	74,8
1996	65,8	59,6	72,4	2010	68,9	63,1	74,9
1997	66,6	60,8	72,9	2011	69,8	64,0	75,6
1998	67,0	61,3	72,9	2012	70,2	64,6	75,9

Источники: 3; 5

Траектории демографических трендов, в том числе и тенденций смертности, в северных регионах в целом соответствуют общероссийским. В то же

* Статья подготовлена в рамках проекта конкурсных программ межрегиональных и межведомственных фундаментальных исследований УрО РАН «Демографическое развитие северных регионов России в условиях социально-экономической трансформации» (номер 12-С-7-1009)

время существуют довольно устойчивые различия в уровне демографических показателей и структуре демографических процессов.

Ожидаемая продолжительность жизни населения в большинстве северных регионов страны традиционно ниже общероссийского показателя (табл. 2). Лишь в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО она в последнее время выше, что во многом обусловлено «вывозом смертности» из этих регионов: как невысокой смертностью мужчин трудоспособного возраста от эндогенных причин вследствие их значительной ротации, так и низким вкладом смертности населения старших возрастов в величину показателя продолжительности жизни.

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении
населения северных территорий России в 2000, 2010 и 2011 гг. (лет)

Регионы	2000 г.			2010 г.			2011 г.		
	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины
Российская Федерация	65,3	59,0	72,3	68,9	63,1	74,9	69,8	64,0	75,6
Европейский Север									
Республика Карелия	62,9	56,4	70,2	66,4	59,8	73,4	67,9	61,7	74,2
Республика Коми	63,5	57,8	70,1	66,9	60,7	73,3	68,0	61,6	74,6
Архангельская область	62,8	56,3	70,6	67,9	61,7	74,5	68,8	62,7	75,0
Ненецкий АО	60,6	54,0	68,3	64,9	59,2	71,4	66,7	60,6	73,5
Мурманская область	64,5	58,5	71,0	68,4	62,7	73,9	68,9	63,0	74,6
Азиатский Север									
Ханты-Мансийский АО	65,9	59,9	72,6	70,3	65,2	75,4	70,9	66,0	75,7
Ямало-Ненецкий АО	66,7	61,6	72,3	70,1	65,6	74,6	70,2	65,6	74,9
Республика Тыва	55,2	49,7	61,5	60,5	54,6	66,6	61,4	56,2	66,6
Республика Саха (Якутия)	63,7	57,9	70,3	66,8	61,0	73,1	67,7	61,9	74,0
Камчатский край	63,3	58,1	69,7	65,8	60,5	71,8	66,6	61,5	72,2
Магаданская область	62,0	55,7	70,0	65,1	59,8	71,1	66,0	60,2	72,6
Сахалинская область	63,3	57,7	69,8	64,9	59,1	71,4	65,7	59,8	72,2
Чукотский АО	60,2	54,9	67,1	57,5	52,7	63,6	61,6	57,5	66,4

Источники: 1, с.164-165; 2

Для остальных северных территорий характерны более низкие значения продолжительности жизни населения, чем по России в целом. В Республике Саха (Якутия) еще в начале 1980-х годов разница с общероссийским уровнем продолжительности жизни превышала 4 года, к началу 1990-х годов она уменьшилась до трех лет, и в дальнейшем продолжалось постепенное сокращение различий, особенно заметное в первой половине 2000-х годов. В Республике Коми на протяжении 1980-х годов также наблюдалось устойчивое сближение уровня продолжительности жизни с общероссийским – к 1990-1991 гг. различия сократились до 0,7 лет. В то же время современный кризис смертности оказался в Республике Коми заметно глубже, чем в среднем по стране. Периоды роста смертности характеризовались увеличением различий в уровне продолжительности жизни до трех и даже трех с половиной лет. Особенно значительно отставание в сельской местности. В 2003 г., когда в Коми была за-

фиксирована минимальная продолжительность жизни сельского населения (52,4 лет для мужчин и 66,0 лет для женщин), разрыв с общероссийским уровнем продолжительности жизни на селе составил 5,3 года по мужскому показателю и 4,8 лет по женскому (*Демографический ежегодник РК, 2010*).

Периоды снижения смертности, наоборот, отличаются сближением продолжительности жизни населения Коми с общероссийским уровнем. Иными словами, уровень смертности демонстрирует здесь большую гибкость. Обусловлено это, по всей видимости, повышенным удельным весом в структуре смертности населения республики, как и других северных регионов, внешних причин (несчастных случаев, отравлений, травм, убийств, самоубийств) и экзогенных заболеваний. Даже в условиях заметного сокращения последних лет смертность от несчастных случаев составляет в республике 15-16% случаев смерти по сравнению с уровнем порядка 10% в среднем по стране (*Официальный сайт Росстата*). В середине 1990-х годов она превышала четверть, в начале 2000-х – пятую часть всех смертей в республике. При этом следует отметить, что эта группа причин с 1960-х годов стабильно сохраняет в Коми второе место в структуре причин смерти населения: ни в 1980-е, ни в конце 1990-х, ни в последние годы она не уступает этой позиции смертности от новообразований. В Якутии смертность от несчастных случаев также устойчиво занимает второе место в общей структуре смертности. При этом ее удельный вес еще выше, чем в Коми: в последние годы порядка 20%, в 1990-х – начале 2000-х годов составлял четверть всех смертей в республике (*Естественное движение..., 2011*).

В трудоспособном возрасте, на который приходится около 40% смертных случаев в Коми и порядка 60% в Якутии, неестественные причины смерти – на первом месте. По всем возрастам на первом месте, как и по стране в целом, смертность от болезней системы кровообращения. Но если в среднем по России сердечно-сосудистыми заболеваниями обусловлено более половины смертных случаев, а в 2000-х годах – более 55% (*Официальный сайт Росстата*), то в Коми доля этой группы причин лишь в отдельные годы достигает половины, в основном она порядка 46-48%. В Якутии уровень в 45-48% был достигнут лишь во второй половине 2000-х годов: в 1990-е годы был на уровне 35%, в начале 2000-х годов – 40-42% в общей структуре смертности (*Естественное движение..., 2011*). При этом из-за молодой возрастной структуры населения уровень смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, так же как и от новообразований, в Якутии и Коми заметно ниже, чем в среднем по стране: порядка 450, 600 и 800 смертей на 100000 человек населения в Якутии, Коми и России, соответственно. Тем не менее, именно повышение смертности от болезней системы кровообращения в средних и пожилых возрастах, наряду с ростом смертности от неестественных причин в молодых и средних возрастах, определяет основной прирост смертности в периоды увеличения ее уровня.

Безусловно, повышенный удельный вес смертности от несчастных случаев и болезней экзогенной этиологии, обусловленный как молодой структурой населения, так и тяжелыми природно-климатическими, производственными и бытовыми условиями на Севере, представляет собой значительный резерв роста продолжительности жизни во всех северных регионах, в том числе в Коми и Якутии. Однако без существенного снижения смертности населения средних и старших возрастов от сердечно-сосудистых заболеваний, в основе которого

лежат оздоровление образа жизни населения, последовательное и всемерное укрепление его здоровья, профилактика заболеваемости и развитие системы здравоохранения, добиться стабильного повышения продолжительности жизни населения северных республик не представляется возможным. Особенно актуально это звучит в условиях повышенных темпов постарения населения зоны Севера вследствие миграционного оттока.

Еще одна особенность смертности на Севере – это повышенные показатели младенческой смертности в большинстве северных регионов (табл. 3). Особенno существенное превышение общероссийского уровня наблюдается в территориях с заметным процентом этносов с незавершенным демографическим переходом. Иными словами, регионы с относительно высоким уровнем рождаемости характеризуются и значительной младенческой смертностью. Даже в весьма благополучном не только по уровню рождаемости, но и по уровню продолжительности жизни населения Ямало-Ненецком АО коэффициент младенческой смертности существенно выше среднего по стране уровня. Позитивные исключения: республики Карелия и Коми, Архангельская и Мурманская области, Ханты-Мансийский АО, и в самые последние годы – Сахалинская область и Якутия.

Таблица 3
Динамика коэффициента младенческой смертности
населения северных территорий России в 2003-2011 гг.
(на 1000 родившихся живыми)

Регионы	Годы								
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Российская Федерация	12,4	11,6	11,0	10,2	9,4	8,5	8,1	7,5	7,3
Европейский Север									
Республика Карелия	8,1	9,7	9,6	7,6	7,2	5,8	5,0	4,9	5,6
Республика Коми	9,4	8,6	8,7	7,0	7,6	6,6	5,1	5,0	4,4
Архангельская область	12,4	10,1	12,6	10,2	10,7	8,9	7,8	6,8	6,9
Ненецкий АО	29,3	9,9	16,6	15,2	17,0	7,4	5,8	5,7	10,5
Мурманская область	8,9	11,0	11,2	10,3	9,5	9,3	7,3	5,3	8,6
Азиатский Север									
Ханты-Мансийский АО	7,8	6,9	7,3	7,5	5,6	5,2	4,0	4,3	5,2
Ямало-Ненецкий АО	12,7	13,4	11,2	13,0	13,3	11,4	10,7	12,2	10,7
Республика Тыва	27,6	20,4	19,3	15,1	16,3	13,2	16,1	13,0	13,5
Республика Саха (Якутия)	13,2	13,5	10,6	10,6	10,4	9,1	8,9	7,2	6,3
Камчатский край	14,3	13,0	10,3	12,2	8,7	7,5	11,8	9,4	10,0
Магаданская область	11,9	11,8	12,0	14,2	14,2	10,0	10,8	9,3	7,2
Сахалинская область	12,5	13,8	14,4	12,9	8,9	8,1	7,2	5,9	4,4
Чукотский АО	28,0	20,9	17,6	23,2	17,6	9,2	12,6	21,8	13,1

Источники: 1, с.158-159; 2

Младенческую смертность в 1990-е годы называли единственным достижением в демографическом развитии страны. Устойчивое сокращение смертности детей на первом году жизни наблюдается в России с 1994 г. В Коми оно началось несколько позже, с 1996 г., но оказалось более значительным. Если вплоть до конца 1980-х годов республиканские показатели были ниже среднероссийского уровня лишь в отдельные годы (1984 и 1986 гг.), то после 1996 г. они стабильно ниже. В 2011 г. коэффициент младенческой смертности

составил здесь 4,4 на 1000 родившихся против 7,3% по России в целом. В 2012 г. в связи с переходом на новые критерии живорождения произошло небольшое повышение младенческой смертности: до 5,9% в Коми, до 8,6% по Российской Федерации. Но в любом случае в Республике Коми – один из самых низких в стране уровней. Поскольку смертность на первом году жизни в настоящее время определяется, главным образом, патологиями, возникающими в перинатальном периоде, и врожденными аномалиями, очевидно, что благополучие ситуации обусловлено значительным улучшением в республике систем ранней диагностики патологий беременности и родовспоможения.

В Якутии еще в начале 2000-х годов уровень младенческой смертности существенно превышал средний по стране. Лишь во второй половине прошлого десятилетия произошло заметное сближение показателя с общероссийским уровнем, а в 2010-2011 гг. он также стал ниже, чем в целом по России. Безусловно, это большой успех, как и в Коми, свидетельствующий о значительных достижениях в охране материнства и детства.

Однако нельзя не отметить выход в Коми еще во второй половине 1990-х годов на третье место в структуре причин младенческой смерти несчастных случаев, отравлений и травм (в целом по стране они на пятом месте, лишь в последние годы поднялись на четвертую позицию), которые определяют сейчас в республике 5-7% смертей детей до одного года. В Якутии несчастные случаи переместились на третье место в середине 2000-х годов, но их удельный вес составляет от 8 до 14% всех случаев младенческой смертности. Повышенная смертность детей до одного года от несчастных случаев, уровень которой зависит от доступности и своевременности медицинской помощи, но в еще большей степени от образа жизни семьи, желания и возможности уделять малышам достаточно внимания, это очень неблагоприятное явление, свидетельствующее о неблагополучии в развитии и жизнедеятельности современной семьи. И особенно негативно это выглядит на фоне низкой рождаемости, характерной как для 1990-х, так и для 2000-х годов.

Как уже отмечалось, в последнее десятилетие в России достигнуты очень впечатляющие успехи в снижении смертности. Отчасти их можно отнести за счет очередной понижающей фазы цикла смертности: в период современного демографического кризиса практически все демографические процессы обрели в России циклический характер с периодичным чередованием фаз роста и снижения. Однако довольно большую роль, на наш взгляд, играет и активизация внимания государства к демографической сфере. Как известно, с 2006 г. в Российской Федерации реализуется политика реформирования здравоохранения. С 1 января указанного года стартовал приоритетный национальный проект «Здоровье». В его рамках предусмотрены мероприятия по развитию первичной медико-санитарной помощи и совершенствованию профилактики заболеваний, по повышению доступности и качества специализированной, в том числе высокотехнологичной, медицинской помощи, по совершенствованию медицинской помощи матерям и детям, по формированию здорового образа жизни населения.

В целях утвержденной в октябре 2007 г. «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» заложены конкретные количественные ориентиры не только по численности населения страны, но и по уровню продолжительности его жизни: стабилизация численности

населения к 2015 г. на уровне 142-143 млн. человек и создание условий для ее роста к 2025 г. до 145 млн. человек, а также повышение качества жизни и увеличение ожидаемой продолжительности жизни к 2015 г. до 70 лет, к 2025 г. – до 75 лет (*Указ Президента...*). При этом задачи в области смертности в перечне основных задач демографической политики страны совершенно справедливо поставлены на первое место.

Дальнейшим продолжением национального проекта «Здоровье» и «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» явились финансируемые в основном за счет субсидий Федерального Фонда обязательного медицинского страхования (которые дополняются финансированием из региональных бюджетов и средств региональных ФОМС), региональные программы модернизации здравоохранения на 2011-2012 гг., которые каждый регион разрабатывал самостоятельно в соответствии с обозначенными Минздравом направлениями: укрепление материально-технической базы, внедрение современных информационных систем и единых стандартов медицинской помощи. Программы были утверждены в 2011 г. в каждом российском регионе и должны были быть реализованы до конца 2012 г., однако они продлены и на текущий год.

Результаты этих мероприятий можно оценить довольно высоко, о чем свидетельствует ряд моментов. Во-первых, следует отметить продолжительность периода снижения смертности. Оно наблюдается в России уже на протяжении девяти лет, т.е. оно достаточно устойчиво, и его уже нельзя трактовать как непродолжительное снижение компенсаторного типа, происходящее после ряда лет сверхсмертности, приводящих к «оздоровлению населения», как, например, вполне можно оценить снижение смертности российского населения в период 1995-1998 гг.

Во-вторых, достигнутый уровень продолжительности жизни населения. Как известно, максимальные уровни продолжительности жизни населения России были отмечены в середине 1960-х и в конце 1980 годов. В 2012 г., после девяти лет сокращения уровня смертности, величина продолжительности жизни для обоих полов, составившая 70,24 лет (64,56 для мужчин и 75,86 для женщин) (*Официальный сайт Росстата*), превысила рекордный уровень 1986-1989 гг. При этом по женскому показателю максимальная отметка была перекрыта еще в 2009 г., а по мужскому, к сожалению, пока немного не достигнут даже максимум середины 1960-х. Однако, как видим, уровень, который в соответствии с целью «Концепции демографической политики на период до 2025 года» предполагалось достичь к 2015 г., уже достигнут в 2012 г.

В-третьих, темпы снижения смертности по причинам смерти. Наиболее значительно в целом за 2003-2012 гг. уменьшились показатели смертности от внешних причин, на втором месте идет снижение смертности от болезней органов дыхания, на третьем – от болезней системы кровообращения, на четвертом – от инфекционных и паразитарных заболеваний (*Официальный сайт Росстата*). Если же брать период с начала реализации национального проекта «Здоровье», то в 2006-2012 гг. смертность от болезней системы кровообращения по темпам снижения у женщин выходит на второе место после внешних причин. А в 2011-2012 гг., когда начали реализовываться региональные программы модернизации здравоохранения, смертность от болезней системы кровообращения по темпам снижения выходит на второе место также и у мужчин.

Причем темпы снижения смертности от болезней системы кровообращения и от внешних причин в 2010-2012 гг. уже сопоставимы.

В-четвертых, свидетельством того, что в снижении смертности населения России 2000-х годов весомый вклад принадлежит мероприятиям, связанным с модернизацией здравоохранения, может быть и недостаточный рост продолжительности жизни населения в регионах с высокой долей смертности от внешних причин. В последние годы заметно сократилось превышение общероссийской продолжительности жизни в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО. В остальных северных регионах, характеризующихся показателем продолжительности жизни ниже среднего по стране, разница с общероссийским уровнем заметно не сокращается, а в некоторых она даже увеличилась. Исключение составляет только Ненецкий АО. Например, в Республике Коми в 1994-1998 гг., когда в стране наблюдалось снижение смертности компенсаторного типа, за 4 года произошло очень значительное сближение продолжительности жизни с общероссийским уровнем: разница сократилась с трех лет практически до нуля. В 2000-е годы, в условиях более продолжительного периода снижения смертности разница с общероссийской продолжительностью жизни все еще порядка двух лет. В Якутии в последние годы прослеживается нарастание разницы с общероссийским уровнем. Еще более заметно увеличилась разница в Камчатском крае и Сахалинской области.

В заключение отметим, что в 2012 г. в результате встречных тенденций рождаемости и смертности число родившихся в России почти сравнялось с числом умерших. В большинстве северных регионов, которые также характеризовались естественной убылью, в последние годы уже фиксируется положительный естественный прирост. Однако проблемы смертности по-прежнему очень остро стоят перед всеми северными территориями России – прежде всего, преждевременной мужской смертности от внешних причин, и особенно в сельской местности. Северные регионы отличаются молодой возрастной структурой умирающих, высокой долей смертности от внешних причин и болезней экзогенной этиологии, т.е. на Севере по-прежнему очень большой резерв снижения смертности, связанной с неблагоприятным образом жизни населения. В ряде северных регионов наблюдаются повышенные показатели младенческой смертности с большим удельным весом смертности младенцев от несчастных случаев. Иными словами, особенности смертности на Севере являются не столько медицинскими, сколько социальными проблемами.

Литература

1. Демографический ежегодник Республики Коми. 2010: Стат. сб. – Сыктывкар, 2010.
2. Демографический ежегодник России, 2012: Стат. сб./ Росстат. – М., 2012. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2012/demo12.rar (19.10.2013).
3. Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб./ Росстат. – М., 2010.
4. Естественное движение населения Республики Саха (Якутия) за 2010 год. Том 1. – Якутск, 2011.
5. Официальный сайт Росстата. – URL: <http://www.gks.ru> (19.10.2013.)
6. Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на

период до 2025 года». – URL: <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=041941> (19.10.2013.).

СМЕРТНОСТЬ В ТРУДОСПОСОБНОМ ВОЗРАСТЕ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

Д.В. Туманова

Институт региональной экономики Севера СВФУ, г. Якутск

В изучении динамики смертности большое значение имеют повозрастные коэффициенты смертности. Анализ возрастной шкалы смертности дает основания для выявления различий в уровнях смертности в отдельных возрастных группах.

В Республике Саха (Якутия) для населения моложе трудоспособного возраста ситуацию со смертностью можно охарактеризовать как вполне благоприятную. Для трудоспособного населения характерна совершенно иная картина. Среди трудоспособного населения наблюдается прирост смертности, в то время как общее число умерших всех возрастов снизилось. В 1990-1995 гг. показатели смертности этой категории населения значительно возросли (табл. 1).

Таблица 1

**Коэффициенты смертности в трудоспособном возрасте
в Республике Саха (Якутия), на 100000 человек**

Год	Оба пола	Мужчины	Женщины
Все население			
1990	489,5	749,5	196,6
1995	829,2	1259,8	330,3
2000	732,9	1132,5	321,6
2005	776,2	1218,8	322,6
2006	723,3	1106,3	329,0
2007	680,6	1057,4	288,7
2008	710,4	1096,9	306,0
2009	725,6	1112,1	319,1
2010	724,2	1120,5	305,1
Городское население			
Год	Оба пола	Мужчины	Женщины
1990	464,6	726,2	175,2
1995	847,8	1320,4	326,3
2000	758,9	1190,4	318,4
2005	767,1	1216,6	316,4
2006	731,8	1140,7	320,3
2007	655,2	1034,5	271,0
2008	690,7	1081,6	291,4
2009	706,1	1109,8	296,2
2010	707,7	1113,2	293,8
Сельское население			
Год	Оба пола	Мужчины	Женщины
1990	541,3	804,0	247,3
1995	753,3	1127,0	338,9
2000	679,6	1013,8	328,6
2005	797,5	1227,9	336,3
2006	708,2	1041,7	347,7
2007	734,7	1105,4	327,1

2008	751,3	1127,6	337,6
2009	767,5	1117,5	370,1
2010	759,1	1135,0	330,6

В Якутии практически каждый второй умерший в трудоспособном возрасте. В 2008 г. доля трудоспособных возрастов в общем числе умерших составила 46%, в 2012 г. – 43,2%. В последующие годы ситуация несколько улучшилась и коэффициенты смертности снизились, но, тем не менее, уровень смертности лиц трудоспособного возраста остается выше уровня 1990-х годов (Сукнёва, 2010, с.48-49).

Как видно из табл. 1, коэффициенты смертности в трудоспособном возрасте имеют четкую дифференциацию по полу. Так, в 1990 г. коэффициент смертности мужчин в трудоспособном возрасте превышал аналогичный коэффициент у женщин в 3,8 раза. На протяжении последних 20 лет превышение коэффициента смертности мужчин над женским составляет не менее 3,5 раз. Также необходимо отметить, что с 2007 г. коэффициент смертности в трудоспособном возрасте в сельской местности выше, чем в городской. Коэффициент смертности в трудоспособном возрасте у женщин сельской местности также имеет превышение над городским уровнем. К примеру, в 1990 г. в селе он был равен 247,3, в городской местности – 175,2, в 2000 году – 328,6 и 318,4, соответственно, в 2010 г. – 330,6 и 293,8. Смертность сельских мужчин трудоспособного возраста несколько превышает уровень смертности городских мужчин.

Сравнительно с Российской Федерацией коэффициенты смертности трудоспособного населения в Якутии в последнее десятилетие более низкие в целом по населению (табл. 2). Среди женщин трудоспособного возраста, наоборот, смертность несколько выше, чем в среднем по России. Показатели смертности мужчин в Республике Саха (Якутия) в 2006 г. в трудоспособных возрастах оказались в 3,36 раза выше аналогичных показателей для женщин: соответственно, 1006,3 и 329,0, в 2011 г. – в 3,46 раза (1032,2 и 297,7, соответственно).

Таблица 2

Смертность населения трудоспособного возраста в Российской Федерации и Республике Саха (Якутия) за 1990-2011 годы, (на 100 тыс. населения)

	1990	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2011
Оба пола									
РФ			769,7	801,3	807,1	826,5	746,1	695,4	600,9
РС(Я)	489,5	829,2	769,0	753,8	771,9	776,2	723,3	680,6	679,0
Мужчины									
РФ			1207,6	1254,2	1270,0	1300,7	1172,1	1087,2	928,0
РС(Я)	749,5	1259,8	1183,8	1161,9	1197,9	1218,8	1106,3	1057,4	1032,2
Женщины									
РФ			325,1	339,5	333,9	337,6	304,4	287,1	253,6
РС(Я)	196,5	330,3	344,5	335,4	336,9	322,6	329,0	288,7	297,7

Как видно из табл.3, в структуре причин смерти в трудоспособном возрасте лидером является смертность от внешних причин. В 2002 г. смертность от данного вида причин составила 328,9 на 100000 человек трудоспособного возраста, в 2011 г. – 240,1. Т.е. наблюдается некоторое снижение коэффициента. Болезни системы кровообращения занимают второе место. К примеру, в 2002 г. коэффициент составил 226,8 на 100000 человек соответствующего воз-

раста, а в 2011 г. – 231,0. Прослеживается небольшой рост смертности от болезней системы кровообращения в трудоспособном возрасте. Замыкает тройку лидеров смертность от новообразований. Так, в 2002 г. коэффициент смертности от новообразований был равен 77,6, а в 2011 г. составил 67,1 на 100000 человек, т.е. происходит снижение смертности от данной причины.

Таблица 3

Коэффициенты смертности по основным классам причин смерти в Республике Саха (Якутия), на 100000 человек трудоспособного возраста

Год	От всех причин	Инфекционные болезни	Новообразования	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Внешние причины
2002	769,0	19,6	77,6	226,8	24,3	42,9	328,9
2004	771,0	15,5	81,5	239,6	23,8	48,8	302,2
2005	773,6	17,5	79,0	264,2	30,5	43,9	291,7
2006	718,8	15,3	71,0	234,5	21,0	45,3	277,1
2007	674,4	13,1	76,8	220,6	17,8	37,2	20,6
2008	713,8	21,4	70,0	235,3	24,8	45,8	270,9
2009	716,1	19,4	76,4	240,3	23,8	50,9	252,9
2010	725,5	12,5	64,2	260,3	23,4	55,9	252,9
2011	679,0	16,9	67,1	231,0	24,6	46,7	240,1

По сравнению с Дальневосточным федеральным округом, смертность по причинам смерти в трудоспособном возрасте в Якутии имеет некоторые отличия. Так, с 2008 г. первое место в причинах смерти в ДВФО занимают болезни органов кровообращения. Второй стала смертность от внешних причин. Смертность от новообразований в трудоспособном возрасте в ДВФО находится на третьем месте.

Смертность по причинам смерти в трудоспособном возрасте в Российской Федерации в целом не отличается от картины, сложившейся в Дальневосточном федеральном округе. Также необходимо отметить, что коэффициенты смертности по причинам смерти в Республике Саха (Якутия) превышают аналогичные показатели в Российской Федерации (табл. 4). Так, в 2011 г. коэффициент смертности от внешних причин в республике превысил российский показатель в 1,4 раза, от болезней системы кровообращения – в 1,2 раза. Однако смертность от новообразований в трудоспособном возрасте в 1,2 раза ниже среднероссийского уровня. Отрадным фактом является то, что смертность от болезней органов дыхания и инфекционных заболеваний в Республике Саха (Якутия) на протяжении долгого времени остается ниже российского уровня.

Напротив, коэффициенты смертности «тройки лидеров» по причинам смерти в Дальневосточном федеральном округе несколько превосходят аналогичные республиканские показатели. В ДФФО значительно выше коэффициент смертности от инфекционных болезней. В 2011 г. он был больше республиканского показателя в 2,5 раза. Также почти в 2 раза выше и коэффициент смертности от болезней органов дыхания, коэффициент смертности от новообразований в 2011 г. в ДВФО превысил республиканский в 1,3 раза.

Таким образом, ситуацию в области смертности трудоспособного населения в Республике Саха (Якутия) следует оценивать как не вполне благоприятную. Сохраняется значительный разрыв между показателями смертности у мужчин и женщин. В структуре причин смертности продолжают преобладать причины экзогенного характера. Однако необходимо отметить имеющиеся возможности снижения смертности в трудоспособном возрасте за счет ее сокращения от предотвратимых причин. В связи с вышеизложенным, приоритетным направлением демографической политики должно стать снижение смертности населения трудоспособного возраста.

Таблица 4
Коэффициенты смертности по основным классам причин смерти в ДВФО и Российской Федерации, на 100000 человек трудоспособного возраста

Год	От всех причин	Инфекционные болезни	Новообразования	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Внешние причины
ДВФО							
2002	862,8	42,2	92,4	259,6	43,3	45,5	333,1
2004	958,8	45,4	97,5	305,1	54,2	62,5	341,6
2005	998,7	50,5	96,4	326,9	58,8	70,6	339,4
2006	886,8	44,3	93,6	292,2	47,4	63,3	297,4
2007	816,9	45,5	94,0	263,3	42,1	56,6	271,2
2008	826,2	44,1	90,9	271,5	45,9	60,1	269,0
2009	771,1	43,9	89,4	252,6	44,0	59,3	239,3
2010	809,3	42,4	91,3	272,7	43,8	66,7	248,9
2011	774,0	42,3	90,0	249,6	43,8	63,7	243,1
Российская Федерация							
2002	769,7	32,0	84,4	227,9	39,2	40,0	283,3
2004	807,1	33,2	87,4	251,6	41,2	49,4	277,0
2005	826,5	35,3	87,9	263,5	44,8	56,5	269,2
2006	746,1	32,7	87,3	235,8	36,6	52,4	240,0
2007	695,4	31,5	87,0	216,2	33,6	50,3	220,9
2008	685,7	32,1	87,2	217,5	34,5	51,7	207,0
2009	641,7	31,7	86,8	201,6	33,4	49,1	188,9
2010	634,0	31,4	85,5	201,2	30,1	50,4	181,8
2011	600,9	31,8	84,6	188,7	30,9	47,8	167,5

Литература

1. Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия). 2008. – Якутск: Стат. сб. – Саха(Якутия)стат, 2008.
2. Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия). 2011. – Якутск: Стат.сб. – ФСГС ТО ФСГС по РС(Я), 2011.
3. Демографический ежегодник России. – М.: Стат.сб. – Росстат, 2008.
4. Елшина И.А. Демографические аспекты старения населения Северо-Востока России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012, №16(157).

5. Естественное движение населения Республики Саха (Якутия) в 2008 году. – Якутск: Стат.сб. – Саха(Якутия)стат, 2009.
6. Смертность населения в Республике Саха (Якутия) в 2008 году. – Якутск: Стат.сб. – Саха(Якутия)стат, 2008.
7. Смертность населения Республики Саха (Якутия) в 2012 году. – Якутск: Стат.сб. – ФСГС ТО ФСГС по РС(Я), 2013.
8. Сукнёва С.А. Демографический потенциал развития населения северного региона. – Новосибирск: Наука, 2010.

ТЕНДЕНЦИИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ УХУДШЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ МЛАДШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Н.А. Кондакова

Институт социально-экономического развития территорий РАН, г. Вологда

Дети – это наши инвестиции в общество будущего. От их здоровья и того, каким образом мы обеспечиваем их рост и развитие, будет зависеть уровень благосостояния и стабильности в стране (Баранов, 2008). Неблагоприятные сдвиги в состоянии здоровья младшего поколения наносят большой социально-экономический и демографический ущерб. Вступая в период взросления, больные дети не только не смогут освоить наукоемкие профессии, но и полностью реализовать свой трудовой и репродуктивный потенциал.

Демографический кризис и ухудшение условий жизни населения, возникшие в России еще в 1990-х годах, затронули не только количественные, но и качественные характеристики населения. Эти процессы оказали негативное воздействие на состояние здоровья различных групп населения, среди которых дети оказались наиболее уязвимыми. Среди всех возрастных групп населения тенденции в состоянии здоровья детей стали самыми неблагоприятными. Так, в России за 1995-2011 гг. первичная заболеваемость детей в возрасте от 0 до 14 лет увеличилась на 60% (в 2011 г. составила 1932 случая на 1000 населения соответствующего возраста), в Вологодской области – на 87% (2505 случаев), тогда как среди всего населения заболеваемость выросла на 18% (в 2011 г. составила 797 случаев на 1000 населения), в регионе – на 19% (882 случая) (*Сайт Федеральной службы...*).

По официальным статистическим данным, в России не более 20% детей и подростков-школьников считаются здоровыми, в Вологодской области – только 10% (табл. 1). Анализ распределения детей по группам здоровья показал, что в регионе за 2007-2011 гг. удельный вес детей с I группой здоровья сократился с 11 до 10%, в стране – с 22 до 20%. За указанный период доля детей со II группой здоровья увеличилась с 58 до 64%, что на 4 п.п. больше, чем в среднем по стране (60%). Особенно значима разница в доле детей с хроническими заболеваниями (III группа здоровья), которая составляет почти 7 п.п.

Состояние здоровья населения во многом зависит от сохранения здоровья детей до года. В Вологодской области наблюдается существенный рост заболеваемости данной группы населения. В 2011 г. около 33% детей (по России – 35%) родились уже больными или заболели в ближайшее после рождения время, что почти в 2 раза больше, чем в 1990 г. До 2002 г. включительно забо-

леваемость в области была выше, чем по стране, однако уже в 2003 г. ситуация изменилась в обратную сторону (*Российский статистический ежегодник, 2012*).

Таблица 1
Распределение детей и подростков-школьников по группам здоровья
в Российской Федерации и Вологодской области (в %)

Год	Вологодская область				Российская Федерация			
	I гр.зд.	II гр.зд.	III гр.зд.	IV, V гр.зд.	I гр.зд.	II гр.зд.	III гр.зд.	IV, V гр.зд.
2007	10,6	58,2	29,3	1,9	21,5	58,0	18,4	2,0
2008	10,3	60,7	27,6	1,3	21,4	58,0	18,7	1,9
2009	8,9	63,6	26,1	1,3	20,8	58,5	18,9	1,8
2010	10,3	63,3	24,9	1,5	20,7	59,4	18,2	1,8
2011	9,8	64,1	24,5	1,7	20,1	60,2	17,9	1,7

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система. – URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=41685&referrerType=0&referrerId=946899>

Некоторые положительные изменения в состоянии здоровья новорожденных детей начиная с 2006 г. можно отнести к результатам реализации областной целевой программы «Здоровый ребенок» и приоритетного национального проекта «Здоровье», в рамках которых проводится скрининг беременных женщин и неонatalный скрининг (обследование новорожденных детей на наследственные заболевания), закупаются специальные смеси для беременных женщин и кормящих матерей, аппараты искусственной вентиляции легких для новорожденных (*Государственный доклад..., 2010*).

В отличие от ситуации с новорожденными, заболеваемость детей до 14 лет растет более быстрыми темпами. За период с 1995 по 2011 г. в Вологодской области заболеваемость детей выросла на 86%, причем значения данного показателя (250488 случаев на 100 тыс. населения соответствующего возраста) были на 30% выше, чем по России в целом (193189 случаев) (табл. 2).

Таблица 2
Заболеваемость детей (с диагнозом, установленным впервые в жизни;
на 100 тыс. населения соответствующего возраста)

Год	1995	2000	2005	2010	2011	2012
в возрасте от 0 до 14 лет						
Вологодская область	134318	184809	206036	255773	250488	253500
Российская Федерация	121122	146236	173810	191132	193189	н.д.
в возрасте от 15 до 17 лет						
Вологодская область	93729	125170	126428	161115	169045	162329
Российская Федерация	71010	88514	111406	138300	138419	н.д.

Источники: Российский статистический ежегодник. 2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2012; Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 1999-2012 гг.: стат. сб. – Вологда: Департамент здравоохранения Вологодской области, ГУЗ ДЗ ВО «МИАЦ», 1999-2012.

Здоровье детей во многом зависит от уровня организации профилактических осмотров и своевременной постановки диагноза. В 2011 г. в Вологодской области в рамках национального проекта «Здоровье» было обследовано 6133 подростка в возрасте 14-ти лет. По результатам обследований 8,5% подростков

имели I группу здоровья, 47,9% – II группу здоровья, 43,6% – III группу здоровья.

Большую озабоченность вызывает состояние здоровья детей в возрасте 15-17 лет. В Вологодской области за 1995-2011 гг. уровень заболеваемости данной категории населения увеличился на 80% (в среднем за год на 3%), составив 169045 случаев на 100 тыс. населения соответствующего возраста, что превышает данный показатель по стране на 18% (138419 случаев).

Увеличение количества заболеваний у детей является результатом двух процессов: ухудшения здоровья и улучшения выявления болезней на более ранних стадиях.

Врожденные пороки и заболеваемость детей находят свое отражение в показателях инвалидности. В Вологодской области и Российской Федерации с 2002 г. отмечается снижение показателей детской инвалидности. К 2011 г. в регионе насчитывалось 172 инвалида на 10 тыс. детей (по стране в целом – 193 инвалида) (табл. 3). Наиболее значимыми причинами снижения уровня общей инвалидности является улучшение качества ранней диагностики хронических заболеваний. Основными профилактическими мероприятиями являются антенатальная и пренатальная диагностика инвалидизирующих заболеваний. Так, в 2009 г. пренатальным скринингом было охвачено 98% детей (*Государственный доклад..., 2010*).

Таблица 3
Численность детей-инвалидов в возрасте 0-17 лет (на 10 тыс. детей)

Год	1998	2000	2001*	2005	2010	2011
Вологодская область	202,2	214,8	212,3	195,2	185,8	171,6
Российская Федерация	172,2	191,1	190	200,3	190,7	192,5

* В возрасте 0 – 15 лет

Источники: Здравоохранение в России: стат. сб. / Росстат. – М., 1998, 2000, 2011; Основные показатели здоровья матери и ребенка, деятельность службы охраны детства и родовспоможения в Российской Федерации: стат. сб. / Министерства здравоохранения Российской Федерации. – М., 2012.

В возрастной структуре детской инвалидности в регионе наибольший удельный вес занимают дети в возрасте от 10 до 14 лет – 1407 чел. (31,5%). В 2009 г. в структуре заболеваний детей, приводящих к инвалидности, на первом месте были психические расстройства (24%), на втором и третьем местах – болезни нервной системы и врожденные аномалии соответственно (по 22%) (*Единая межведомственная информационно-статистическая система*).

Высокая доля распространенности психических расстройств среди детей происходит в основном за счет психозов и умственной отсталости. При этом максимальные показатели инвалидности, обусловленные данными заболеваниями, прослеживаются в возрасте 5-9 лет.

Анализ распределения детей-инвалидов по главному нарушению в состоянии здоровья показал, что в 2009 г. ведущими являются умственные нарушения (умственная отсталость, нарушения интеллекта и др.) – 1207 (27%), на втором месте висцеральные и метаболические нарушения (кардиореспираторной функции, мочеполовой системы, пищеварительных функций и функции печени) – 1042 (23,3%), на третьем месте двигательные нарушения – 1035 (23,1%) (*Государственный доклад..., 2010*). Умственные нарушения при-

водят к тяжелым ограничениям жизни в дальнейшем, в результате чего человек не может полностью реализовать свой трудовой потенциал.

Таким образом, здоровье детского населения Вологодской области снижается. Если в ближайшее время ситуация не будет изменена, то следует ожидать ее дальнейшего ухудшения.

Снижение численности здоровых детей подтверждается не только данными официальной статистики, но и результатами выборочных социологических исследований. Анализ данных мониторинга «Изучение условий формирования здорового поколения»[§] подтверждает тенденцию ухудшения здоровья новорожденных. Так, в 1995 г. младенцев с I группой здоровья родилось 8%, в 1998 г. – 6%, в 2001 г. – 6%, в 2004 г. – 1%.

Вместе с этим, по результатам исследования, к одному году у детей происходит существенное сокращение потенциала здоровья, полученного при рождении (в когорте 1995 г.р. сократилось количество здоровых детей в 6 раз, когорте 1998 г.р. – в 4 раза, 2001 г.р. – в 1,3 раза, 2004 г.р. – в 1,7 раза).

В возрастной промежуток от 1 года до 3 лет здоровье обследуемых также ухудшилось, это выразилось в увеличении доли детей со II группой здоровья и, в особенности, детей, имеющих хронические заболевания (в когорте 1995 г. рост детей с III группой здоровья составил с 6 до 15%; в когорте 1998 г. – с 11 до 15%; в когорте 2001 г. – с 7 до 11%; в когорте 2004 г. с 4 до 13%).

В возрастном промежутке с 4 до 7 лет, особенно в год, предшествующий поступлению в школу, сократилось количество здоровых детей (в период с 6 до 7 лет доля детей с хроническими заболеваниями возросла с 18 до 26% среди детей 1995 г.р.; с 18 до 23% среди детей 1998 г.р.; с 20 до 24% среди детей 2001 г.р.; с 18 до 21% среди детей 2004 г.р.). Это является неблагоприятным фактором, так как обучение в школе увеличивает физическую и психоэмоциональную нагрузки на детский организм. Увеличение нагрузок может привести к дальнейшему ослаблению здоровья, что непременно скажется на успеваемости и адаптации детей к новым социальным условиям.

При переходе ребенка из начальной школы в среднюю (10-11 лет) увеличилась численность детей, имеющих II группу здоровья: среди детей 1995 г.р. – на 10%, среди детей 1998 г.р. – на 3%. Очевидно, что в связи с возросшей в этом периоде обучения нагрузкой и необходимостью адаптации к изменившимся условиям у школьников обостряются «забытые» ранее болезни и формируются новые.

Таким образом, динамика распределения детей по группам здоровья неровная, что объясняется различием социально-экономических условий, в которых родились дети. Но стоит отметить, что дети 1995 и 1998 годов рождения более здоровые, чем дети 2001 и 2004 годов рождения.

В процессе взросления потенциал здоровья детей постоянно снижается. И как отмечают ученые, наиболее выраженный рост распространенности хронических заболеваний, отклонений в физическом развитии, частоты острой и обострения хронической патологии происходит в период получения система-

[§] Мониторинг проводится в ИСЭРТ РАН с 1995 г. при методологическом руководстве ИСЭПН РАН. Для оценки здоровья и развития детей привлекаются медицинские работники. Исследование проводится в городах Вологде, Череповце, районных центрах Кириллове, Великом Устюге, поселке городского типа Божеге. В исследовании участвуют все семьи, в которых родились дети в период с 15 по 30 мая 1995 г. (первая когорта) и с 1 по 20 марта 1998 г., 2001 г., 2004 г. (вторая – четвертая когорты).

тического образования (при обучении в дошкольных образовательных учреждениях, учреждениях общего среднего, начального и среднего профессионального образования) (Баранов, 2008).

Анализ распределения школьников по группам здоровья показал, что в образовательных учреждениях прослеживается четкая тенденция снижения удельного веса детей с I группой здоровья к старшим классам (9, 11 класс) и одновременное увеличение количества детей с III-IV группами здоровья (Копейкина, 2012).

Основными заболеваниями, которые чаще остальных встречаются у детей, являются: болезни глаза (миопия), болезни костно-мышечной системы (нарушение осанки, сколиоз), болезни органов пищеварения (Копейкина, 2012). При этом исследователями отмечается, что 70% расстройств, зафиксированных в начальных классах, переходят в хроническую форму к моменту окончания школы (Римашевская, 2011).

В период демографического кризиса актуальными являются экономические исследования, направленные на оценку потерь, которые несет общество вследствие преждевременной смертности.

Общепринятой оценкой ущерба от смертности является показатель «потерянные годы потенциальной жизни» (ПГПЖ), который учитывает не только уровень смертности, но и возраст, в котором наступила смерть. Единицей измерения потерь является человеко-год.

Показатель ПГПЖ позволяет рассчитать количество лет, которые человек мог бы прожить, если бы не ушел из жизни раньше наступления старости или определенного установленного временного «порога» (Ермаков, 2000; Прокоров, 2007). Стоимость потерянного человеко-года в разный период жизни человека различается. В детском возрасте, когда человек еще не включен в производственно-экономические процессы, ущерб минимален, но смерть в этом возрасте оборачивается потерей целой непрожитой человеческой жизни и, следовательно, упущеной выгодой в производстве ВВП в течение предстоящей жизни (упущены потенциальные годы, когда человек мог бы участвовать в экономической деятельности). Смерть в трудоспособном возрасте несет прямой экономический ущерб (упущенная выгода в производстве ВВП из-за уменьшения численности занятых в экономике).

Показатель ПГПЖ рассчитывается по следующей формуле:

$$\sum_{x=0}^{x=L} d_x (L - x), \quad (3)$$

где d_x – число смертных случаев в возрасте x , L – базовое значение продолжительности жизни, означающей возраст: такой, что все смерти ранее этого возраста считаются преждевременными.

При этом базовое значение продолжительности жизни можно выбирать в пределах от 50 до 75. В данной работе в качестве базового уровня мы будем применять рекомендованные экспертами ВОЗ значение, равное 65.

Стоимостное выражение потерянных лет потенциальной жизни, которое используется в качестве оценки ущерба от смертности, рассчитывается по следующей формуле:

$$\Pi_t = ПГПЖ C_t, \quad (4)$$

где Π_t – стоимость потерянных лет потенциальной жизни в результате смертности населения в году t ; ПГПЖ_t – количество человеко-лет, потерянных вследствие преждевременной смертности населения в году t ; C_t – стоимость одного года статистической жизни в году t .

В качестве меры стоимости одного года статистической жизни (C_t) используется величина средней заработной платы либо подушевой размер ВРП, рассчитанный исходя из численности населения, занятого в экономике в данном году.

Анализируя полученные результаты расчетов экономического ущерба в результате смертности детей и подростков (в возрасте от 0 до 19 лет), в Вологодской области за 2000-2011 гг. отмечается положительная динамика сокращения смертности, что отразилось в устойчивом снижении потерь (табл. 4). Размер недопроизведенного ВРП за исследуемый период сократился на 26% и в 2011 г. составил 10 952 руб. на одного занятого в экономике. Однако эти данные значительны, ведь 2,2% в общем объеме ВРП региона остаются недопроизведенными.

Таблица 4
Потери ВРП Вологодской области в результате преждевременной смертности населения в возрасте от 0 до 19 лет в 2000-2011 гг.

Год	Смертность, человек	ПГПЖ, человеко-года	Размер ВРП на одного занятого в экономике, тыс. руб.	Недопроизведенный ВРП, млн. руб.	Недопроизведенный ВРП, руб. на одного занятого в экономике	В % к ВРП
2000	404	22897	394,9	9042	14777	3,7
2001	458	26149	408,3	10676	17702	4,3
2002	407	23216	408,3	9480	15337	3,8
2003	429	24202	432,4	10464	17137	4,0
2004	345	19655	483,5	9502	15877	3,3
2005	348	19844	483,4	9593	15336	3,2
2006	334	18512	501,6	9286	14700	2,9
2007	294	16642	524,9	8735	13767	2,6
2008	266	15088	519,3	7835	12633	2,4
2009	255	14775	454,0	6708	10859	2,4
2010	232	13536	489,2	6622	10925	2,2
2011	215	12585	525,2	6610	10952	2,1
2010 г. к 2000 г., в %	53,2	55,0	133,0	73,1	74,1	55,7

Стоит отметить, что наибольший вклад в сумму социальных потерь в рамках данной возрастной группы вносит преждевременная смертность детей в возрасте от 0 до 4 лет, которая в 2011 г. составила 1,4% в общем объеме ВРП (или 64% от потерь вследствие смертности в возрасте от 0 до 19 лет) (табл. 5).

Необходимо отметить, что приведенные выше данные не отражают в полной мере всех затрат, которое несет общество вследствие преждевременной смертности молодых людей, еще не достигших трудоспособного возраста. Во-первых, уровень смертности детей и подростков в силу различных биологических, возрастных, социальных закономерностей и факторов относительно невелик по сравнению с другими возрастными группами населения. Во-вторых,

не стоит забывать об ухудшении здоровья младшего поколения и тех невосполнимых потерях интеллектуального, трудового, репродуктивного, культурного потенциала, которые невозможно оценить.

Таблица 5

Потери ВРП Вологодской области в результате преждевременной смертности населения в возрасте от 0 до 4 лет в 2000-2011 гг.

Год	Смертность, человек	ПГПЖ, человеко-года	Размер ВРП на одного занятого в экономике, тыс. руб.	Недопроизведенный ВРП, млн. руб.	Недопроизведенный ВРП, руб. на одного занятого в экономике	В % к ВРП
2000	209	13167	394,9	5200	8498	2,2
2001	238	14994	408,3	6122	10151	2,5
2002	212	13356	408,3	5454	8823	2,2
2003	206	12978	432,4	5611	9190	2,1
2004	182	11466	483,5	5543	9262	1,9
2005	187	11781	483,4	5695	9105	1,9
2006	145	9135	501,6	4582	7254	1,4
2007	145	9135	524,9	4795	7557	1,4
2008	137	8631	519,3	4482	7226	1,4
2009	146	9198	454,0	4176	6760	1,5
2010	139	8757	489,2	4284	7068	1,4
2011	132	8316	525,2	4367	7237	1,4
2010 г. к 2000 г., в %	63,2	63,2	133,0	84,0	85,2	64,0

Таким образом, здоровье и развитие подрастающего поколения заслуживают пристального внимания, так как в настоящее время в Вологодской области и стране сохраняются негативные тенденции их основных показателей. Ежегодно возрастает заболеваемость детей всех возрастов, сохраняется высокий уровень инвалидизации и смертности. Уже в дотрудоспособном возрасте наблюдаются существенные гендерные различия в смертности, которые сохраняются и в будущем. В стране не более 20% детей и подростков-школьников можно считать здоровыми, в Вологодской области – 10%.

Основные направления государственной поддержки должны заключаться в следующем:

- развитие и совершенствование демографической политики как на федеральном, так и на региональном уровнях;
- принятие дополнительных мер, направленных на пропаганду здорового образа жизни и формирование семейных ценностей;
- усиление информированности населения о правах и возможностях (пособия, льготы), предоставляемых федеральными и региональными программами и законами;
- усиление мер государственной социальной поддержки семей с детьми (при этом необходимо совершенствование механизмов выявления семей, нуждающихся в мерах социальной поддержки и помощи);
- вовлечение в сферу предоставления социальных услуг семьям с детьми некоммерческих организаций, социально ответственного бизнеса и граждан-

ского общества.

Литература

1. Государственный доклад о состоянии здоровья населения и деятельности здравоохранения Вологодской области в 2009 году. / Под ред. к.м.н. А.А.Колинько. – Вологда, 2010.
2. Единая межведомственная информационно-статистическая система. – URL: <http://www.fedstat.ru>.
3. Ермаков С.П., Дуганов М.Д., Макеев А.Н., Колинько А.А. Финансовый микроанализ в здравоохранении: рекомендации для использования на региональном и муниципальном уровнях. – М., 2000.
4. Копейкина Н.А. Проблемы сохранения здоровья школьников // Проблемы развития территории. – 2012, №4(60). – С.44-52.
5. Новые возможности профилактической медицины в решении проблем здоровья детей и подростков России. Комплексная программа научных исследований «Профилактика наиболее распространенных болезней детей и подростков на 2005-2009 гг.» / А.А.Баранов, В.Р.Кучма, В.А.Тутельян, Б.Т.Величковский. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008.
6. Прохоров Б.Б., Горшкова И.В., Шмаков Д.И., Таракова Е.В. Общественное здоровье и экономика. – М.: МАКС Пресс, 2007.
7. Римашевская Н.М., Шабунова А.А. Здоровье школьников: тенденции и определяющие факторы // Народонаселение. – 2011, №4. – С.4-16.
8. Российский статистический ежегодник. 2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2012.
9. Сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: <http://www.gks.ru>.

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПО ОСОБЕННОСТИЯМ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

П.С. Корчагина

Институт социально-экономического развития территорий РАН, г. Вологда

Последние десятилетия на передний план в решении научной проблемы сохранения здоровья и увеличения продолжительности жизни населения стал выходить термин «самосохранительное поведение», как понятие более широкое и всеобъемлющее, нежели «здоровый образ жизни». Он подразумевает самосохранение не только в биологическом, но и в психологическом и социальном смыслах, тем самым представляя собой как систему действий, так и отношений, направленных на сохранение и поддержание здоровья в течение жизни, а также на установку продления срока жизни (Антонов, 1998).

Обладая аналогичной для всех видов демографического поведения логикой построения структуры, самосохранительное поведение включает в себя такие ее элементы, как потребность в долголетии, самосохранительные установки (представления населения о состоянии своего здоровья; о том, как следует

поступать для здоровьесбережения), мотивы самосохранительного выбора и их реализацию в самосохранительных (или саморазрушительных) действиях (Калачикова, Корчагина, 2012). Представленность и разнообразие форм структурных элементов самосохранительного поведения населения были оценены с помощью социологического исследования, проведённого на территории Вологодской области в 2012 г.**

При характеристике особенностей самосохранительного поведения населения нами, главным образом, было учтено наличие установки на долголетие, поскольку самосохранительное поведение определяется целевыми установками, более всего проявляющихся в стремлении к долгой жизни.

В качестве действий, касающихся важных сторон самосохранения, нами были выделены следующие семь: физическая активность, питание, медицинская активность, вредные привычки, сексуальное поведение, стрессоустойчивость и режим труда и отдыха, которые, так же как и установка на долгую жизнь, выступили в нашем исследовании основными параметрами для типологизации населения по особенностям самосохранительного поведения.

Самосохранительные поведенческие практики по своим формам бывают саморазрушительные и собственно самосохранительные. Самосохранительные практики представляют собой активность, способствующую сохранению и улучшению состояния собственного здоровья. В свою очередь, саморазрушительные практики – это действия, негативно влияющие на здоровье, тем самым сокращающие продолжительность жизни населения.

В результате обобщения исследований ведущих специалистов в области здоровьесбережения (Журавлева, 2000; Иванова, 2006; Кащуркина, 2006; Назарова, 2007; Шилова, 1998) было определено, что для поддержания здоровья на достаточном уровне, для хорошего самочувствия, а также для продления срока жизни в среднем человеку необходимо придерживаться как минимум 5 практик самосохранительной (здоровьесбереагательной) активности, таких как ежедневная ходьба более 30 минут; занятие физической культурой и спортом не реже 2-х раз в неделю; ежедневная утренняя зарядка; соблюдение режима питания; выбор здоровьесберегающих форм преодоления стресса. Однако преобладающей доле населения региона характерно наличие двух и менее самосохранительных практик, что представляет собой средний уровень самосохранительной активности.

В то же время, для сохранения имеющего здоровья индивид должен свести к минимуму число саморазрушительных практик, присутствующих в повседневном образе жизни, таких как отсутствие дополнительной физической активности; употребление алкогольных напитков выше установленной ВОЗ нормы; курение; нарушение режима питания; отсутствие мер, направленных на соблюдение правил рационального питания; нарушенный режим труда и отдыха; ежедневный стресс; выбор здоровьесразрушающих форм преодоления стресса; наличие незащищенных сексуальных контактов. Согласно полученным ре-

** Исследование самосохранительного поведения проводилось с помощью массового раздаточного анкетирования населения. Объём выборочной совокупности составил 1500 человек; выборка квотная по полу и возрасту с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Ошибка выборки не превышает 3%. В представленной работе также были использованы данные ежегодного мониторинга физического здоровья населения Вологодской области, который осуществляется ИСЭРТ РАН с 2002 г. и имеет аналогичные характеристики.

зультатам проведенного исследования, в среднем у одного жителя региона присутствует две саморазрушительные практики.

Сочетание таких составляющих самосохранительного поведения, как *наличие установки на долголетие, число самосохранительных практик, число саморазрушительных практик*, позволило выделить следующие типы самосохранительного поведения населения:

– С активным самосохранительным поведением (15% населения региона) – которому соответствует наличие установки на долгую жизнь, одной и менее саморазрушительных практик, трех и более самосохранительных практик;

– С элементами самосохранительного поведения (49% населения региона) – которому соответствует наличие установки на долгую жизнь, двух и менее саморазрушительных практик, двух и менее самосохранительных практик;

– С пассивным самосохранительным поведением (36% населения региона) – которому соответствует наличие или отсутствие установки на долгую жизнь, присутствие трех и более саморазрушительных практик, двух и менее самосохранительных практик.

Следующим этапом исследования стал подробный описательный анализ полученных типов населения по характеру самосохранительной активности. Важным задачей стало установление, в какой мере каждой из групп присуща ценность здоровья, стремление к его поддержанию и самооценка его состояния.

Согласно полученным данным, иерархия ценностей для всех 3-х типов схожа и имеет следующее строение: на первом месте – семья (64%, 61 и 56); на втором – здоровье (17%, 19 и 15); на третьем – материальное благополучие (8%, 6 и 9). Однако среди населения, относящегося к группе с пассивным самосохранительным поведением, оказалась значительная доля затруднившихся в ответе при выборе основной ценности (17%, что в 2 раза больше, чем среди населения с активной самосохранительной позицией) (табл. 1).

Таблица 1
Распределение ответов на вопрос «Что для Вас является основной ценностью?»
внутри каждой группы по типу самосохранительного поведения (в %)

Вариант ответа	Активное ССП	С элементами ССП	Пассивное ССП
Семья	64,1	60,5	54,6
Материальное благополучие	8,2	6,2	9,2
Здоровье	16,9	19,2	15,3
Работа	2,6	2,5	3,6
Затрудняюсь ответить	8,2	11,6	17,2

При описании состояния собственного здоровья представителями выделенных групп доля оценивающих его как «очень хорошее» и «довольно хорошее» значительно больше среди населения с активным самосохранительным поведением, нежели среди населения с другими типами самосохранительного поведения (44% против 32% в обоих случаях) (табл. 2).

Таблица 2
Распределение ответов на вопрос
«Как Вы оцениваете состояние собственного здоровья в настоящее время?»
внутри каждой группы по типу самосохранительного поведения (в %)

Вариант ответа	Активное ССП	С элементами ССП	Пассивное ССП
Очень хорошее	6,7	3,1	2,1

Довольно хорошее	37,4	29,1	29,4
Удовлетворительное	52,3	58,2	55,5
Плохое	3,6	8,2	11,3
Очень плохое	0,0	1,2	0,6

При этом 11% респондентов с пассивным типом самосохранительного поведения оценивают свое здоровье как «плохое», что на 32% больше, чем среди населения с активным самосохранительным поведением. Т.е. население, имеющее установку на долгую жизнь и реализовывающее это стремление на практике, чувствует себя более здоровыми, нежели лица с пассивной формой здоровьесберегающей активности.

Подтверждением тому являются также полученные ответы на вопрос «Как, на Ваш взгляд, изменилось состояние Вашего здоровья за последний год?». Так, среди респондентов с активной самосохранительной позицией 13% отметили, что за последний год их здоровье улучшилось (в то время как в остальных группах эта доля в 3 раза меньше), 63% – считают, что их здоровье осталось таким же, и одна пятая часть считает, что ухудшилось (табл. 3). В двух других группах по типу самосохранительного поведения при приблизительно той же доле указавших, что их здоровье за последний год осталось таким же (62% и 60%), наблюдается больший удельный вес отметивших ухудшение физического состояния (25% и 30% против 20%).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как, на Ваш взгляд, изменилось состояние Вашего здоровья за последний год?»

внутри каждой группы по типу самосохранительного поведения (в %)

Вариант ответа	Активное ССП	С элементами ССП	Пассивное ССП
Улучшилось	12,8	5,3	4,0
Осталось таким же	62,6	61,9	59,9
Ухудшилось	20,0	25,4	29,8
Затрудняюсь ответить	4,6	7,4	6,3

Результаты исследования также показали, что населению с пассивным самосохранительным поведением менее присуща личная ответственность за свое здоровье (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Кого Вы считаете ответственным за Ваше здоровье?» внутри каждой группы по типу самосохранительного поведения (в % от численности группы с соответствующим типом ССП)

Вариант ответа	Активное ССП	С элементами ССП	Пассивное ССП
Считаю себя ответственным за свое здоровье	93,8	85,9	77,7
Медицинских работников	40,5	32,5	32,1
Семью, родственников	8,7	11,3	13,7
Государство	20,0	18,9	11,8
Работодателя	7,2	5,1	4,2
Затрудняюсь ответить	2,1	6,7	12,6

Среди населения, относящегося к пассивному типу самосохранительного поведения, 41% составляют лица, ничего не предпринимающие для сохранения и укрепления своего здоровья, что в 10 раз больше относительно первого типа

(с активным самосохранительным поаведением), в 2,5 раза больше относительно группы с элементами самосохранительного поведения (табл. 5). Т.е. в группах с активным самосохранительным поведением значительно выше доля населения, отметившая присутствие в их жизни практик здоровьесбережения.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Что Вы лично предпринимаете для сохранения и укрепления своего здоровья? »
внутри каждой группы по типу самосохранительного поведения (в %)

Вариант ответа	Активное ССП	С элементами ССП	Пассивное ССП
Активно занимаюсь физической культурой, закаливанием организма	34,9	11,0	5,5
Использую бытовые приборы для очистки питьевой воды, покупаю бутилированную воду, пользуюсь водой из специальных источников (родников, колодцев)	31,3	32,4	21,0
Контролирую свой вес	41,0	19,8	9,7
Не курю	71,3	53,9	20,6
Обращаюсь к врачу при первых признаках болезни, регулярно прохожу медицинский осмотр	25,1	27,4	19,3
По возможности оздоровляюсь в санатории, на курорте и т.п.	20,0	10,4	6,1
Посещаю баню, сауну	39,5	33,0	27,5
Соблюдаю умеренность в потреблении алкоголя	44,6	32,0	20,2
Стараюсь больше ходить пешком, совершаю прогулки в местах отдыха	43,6	24,9	14,3
Стараюсь контролировать свое психическое состояние	29,2	15,8	10,3
Стараюсь оптимально сочетать трудовые нагрузки и отдых	26,7	19,5	14,5
Стараюсь организовать свое свободное время с пользой для здоровья, саморазвития, самореализации	35,4	15,5	11,6
Ничего специально не предпринимаю	4,1	16,3	40,8
Другое	0,0	0,3	0,8

Ожидаемым результатом стал тот факт, что меньшая часть группы с низкой самосохранительной активностью считает свой образ жизни здоровым (табл. 6). Следовательно, можно предположить, что населению свойственна определенная рефлексия собственного поведения относительно того, направлено ли оно на сохранение имеющегося здоровья или нет.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос
«Можете ли Вы назвать свой образ жизни здоровым? »
внутри каждой группы по типу самосохранительного поведения (в %)

Вариант ответа	Активное ССП	С элементами ССП	Пассивное ССП
Да	24,1	10,5	5,5
Скорее да, чем нет	60,0	57,3	32,1
Скорее нет, чем да	9,2	17,3	38,2
Нет	0,5	4,2	11,8

Как показал анализ проведенной типологизации населения по степени выраженности самосохранительного поведения, целеполагание и наличие взгляда в будущее выступает одним из главных мотиваторов заботы о здоровье. Среди лиц с активным самосохранительным поведением в 2 раза больше доля заботящих о своем состоянии здоровья ради возможности иметь «крепкое» потомство, чем среди населения с пассивным типом поведения, в 3 раза – ради того, чтобы подавать пример своим родным и в 3 раза – ради достижения значимых целей в жизни (табл. 7). Доля же респондентов, отметивших в роли такого мотиватора избегание нежелательных последствий (такие как страх заболеть, нежелание сталкиваться с медициной и доставлять хлопоты близким), практически одинакова во всех группах.

Таблица 7

**Распределение ответов на вопрос
«Что побуждает Вас заботиться о своём здоровье?»**

внутри каждой группы по типу самосохранительного поведения (в %)

Вариант ответа	Активное ССП	С элементами ССП	Пассивное ССП
Желание иметь здоровое потомство	40,5	24,3	20,4
Желание повысить (сохранить) работоспособность	38,5	39,8	29,8
Нежелание доставлять хлопоты, быть обузой близким	35,9	40,9	30,5
Нежелание сталкиваться с медициной	30,3	28,8	27,1
Потребность в хорошем самочувствии	57,4	46,7	32,6
Страх заболеть	12,8	17,2	14,9
Стремление быть примером для своих детей, близких	31,8	19,5	9,9
Стремление достичь значимых целей в жизни (в работе, учебе)	26,7	12,2	8,2
Стремление к долголетию	28,2	22,0	10,7
Стремление хорошо выглядеть, нравиться	47,2	34,4	23,3
Ухудшение здоровья, болезнь	10,3	12,7	7,8
Не забочусь о своем здоровье	0,0	3,7	21,6
Другое	0,0	0,0	0,2

Подтверждением данного феномена также служит то, что при ответе на вопрос «Если Вы хотите прожить как можно дольше, то какие причины побуждают Вас к этому?» 77% населения с активным самосохранительным поведением отметили, что таковой служит желание испытать и увидеть в жизни как можно больше (табл. 8). Тогда как среди остальных групп данный показатель составил 61% и 64%. Параллельно этому треть представителей группы с пассивной формой здоровьесберегающей активности причиной такого стремления указывают желание оттянуть момент смерти, что в 1,5 раза больше, чем у населения с активной формой самосохранения.

Следовательно, население с активным самосохранительным поведением предпочтительно заботится о своем здоровье для достижения чего-то, а население с более низкой здоровьесберегательной активностью собственную заботу о здоровье объясняет целью предотвратить что-либо нежелательное. Можно предположить, что среди населения возникает существенная проблема в выстраивании и формулировании мотивации на ведение здорового образа.

Проведенный анализ позволил выделить группы населения с пассивным самосохранительным поведением, что в дальнейшем поможет разработать более адресные меры по совершенствованию модели здоровьесберегающего поведения. В свою очередь, выделенные группы населения с преобладающим активным самосохранительным поведением дают возможность обозначить социально-демографические характеристики, которые влияют на выбор подобной стратегии.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос «Если Вы хотите прожить как можно дольше, то какие из перечисленных причин побуждают Вас к этому?»
внутри каждой группы по типу самосохранительного поведения (в %)

Вариант ответа	Активное ССП	С элементами ССП	Пассивное ССП
Хочу испытать и увидеть в жизни как можно больше	76,9	60,5	63,5
Хочется оттянуть момент смерти	21,5	29,4	32,6
Не хочется расставаться со своими родными и близкими	60,0	63,3	51,6
Лучше жить болея, чем не жить вообще	6,2	4,6	8,5
Боюсь неизвестности после смерти	7,7	11,9	13,5
Надеюсь дожить до времени, когда медицина найдет средства от всех моих болезней	20,0	12,7	14,5

Как показали результаты исследования, для повышения самосохранительной активности у населения необходима разработка мероприятий по повышению мотивации к самосохранительному поведению и повышению образованности в сфере самосохранительной культуры.

Литература

1. Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов): Учебн. пособие для вузов. – М.: Издательский Дом «Nota Bene», 1998.
2. Иванова Л.Ю. Самосохранительное поведение и его гендерные особенности // Россия реформирующаяся. Ежегодник – 2005 / Отв. ред. Л.М.Дробижева. – М.: Институт социологии РАН, 2006. – С.110-133.
3. Калачикова О.Н., Корчагина П.С. Основные тенденции самосохранительного поведения населения региона // Проблемы развития территории. – 2012, № 5 (61). – С.72-82.
4. Журавлева И.В. Самосохранительное поведения подростков и заболевания, передающиеся половым путём // Социологические исследования. – 2000, № 5. – С.66-74.
5. Кашуркина С.С. Самосохранительное поведение детей и молодёжи как социальная проблема. – Казань: РИЦ «Школа», 2006.
6. Назарова И.Б. Здоровье занятого населения. – М.: МАКС Пресс, 2007.
7. Шилова Л.С. Стресс, здоровье и изменение самосохранительного поведения населения Москвы за годы реформ // Россия: риски и опасности «переходного» общества / Под ред. О.Н.Яницкого. – М., 1998. – С.161-191.

ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА БЮДЖЕТ ВРЕМЕНИ ЗАНЯТОГО И НЕРАБОТАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ*

А.И. Кузьмин, д.с.н.

Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург

Возрождение в России технологий и практик проведения исследований бюджетов времени населения заслуживает самого пристального внимания. На протяжении двух десятков лет, последовавших за августовской революцией 1991 г., интерес к теме бюджетов времени населения постепенно угасал, несмотря на буржуазный принцип жизни «время- деньги». Можно назвать лишь единицы исследователей в сфере экономической социологии, которые упорно продолжали исследование бюджетов времени, не ограничиваясь тайминговыми замерами работы персонала корпорации (*Патрушев, 2003; Патрушев 2005*).

Следует отметить, что изучение материальных (денежных) бюджетов семьи, бюджетов времени работающего и неработающего населения и бюджетов жизни на основе таблиц смертности и дожития представляют единую российскую научную традицию, которая была незаслуженно предана забвению на протяжении последних двух десятилетий. Казалось бы, рыночная экономика должна расширить поисковое поле бюджетных исследований на новом уровне. К сожалению, этого не произошло в силу неправильного понимания целей и эффективности бюджетных методов, как методов социального управления и прогнозирования. Попытки возродить программы изучения бюджетов времени населения на уровне обследования коллективных и приватных домохозяйств представляют собой уникальный шанс инновационного характера и отходят от узких методов тайминговых замеров деятельности производственного персонала. Возможности методов бюджетной статистики домохозяйств еще не раскрыты в должной степени в отечественной науке в силу ряда исторических причин, имевших место в нашей стране в послевоенный период.

Одна из наиболее удачных современных попыток возродить в России традиции обследования бюджетов времени домашних хозяйств была осуществлена Росстатом. Органы государственной статистики подготовили и предприняли pilotное выборочное обследование использования времени в декабре 2008 г. в 7 субъектах Российской Федерации (Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Нижегородская область, Новосибирская область, Ростовская область, Свердловская область). Целью проведения обследования являлся сбор данных об использовании времени различными социально-демографическими группами населения. Данные обследования представляют особый интерес для гендерного и демографического анализа и позволяют получить информацию о распределении оплачиваемого рабочего времени на

* Статья выполнена при поддержке гранта РНГФ №13-33-01028а1 «Социокультурные факторы и мотивы макетниковой миграции в приграничных районах России»

рынке труда между женщинами и мужчинами, о бюджетах работающего и не- работающего населения России. К сожалению, «глубинку России» – деревни менее 200 дворов – выборочное обследование охватить не смогло. В ходе обследования было сформулировано определение категории домашнего хозяйства с позиций целей и задач широкомасштабного статистического исследования.

По мнению создателей программы обследования, «домашнее хозяйство (домохозяйство) – представляет собой совокупность лиц, проживающих в одном жилом помещении или его части, как связанных, так и не связанных родством, совместно обеспечивающих себя всем необходимым для жизни, полностью или частично объединяя и расходуя свои средства» (*Итоги pilotного выборочного обследования..., 2010*). Домохозяйство может состоять из одного человека, живущего самостоятельно. Обследование впервые позволило эмпирически измерить различия в структуре суточного времени занятого и неработающего населения в различных возрастных группах (в условных часах и минутах по взвешенной шкале в расчете на члена домохозяйства). В целом распределение затрат на работу и непременные занятия оказались в духе русской статистической традиции и подходах времен академика С.Г.Струмилина.

При сравнении данных с советским периодом оказалось, что рабочее время опрошенных членов домохозяйств не прижалось к привычному интервалу 8-ми часового рабочего дня (если учесть основную и дополнительную занятость мужчин в городе и на селе) и составило в среднем только 6 часов в сутки. Как выяснилось позже, зафиксированные условные два часа разницы с советским периодом были связаны с феноменом незанятых в общественном производстве россиян и с безработицей. Несмотря на последнее обстоятельство, количество затрат на поиск работы мужчин и женщин оказалось в рабочей среде и среди служащих почти ничтожным и составило в суточном бюджете не более одной минуты условного времени в сутки. Это подтверждают цифры затрат на работу в группах занятого экономически активного населения. Но общие затраты на работу в этой группе составили всего шесть с половиной часов и то в сельской местности даже с учетом вторичной занятости мужчин. Таким образом, население стало работать меньше по сравнению с советскими временами, и уровень занятости по сравнению с ними резко снизился. Обращает на себя внимание низкая трудовая нагрузка опрошенных лиц – всего 4 часа в среднем. Даже у мужчин таковая не превысила пятичасового рубежа.

На личный уход в воскресный день у мужчин уходит уйма времени (включая прорыв уход, он равен по затратам времени 13 часам в сутки!) Нечто подобное мы находим потом у тридцатилетних неработающих женщин. Повышение квалификации и обучение у мужчин заняло в среднем около получаса времени, что является неплохим показателем роста качества населения. Приличными оказались и затраты на майтниковую миграцию и «перемещения» к месту работы – они превысили в суточном бюджете в среднем полтора часа (на работу, в том числе – до часа, и прочие перемещения (отвезти ребенка в ДОУ, к родителям и на учебу). Значительными оказались непременные затраты суточного времени, в том числе физиологического характера, прием пищи и на сон – около 9 часов. Затраты времени мужчин на ведение домашнего хозяйства у работающих мужчин достигали 6 часов. Потрясают затраты современного населения на уход за собой – более 10-11 часов. В итоге на свободное время осталось менее трех-четырех часов в

рабочие сутки. Попытки выделить статус предвыходного дня и незанятого населения оказались успешными и выявили усиление затрат рабочего времени перед завершением рабочей недели.

Значительно различается структура бюджета времени в домохозяйствах у работающих и неработающих по тем или иным причинам мужчин и женщин зрелого и преклонного возрастов (см. табл. 1-4). У женщин повышение трудовой нагрузки в предвыходной день выражено заметно меньше. Возрастная группа 30-44 года квалифицируется как «ядро рабочей силы», и бюджет времени в этой группе незанятого населения весьма знаменателен. Работающие мужчины в этой группе затрачивают на сон 7 час. 44 мин. в среднем, тогда как у неработающих бюджет сна заметно больше – 10 часов! На уход за собой они тратят еще больше – 13 час. 15 мин. (у работающих мужчин – 11 час. 10 мин.).

Таблица 1

Распределение суточного фонда времени работающих мужчин
в возрасте 15 лет и старше в будний день в зависимости от возраста

	Мужчины в возрасте						
	15-17 лет	18-24 лет	25-29 лет	30-44 лет	45-54 лет доцен- ты	55-59 лет про-фес-корса	60 лет и стар-ше
на члена домохозяйства, часов-минут							
Суточный фонд времени	24-00	24-00	24-00	24-00	24-00	24-00	24-00
в том числе:							
работа	0-01	7-42	8-52	8-26	8-10	9-21	8-12
основная работа	0-01	7-42	8-52	8-26	8-04	9-21	8-12
дополнительная работа	0-00	0-00	0-00	0-00	0-06	0-00	0-00
поиск работы	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00
ведение домашнего хозяйства	1-55	1-17	0-58	1-32	1-22	1-19	1-57
обучение	5-21	0-02	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00
учеба в учебном заведении	5-21	0-02	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00
занятия на профессиональных и прочих курсах	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00
свободное время	3-02	2-48	2-49	2-40	2-46	2-35	3-24
личный уход	11-25	10-04	9-45	10-09	10-13	9-25	8-39
сон	9-29	8-07	7-28	7-44	7-35	7-14	6-42
прием пищи	1-29	1-10	1-27	1-24	1-40	1-19	1-08
прочий личный уход	0-27	0-47	0-50	1-01	0-58	0-53	0-50
передвижения	2-15	2-02	1-32	1-02	1-16	1-10	1-07
связанные с работой	0-00	1-44	1-10	0-52	0-53	1-08	0-43
связанные с учебой	2-04	0-01	0-00	0-02	0-00	0-00	0-00
прочие передвижения	0-11	0-16	0-22	0-08	0-22	0-02	0-24
прочие затраты времени	0-00	0-06	0-05	0-11	0-13	0-10	0-40

Серьезную социально-экономическую дифференциацию вносит фактор возрастных различий – сказывается влияние качества рабочей силы и способности к труду в различных возрастных группах населения. Домашнее «раб-

ство» работающей женщины по-прежнему сильно выражено в суточном бюджете ее выходного дня.

Занятия домашним хозяйством приближаются к 6 часам в сутки, а сон остается в пределах 8-9 часов, тогда как у неработающих женщин затраты на сон в воскресенье не превышают 8 часов, а вот на уход за собой те и другие тратят 11-12 часов в сутки. Но и в выходной день женщина-работница продолжает отчасти трудиться и по основной работе тратит до полутора часов воскресного времени. Дольше всех спят в выходной день неработающие мужчины (во всех возрастных группах).

Таблица 2

Распределение суточного фонда времени работающих женщин
в возрасте 15 лет и старше в будний день в зависимости от возраста

	Женщины в возрасте						
	15-17 лет	18-24 лет	25-29 лет	30-44 лет Ядро р.с.	45-54 лет	55-59 лет	60 лет и старше
на члена домохозяйства, часов-минут							
Суточный фонд времени	24-00	24-00	24-00	24-00	24-00	24-00	24-00
в том числе:							
работа	3-17	6-30	6-47	6-57	7-05	5-53	7-50
основная работа	3-17	6-30	6-46	6-52	7-02	5-53	7-50
дополнительная работа	0-00	0-00	0-01	0-05	0-03	0-00	0-00
поиск работы	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00
ведение домашнего хозяйства	1-02	1-32	3-46	3-09	3-02	3-25	3-48
обучение	4-26	0-17	0-00	0-03	0-00	0-00	0-00
учеба в учебном заведении	4-26	0-17	0-00	0-01	0-00	0-00	0-00
занятия на проф. курсах	0-00	0-00	0-00	0-02	0-00	0-00	0-00
свободное время	3-26	3-11	1-40	2-17	2-13	2-44	2-07
личный уход	10-01	11-02	10-15	10-17	10-07	10-36	9-02
сон	6-55	8-20	8-11	7-59	7-50	8-22	7-33
прием пищи	1-36	1-23	1-12	1-29	1-21	1-03	0-47
прочий личный уход	1-30	1-28	0-51	0-59	0-56	1-11	0-41
передвижения	1-48	1-09	1-24	1-07	1-21	1-01	1-03
связанные с работой	0-48	0-55	1-00	0-47	1-03	0-45	0-51
связанные с учебой	0-44	0-00	0-04	0-00	0-01	0-00	0-00
прочие передвижения	0-16	0-14	0-20	0-20	0-17	0-16	0-12
прочие затраты времени	0-00	0-18	0-07	0-10	0-13	0-19	0-11

Но и на передвижения они в молодых возрастах тратят более 2 часов времени суточного бюджета, что является величиной значительной. Личный уход за собой занимает у них до 12 и более часов! Спят они очень долго – 9-10 часов. Зато на обучение тратят больше всех респондентов – до 4 часов в сутки, что выдает в них когорту учащихся различного профиля в возрастах до 25 лет, после чего затраты времени на обучение практически прекращаются.

В ходе обследования выяснилось, что неработающие женщины много времени – целую полновесную рабочую смену (8 часов и более) тратят на ведение домашнего хозяйства. При этом затраты на уход за собой достигают уже до 14-15 часов в сутки (учитывая строку «прочий личный уход»)! В целом были выяснены и серьезные различия в проведении свободного времени работающего и незанятого населения, что заслуживает отдельного рассмотрения. Обследование вскрыло и ряд недоработок программы исследования, в частности, из существующего вопросника исчезла статья затрат времени на воспитание детей мужчиной и женщиной в семье, которая была ранее.

Таблица 3
Распределение суточного фонда времени *неработающих* мужчин
в возрасте 15 лет и старше в зависимости от возраста

	Мужчины в возрасте						
	15-17 лет	18-24 лет	25-29 лет	30-44 лет	45-54 лет	55-59 лет	60 лет и старше
на члена домохозяйства, часов-минут							
Суточный фонд времени	24-00	24-00	24-00	24-00	24-00	24-00	24-00
работа	0-01	0-08	0-05	0-11	0-51	1-02	0-00
основная работа	0-01	0-08	0-04	0-07	0-50	1-02	0-00
дополнительная работа	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00
поиск работы	0-00	0-00	0-00	0-04	0-00	0-00	0-00
ведение домашнего хозяйства	0-32	1-09	4-28	3-48	4-10	5-06	4-29
обучение	4-54	4-03	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00
учеба	4-54	4-03	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00
занятия на курсах	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00
свободное время	5-15	4-50	7-01	6-49	6-23	6-01	6-05
личный уход	11-40	11-29	12-02	12-19	11-25	10-50	12-26
сон	9-06	9-14	9-24	10-02	8-58	8-32	9-36
прием пищи	1-41	1-41	1-32	1-21	1-42	1-22	1-40
прочий личный уход	0-54	0-35	1-05	0-56	0-45	0-56	1-09
передвижения	1-31	2-19	0-24	0-41	1-03	0-54	0-36
связанные с работой	0-04	0-03	0-12	0-03	0-02	0-01	0-00
связанные с учебой	0-58	1-08	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00
прочие передвижения	0-29	1-08	0-12	0-38	1-01	0-52	0-36
прочие затраты времени	0-07	0-01	0-00	0-12	0-08	0-08	0-24

Видны очень серьезные диспропорции в размерах свободного времени между работающими женщинами и мужчинами. Заметно это бросается в глаза

при просмотре телепередач и видеофильмов, в потреблении массовой информации, участии в спортивных играх и в отдыхе и даже в религиозной сфере. В наибольшей мере гендерные различия в проведении свободного времени мужчин и женщин наблюдаются в домохозяйствах национальных автономий и республик (например, в Республике Коми, попавшей в выборку обследования).

Выявленные различия и диспропорции в затратах суточного бюджета времени позволяют воспроизвести особенности повседневного поведения занятого и работающего населения различных половозрастных групп, что имеет большое значение и для изучения потребительского поведения и для социального прогнозирования в целом.

Таблица 4

Распределение суточного фонда времени *неработающих* женщин
в возрасте 15 лет и старше в зависимости от возраста

	Женщины в возрасте						
	15-17 лет	18-24 лет	25-29 лет	30-44 лет	45-54 лет	55-59 лет	60 лет и старше
на члена домохозяйства, часов-минут							
Суточный фонд времени	24-00	24-00	24-00	24-00	24-00	24-00	24-00
в том числе:							
рабочее время и время, связанное с работой	0-02	0-01	0-00	0-07	0-04	0-01	0-00
основная работа	0-02	0-01	0-00	0-07	0-04	0-01	0-00
дополнительная работа	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00
поиск работы	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00
ведение домашнего хозяйства	2-30	6-37	8-12	7-36	6-45	6-38	5-21
обучение	3-17	1-36	0-00	0-11	0-00	0-00	0-00
учеба в учебном заведении	3-17	1-36	0-00	0-11	0-00	0-00	0-00
занятия на профессиональных и прочих курсах	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00	0-00
свободное время	4-35	3-53	4-01	3-44	4-36	4-48	5-00
личный уход	12-40	10-27	10-58	11-09	11-27	11-43	12-51
сон	10-21	7-59	8-28	8-30	8-53	9-03	9-51
прием пищи	1-22	1-40	1-40	1-46	1-34	1-40	1-39
прочий личный уход	0-58	0-48	0-50	0-53	1-00	0-59	1-21
передвижения связанные с работой	0-51	1-13	0-24	1-06	0-59	0-36	0-29
связанные с учебой	0-06	0-00	0-00	0-18	0-00	0-01	0-02
прочие передвижения	0-22	0-22	0-00	0-02	0-00	0-00	0-00
прочие затраты времени	0-23	0-50	0-24	0-46	0-59	0-35	0-27
	0-04	0-13	0-25	0-08	0-09	0-14	0-19

После проведения Всероссийской переписи населения (ВПН) 2010 г. интерес к построению выборки частных и коллективных домашних хозяйств еще

более обострился в силу очевидного несоответствия старых исследовательских подходов к потребностям дня. К тому же в социальной структуре российского общества выделились категории фермеров, бездомных, неработающего и официально незанятого населения. Это обстоятельство потребовало, как минимум, кардинального изменения существовавшей территориально-отраслевой выборки домохозяйств или даже отказа от таковой. На порталах госзакупок появились извещения о конкурсах по корректировке методик исследования бюджетов времени, доходов и расходов семей и т.д. (*Конкурсная документация...*). Интересы лицензирования в сфере радиовещания и медиа-холдингов потребовали обоснований их деятельности с позиций учета давно забытых в практике социологических и статистических обследований структуры «свободного времени трудящихся» и групп населения, не относящихся к таковым.

Литература

1. Патрушев В.Д. Бюджет времени городского работающего населения США и России (1980-1990-е годы) // Социологические исследования. – 2003, №12. – С.32-39.
2. Патрушев В.Д. Динамика использования бюджетов времени городским и сельским населением // Социологические исследования. – 2005, №8. – С.46-50.
3. Итоги pilotного выборочного обследования использования (бюджета) времени населением. Апрель 2010 г. – URL: <http://userdocs.ru/ekonomika/37879/index.html?page=2> (17.10.2013).
4. Конкурсная документация. Открытый конкурс №16Н/2013 на право заключить Государственный контракт на выполнение научно-исследовательской работы по теме: Разработка методологических рекомендаций по совершенствованию плана и программы проведения выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств. – URL <http://www.zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (17.10.2013).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ СТАГНАЦИИ ЭКОНОМИКИ*

С.В. Мухачева

*Институт социально-экономического развития территории РАН, г. Вологда
Вологодский государственный технический университет*

В настоящее время в экономической и политической среде широко обсуждается проблема стагнации российской экономики (*Трегубова, 2013; Грозовский, 2013; Носкова, 2013; Куликов, 2013*) и пути стимулирования экономического роста. Правительство Российской Федерации разработало ряд мер, направленных на стимулирование экономического развития, которые разделены на пять блоков: финансирование инфраструктурных проектов из Фонда

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант РФФИ № 12-06-00379)

национального благосостояния; продление льгот по уплате страховых взносов для малых предприятий, повышение доступности средств развития малого и среднего бизнеса, его инвестиционной активности, в том числе с применением частно-государственного партнерства; повышение доступности банковского кредитования; улучшение общего делового климата и решение отраслевых проблем (*Заседание Правительства..., 2013*). Как видим из представленных данных, в основном предложения носят монетарный характер, властные структуры предлагают создание условий для развития бизнеса, повышения его конкурентоспособности. В то время как ранее, в докризисный период, рост экономики был обусловлен ростом потребления домохозяйств (*Рогов, 2013*).

Поэтому, в сложившихся условиях, на наш взгляд, предлагаемых мер недостаточно для преодоления стагнации экономики, необходимо воспользоваться методами Дж.М.Кейнса (*Кейнс, 2007*), сторонника активного вмешательства государства в экономику и увеличения государственных расходов, для увеличения совокупного спроса в экономике, что, в свою очередь приведет к оживлению экономических процессов, стимулированию занятости, а в дальнейшем и к снижению социально-экономического неравенства населения. Например, необходимо активное участие государства в создании и реализации инфраструктурных проектов, а также в развитии строительной отрасли для стимулирования занятости населения и повышения доходов домохозяйств.

Взаимосвязь экономического роста и неравенства населения по доходам была достаточно подробно рассмотрена Нобелевским лауреатом Сайманом Кузнецом (*Кузнец, 2008*). При экономическом росте повышается спрос на рабочую силу, что приводит к увеличению занятости и повышению уровня доходов населения. Однако экономическое развитие сначала увеличивает неравенство, а лишь затем уменьшает его.

Опираясь на статистические данные, можно говорить о том, что экономический рост лишь усугублял негативные тенденции социально-экономического неравенства населения страны. Поэтому проблема неравенства населения России на протяжении более чем 20 лет остается актуальной темой, а сама постановка вопроса довольно остра. Так, официальные статистические данные свидетельствуют о колебаниях коэффициента фондов, представляющего собой соотношение средних доходов 10% наиболее обеспеченного и 10% наиболее бедного населения, в интервале от 13,3 до 16,4 (табл. 1), в то время как рекомендуемая ООН норма составляет 8-10 единиц.

Таблица 1
Показатели неравенства населения в Российской Федерации
в 1992-2012 гг.

Показатели	Год									Прирост, в %
	1992	1995	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	
Коэффициент фондов, раз	8	13,5	13,9	15,2	16,6	16,6	16,6	16,2	16,4	в 2,05 раз
Индекс Джини (индекс концентрации доходов)	0,289	0,387	0,395	0,409	0,421	0,421	0,421	0,417	0,420	45

Источник: Официальный сайт Единой межведомственной информационно-статистической системы. – URL: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do>

Индекс Джини также свидетельствует о неуклонном увеличении социально-экономического неравенства населения России. В период с 1992 г. по 2012 г. данный показатель увеличился на 45% (табл. 1), что также говорит о все увеличивающемся неравенстве доходов населения. Таким образом, наблюдается тенденция постоянного роста показателей неравенства.

Эта тенденция является общероссийской и присутствует на территории практически всех экономических районов (табл. 2). Только в субъектах Восточно-Сибирского экономического района коэффициент фондов, по состоянию на 2012 г. снизился, однако это обусловлено тем, что в 1995 г. в указанной территории он был самым высоким в Российской Федерации.

Таблица 2

Показатели неравенства населения
по экономическим районам Российской Федерации в 1995-2012 гг. *

Территория	Год								Δ
	1995	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	
Коэффициент Джини									
г. Москва	0,611	0,595	0,561	0,512	0,514	0,505	0,503	0,489	-20,0
Тюменская область	0,428	0,455	0,456	0,465	0,456	0,446	0,444	0,445	4,0
г.Санкт-Петербург	0,414	0,341	0,432	0,432	0,441	0,446	0,442	0,442	6,8
Ненецкий АО	н.д.	0,412	0,443	0,470	0,446	0,447	0,442	0,442	7,3**
Самарская область	0,316	0,421	0,440	0,447	0,450	0,449	0,442	0,442	39,9
Ямало-Ненецкий АО	н.д.	0,433	0,435	0,447	0,435	0,434	0,432	0,436	0,7**
Республика Башкортостан	0,325	0,347	0,410	0,434	0,436	0,427	0,426	0,429	32,0
Свердловская область	0,324	0,352	0,413	0,434	0,433	0,432	0,425	0,429	32,4
Ханты-Мансийский АО – Югра	н.д.	0,436	0,432	0,439	0,426	0,427	0,425	0,429	-1,6**
Пермский край	0,345	0,393	0,424	0,434	0,432	0,431	0,426	0,428	24,1
Красноярский край	0,433	0,398	0,404	0,434	0,428	0,426	0,426	0,424	-2,1
Республика Татарстан	0,359	0,375	0,397	0,410	0,412	0,416	0,411	0,423	17,8
Республика Коми	0,313	0,402	0,429	0,431	0,424	0,423	0,420	0,421	34,5
Краснодарский край	0,385	0,395	0,390	0,417	0,413	0,415	0,417	0,418	8,6
Омская область	0,369	0,332	0,393	0,413	0,406	0,407	0,411	0,418	13,3
Московская область	0,308	0,321	0,369	0,416	0,408	0,410	0,414	0,417	35,4
Иркутская область	0,366	0,406	0,410	0,422	0,417	0,415	0,413	0,413	12,8
Магаданская область	0,316	0,337	0,388	0,404	0,407	0,408	0,406	0,413	30,7
...
Удмуртская Республика	0,238	0,300	0,331	0,362	0,368	0,374	0,372	0,378	58,8
Владимирская область	0,243	0,303	0,320	0,354	0,356	0,366	0,364	0,377	55,1
Камчатский край	0,321	0,343	0,365	0,376	0,380	0,374	0,376	0,377	17,4
Кировская область	0,257	0,293	0,330	0,372	0,369	0,366	0,362	0,377	46,7
Псковская область	0,287	0,308	0,345	0,377	0,374	0,375	0,370	0,377	31,4
Республика Ингушетия	0,231	0,316	0,340	0,346	0,350	0,359	0,371	0,376	62,8
Смоленская область	0,297	0,337	0,350	0,377	0,377	0,378	0,368	0,376	26,6
Вологодская об-	0,310	0,318	0,364	0,382	0,370	0,373	0,369	0,375	21,0

ласть									
Чувашская Республика	0,284	0,309	0,336	0,365	0,365	0,368	0,363	0,375	32,0
Алтайский край	0,343	0,360	0,373	0,382	0,362	0,363	0,368	0,374	9,0
Карачаево-Черкесская Республика	0,231	0,354	0,351	0,362	0,365	0,368	0,364	0,374	61,9
Республика Мордовия	0,235	0,345	0,341	0,370	0,370	0,374	0,367	0,374	59,1
Ивановская область	0,292	0,307	0,316	0,354	0,353	0,357	0,359	0,373	27,7
Республика Тыва	0,501	0,333	0,367	0,369	0,376	0,370	0,368	0,371	-25,9
Республика Карелия	0,284	0,316	0,349	0,363	0,363	0,361	0,358	0,370	30,3

Продолжение таблицы 2

Республика Алтай	0,297	0,338	0,328	0,360	0,344	0,374	0,369	0,369	24,2
Костромская об-ласть	0,358	0,329	0,353	0,366	0,362	0,365	0,361	0,368	2,8
Волгоградская об-ласть	0,274	0,337	0,376	0,363	0,368	0,365	0,361	0,367	33,9
Тверская область	0,301	0,314	0,334	0,351	0,350	0,357	0,352	0,366	21,6
Российская Федерация	0,387	0,395	0,409	0,421	0,421	0,421	0,417	0,420	8,5
Коэффициент фондов, раз									
г. Москва	38,6	46,3	37,1	30,9	30,8	28,3	27,3	27,9	-27,7
Тюменская область	17,5	21,5	21,6	23,2	21,5	20	19,7	19,8	13,1
Самарская область	7,9	16,5	19,1	20,2	20,6	20,5	19,4	19,5	146,8
г.Санкт-Петербург	15,8	9,4	18	17,9	19,2	20	19,4	19,4	22,8
Ненецкий АО	н.д.	15,5	19,5	23,9	20	20,1	19,3	19,4	25,2**
Ямало-Ненецкий АО	н.д.	18,1	18,4	20,2	18,4	18,2	18,1	18,6	2,8*
Республика Башкортостан	8,4	9,8	15,4	18,3	18,6	17,4	17,2	17,6	109,5
Свердловская об-ласть	8,4	10,1	15,7	18,3	18,2	18	17,2	17,6	109,5
Ханты-Мансийский АО – Югра	н.д.	18,6	17,9	18,9	17,2	17,3	17,1	17,5	-5,9*
Пермский край	9,7	13,6	17	18,2	18	17,8	17,3	17,4	79,4
Красноярский край	18,2	14,1	14,7	18,3	17,5	17,3	17,3	17	-6,6
Республика Татарстан	10,6	11,9	14	15,3	15,6	16	15,5	16,9	59,4
Республика Коми	7,8	14,5	17,5	17,8	17	16,9	16,5	16,7	114,1
Краснодарский край	12,8	13,7	13,2	16,1	15,7	15,9	16,1	16,3	27,3
Омская область	11,4	8,8	13,5	15,6	14,8	14,9	15,4	16,3	43,0
Московская область	7,5	8,2	11,4	16	15,1	15,4	15,8	16,2	116,0
Иркутская область	11,2	14,8	15,3	16,7	16,1	15,9	15,7	15,6	39,3
Магаданская об-ласть	7,9	9,1	13,1	14,6	15	15	14,9	15,6	97,5
...
Удмуртская Республика	4,7	7,1	8,8	10,8	11,3	11,8	11,7	12,2	159,6
Владимирская об-ласть	4,9	7,3	8,2	10,3	10,4	11,1	11,1	12,1	146,9
Камчатский край	8,2	9,5	11,1	12	12,4	11,9	12	12,1	47,6
Кировская область	5,3	6,8	8,7	11,6	11,4	11,2	10,9	12,1	128,3
Псковская область	6,5	7,5	9,7	12,1	11,8	11,9	11,5	12,1	86,2
Республика Ингушиетия	4,5	7,9	9,3	9,8	10	10,6	11,6	12	166,7
Смоленская область	7	9,2	10	12,1	12,1	12,2	11,3	12	71,4
Вологодская об-ласть	7,6	8	11	12,5	11,5	11,7	11,4	11,9	56,6
Республика Мордовия	4,6	9,7	9,4	11,5	11,5	11,8	11,3	11,9	158,7
Чувашская Республика	6,4	7,5	9,1	11,1	11,1	11,3	11	11,9	85,9
Алтайский край	9,5	10,7	11,8	12,5	10,9	11	11,3	11,8	24,2
Карачаево-Черкесская Республика	4,5	10,3	10,1	10,9	11,1	11,4	11	11,8	162,2

Окончание таблицы 2

Ивановская область	6,8	7,4	7,9	10,2	10,2	10,5	10,7	11,7	72,1
Республика Тыва	30,7	8,9	11,2	11,4	12	11,5	11,3	11,6	-62,2
Республика Карелия	6,4	7,9	10	10,9	10,9	10,8	10,6	11,5	79,7
Костромская об- ласть	10,6	8,7	10,2	11,2	10,8	11,1	10,8	11,4	7,5
Республика Алтай	7	9,2	8,6	10,7	9,6	11,9	11,5	11,4	62,9
Волгоградская об- ласть	6	9,2	12	10,9	11,3	11,1	10,8	11,3	88,3
Тверская область	7,1	7,8	8,9	10	10	10,5	10,2	11,2	57,7
Российская Федерация	13,5	13,9	15,2	16,6	16,6	16,6	16,2	16,4	21,5

*Примечание: без учета Калининградской области и Чеченской республики

** 2012 г. к 2000 г.

Источник: Официальный сайт Единой межведомственной информационно-статистической системы. – URL: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do>

Как видим из представленных данных (табл. 3), в Республике Коми и Вологодской области в период с 2009 по 2011 гг. также присутствовала устойчивая тенденция снижения показателей неравенства населения (как коэффициента фондов, так и индекса Джини). Если в 2009 и 2010 гг. на снижение неравенства оказал влияние мировой экономический кризис и такие его последствия, как снижение цен на мировых сырьевых рынках: древесины, металла и др., то по итогам 2012 г. наименьшие показатели достигнуты в Вологодской области, однако и они превышают рекомендуемые нормы. Поэтому считаем целесообразным рассмотреть социальное самочувствие граждан Вологодской области в связи с сохранением тенденции неравенства населения.

Таблица 3

Показатели неравенства населения Северного экономического района
в 1995-2012 гг. *

Территория	Год								Δ
	1995	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	
Коэффициент Джини									
Республика Коми	0,313	0,402	0,429	0,431	0,424	0,423	0,420	0,421	34,5
Мурманская обл.	0,307	0,371	0,377	0,397	0,398	0,394	0,390	0,393	28,0
Архангельская обл.	0,280	0,326	0,369	0,383	0,387	0,384	0,381	0,388	38,6
Вологодская обл.	0,310	0,318	0,364	0,382	0,370	0,373	0,369	0,375	21,0
Республика Карелия	0,284	0,316	0,349	0,363	0,363	0,361	0,358	0,370	30,3
Коэффициент фондов, раз									
Республика Коми	7,8	14,5	17,5	17,8	17	16,9	16,5	16,7	в 2,1
Мурманская обл.	7,5	11,6	12,1	14	14	13,6	13,2	13,6	81,3
Архангельская обл.	6,2	8,5	11,4	12,6	13	12,7	12,5	13,1	в 2,1
Республика Карелия	6,4	7,9	10	10,9	10,9	10,8	10,6	11,5	79,7
Вологодская обл.	6	9,2	12	10,9	11,3	11,1	10,8	11,3	88,3

* Примечание: без учета Ненецкого АО

Источник: Официальный сайт Единой межведомственной информационно-статистической системы. – URL: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do>

Такая высокая степень неравенства населения неблагоприятно сказывается на социально-психологическом состоянии общества, повышается социальная и межэтническая напряженность, а также ухудшается общая ситуация в экономике, что незамедлительно сказывается на социальной и демографической ситуации территории.

В Вологодской области **субъективные оценки благосостояния в целом ухудшаются**. С одной стороны, доля оценивших свое материальное положение как «очень хорошее» в 2008 г. составило 2,6% от числа опрошенных, в 2010 г. – лишь 0,9%, в 2013 г. – 1,1%. Доля респондентов, посчитавших уровень собственного благосостояния как «хорошее» снизилась с 21,7% в 2008 г. до 12,4% в 2013 г. Одновременно с этим постепенно увеличивается доля группы «среднего» благосостояния с 57,7% до 60,1%; «плохого» с 16,2 до 23,3% и «очень плохого» с 1,1 до 3% (табл. 4).

Таблица 4

Субъективные оценки населением Вологодской области
благосостояния домохозяйств в 2008-2013 гг., в % от числа опрошенных

Уровень благосостояния	Год			Δ
	2008	2010	2013	
Очень хорошее	2,6	0,9	1,1	-57,7
Хорошее	21,7	15,5	12,4	-42,9
Среднее	57,7	53,3	60,1	4,2
Плохое	16,2	26,7	23,3	43,8
Очень плохое	1,1	3,3	3,0	в 2,7 р.

Примечание: данные за 2007 и 2011 гг. отсутствуют ввиду отсутствия вопроса в анкете

Источник: данные социологических опросов ИСЭРТ РАН 2007-2013 гг., на основе 1500 опрошенных жителей Вологодской области, ошибка выборки оставила не более 4%

Таким образом, в 2010 г. на субъективные оценки благосостояния домохозяйств повлиял мировой финансовый кризис, негативно сказавшийся на мировой конъюнктуре сырьевых рынков. Вместе с тем, за последние 5 лет (с 2008 по 2013 гг.) снизилась доля респондентов, оценивающих свое благосостояние как «очень хорошее», «хорошее»; незначительно увеличилась для населения, оценившая свое материальное положение как «среднее». Однако значительно увеличилась доля называвших свое положение как «плохое» и «очень плохое».

Ввиду увеличения количества респондентов, оценивших свое благосостояние как «плохое» и «очень плохое», значительно **увеличились доли людей, относящих себя к «нищим», «бедным»** (табл. 5). Наблюдается сокращение численности следующих социальных слоев: «богатые» с 1,9% в 2007 г. до 0,2% в 2013 г. и «среднего класса» с 52,9% до 51,0% в 2007 и 2013 гг., соответственно.

Таблица 5

Самоидентификация населения Вологодской области
с определенным социальным слоем в 2007-2013 гг., в % от числа опрошенных

Социальный слой	Год					Δ
	2007	2008	2010	2011	2013	
Богатым	1,9	1,8	0,6	0,9	0,2	-89,5
Людям среднего достатка	52,9	54,2	51,0	41,8	50,1	-5,3
Бедным	30,0	30,3	37,0	38,3	33,3	11,0
Нищим	3,4	1,9	11,4	6,5	н.д.	91,2*
Затрудняюсь ответить	11,5	11,5	0,6	12,2	16,4	42,6

* 2011 г. к 2007 г.

Источник: Данные социологических опросов ИСЭРТ РАН 2007-2013 гг., на основе 1500 опрошенных жителей Вологодской области, ошибка выборки оставила не более 4%

В 2011 и 2013 гг. значительно увеличилось по сравнению с 2010 г. число «затруднившихся ответить», что может свидетельствовать о нежелании людей, работающих в бюджетной сфере и занимающихся социально значимой деятельностью, в силу своей профессии причислить себя к «бедным» и «нищим» социальным слоям. Среди положительных моментов можно назвать сохранение «лидирующих» позиций среднего класса.

Если обратиться к **структуре населения по оценке собственных доходов** в период с 2000 по 2013 гг.* (табл. 6), то можно говорить о том, что группа малообеспеченных составляет более 50% респондентов и имеет тенденцию к увеличению. Следующая по численности – группа бедных (23,7%). Однако прослеживается тенденция постепенного снижения данной группы, а также доли «нищих» (с 15,9% в 2000 г. до 3,8% в 2013 г.), что, несомненно, является положительной тенденцией. В указанный период увеличилась группа «обеспеченных» более чем на 10% (с 4,1% до 14,5%). Доля богатых практически не изменилась.

Таблица 6
Структура населения по оценке собственных доходов в 2000-2013 гг.,
в % от числа опрошенных

Группы населения	Год										Δ
	2000	2001	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2013	
Нищие	15,9	14,0	6,3	4,3	3,8	3,4	6,1	5,1	3,5	3,8	-76,1
Бедные	46,4	43,8	34,7	34,4	31,1	13,6	34,3	30,3	28,8	23,7	-48,9
Мало-обеспеченные	31,2	32,0	46,7	47,9	50,1	62,7	52,2	51,6	53,2	56,5	81,1
Обеспеченные	4,1	6,0	8,6	9,4	10,9	17,5	6,3	11,1	11,7	14,5	в 3,5 р.
Богатые	1,4	2,1	1,4	1,6	2,3	2,1	1,1	1,7	2,1	1,2	-14,3

Источник: Данные социологических опросов ИСЭРТ РАН 2000-2013 гг., на основе 1500 опрошенных жителей Вологодской области, ошибка выборки оставила не более 4%

Таким образом, представленные данные свидетельствуют об увеличении неравенства населения, как в целом по стране, так и в Вологодской области, снижении уровня благосостояния и увеличении доли малообеспеченных. В дальнейшем, при сохранении негативных тенденций, это может привести к:

- повышению уровня преступности и протестных настроений;
- повышению социальной и межнациональной напряженности (о чем свидетельствуют погромы в Бирюлево и в других городах);
- снижению уровня и качества жизни отдельных категорий населения;
- снижению социальной сплоченности общества.

Можно заключить, что субъективные оценки благосостояния населения ухудшаются на фоне сохранения тенденции увеличения социально-

* Структура сформировалась при ответе на вопрос: «Какая из оценок наиболее точно характеризует Ваши денежные доходы?». Респонденты, указавшие при ответе на вопрос, что «Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги», были причислены к категории «нищие»; ответившие «Денег хватает только на приобретение продуктов питания» – «бедные», отметившие, что «Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом» – «малообеспеченные», «Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна» – «обеспеченные», а «богатыми» являются те, кто отметил, что «Денег вполне достаточно, чтобы ни в чём себе не отказывать».

экономического неравенства. Для замедления и дальнейшей ликвидации негативных явлений необходим устойчивый экономический рост, что, в свою очередь, предполагает увеличение государственных расходов в сфере строительства и инфраструктуры, стимулирование занятости населения как фактора увеличения доходов.

Литература

1. ВШЭ предупредила о длительной стагнации в российской экономике // LENTA.RU. – URL: <http://lenta.ru/news/2013/07/16/stagnation>.
2. Грозовский Б. Ловушка стагнации: сколько лет потеряет российская экономика // Forbes.ru. – URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/krizis/243187-lovushka-stagnatsii-skolko-let-poteryaet-rossiiskaya-ekonomika>.
3. Заседание Правительства (2013 год, №25) от 25 июля 2013 года (стенограмма). Официальный сайт Правительства Российской Федерации. – URL: <http://government.ru/meetings/3340/stenogram>.
4. Кузнец С. Экономический рост и неравенство доходов // Пространственная экономика. – 2008, №3. – С.96-126.
5. Куликов С. Экономика России катится к стагнации // Независимая газета. – URL: http://www.ng.ru/economics/2012-11-01/4_stagnacia.html.
6. Носкова Е. РФ теряет инвестиции из-за слабой экономики // Российская газета. – URL: <http://www.rg.ru/2013/08/23/ivesticia-site.html>.
7. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. – М.: Эксмо, 2007.
8. Рогов К. Два пути экономики – новая модель роста либо долгосрочная стагнация. – URL: <http://2020strategy.ru/news/32632953.html>.
9. Трегубова Е. Стагнация или рецессия? Что происходит с российской экономикой // Аргументы и факты. – URL: <http://www.aif.ru/money/45908>.

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА: ОБЗОР ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ*

Н.Ю. Журавлев

ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

Одним из значимых факторов, оказывающих влияние на развитие региона, является качество его человеческих ресурсов. В российской практике в процессе оценки качественных характеристик населения применялись такие понятия, как трудовые ресурсы, рабочая сила. По сути своей, они представляют собой экономически активное население. Однако данные показатели не могут в полной мере отразить качество человеческих ресурсов региона, поскольку оценивают лишь население, непосредственно занятое в трудовой деятельности. Показателем, раскрывающим не только текущее состояние, но и возможные перспективы, является *трудовой потенциал*. Коренное отличие состоит в том,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Коми, проект №12-12-11001 «Влияние миграции на этнодемографические структуры и занятость населения в национальных регионах (на примере Республики Коми)»

что в данном случае анализируется не только действующая структура хозяйствующей системы, но и характеристики, которые лишь могут быть реализованы. На настоящий момент нельзя говорить о единой трактовке значения термина.

Наиболее полным и обобщающим, на наш взгляд, является определение трудового потенциала, данное Усачевым В.И: «Современный трудовой потенциал – это развитая в данном обществе совокупность демографических, социально-экономических и духовных характеристик и качеств трудоактивного населения, которые реализованы или могут быть реализованы в условиях достигнутого уровня развития производительных сил, научно-технического прогресса, системы отношений, связанных с участием человека в процессе труда по созданию материальных ценностей и общественной деятельности (Усачев, 2008, с.13).

В качестве объекта исследования трудового потенциала могут выступать отдельный работник, предприятие, отрасль, регион, страна и общество в целом. Поскольку нас интересует трудовой потенциал региона, обозначим данную категорию, как совокупную способность и возможность его населения, обладающего определенными качественными и количественными характеристиками, заниматься трудовой целесообразной деятельностью (как в общественном производстве, так и вне его) при определенном уровне развития производительных сил и производственных отношений (Валитова, 2001, с.21). В своей работе мы будем руководствоваться данным определением.

Анализ трудового потенциала позволяет определить варианты экономического развития, провести комплексную оценку состояния рабочей силы. На настоящий момент существует не так много комплексных исследований, затрагивающих проблемы формирования и оценки трудового потенциала региона. Основная часть посвящена методологическим вопросам и не содержит информации о практике оценки трудового потенциала региона. Кроме того, зачастую исследователи ограничиваются анализом количественных показателей, что, в свою очередь, не всегда позволяет объективно отобразить качественные характеристики.

В работах, затрагивающих данную тему, как правило, используются один и тот же набор методов и инструментов. Оценка практики проведения подобного рода исследований предоставляет возможность выявить общие методологические тенденции в данном направлении.

При оценке трудового потенциала региона его специфические особенности во многом определяют качество и количество трудового потенциала, вследствие чего анализ социально-экономических, географических и демографических показателей является обязательным.

В процессе исследования условий формирования и оценки трудового потенциала региона Аммосов И.Н. анализирует влияние на него ее экономико-географических и экономико-демографических особенностей (Аммосов, 2006, с.39-63). Сюда входят климатические условия, запасы природных ресурсов, доминирующие сферы экономики ее отраслевая структура, специфика биологических ресурсов и др.

Набор показателей, характеризующих социально-экономические и демографические особенности объекта исследования, как правило, постоянен. В качестве примера можно привести показатели, описываемые в работе Аммосова

И.Н. Данная информация непосредственно используется в одной из методик расчета трудового потенциала региона. В их число вошли: демографический фактор (показатели рождаемости, смертности, младенческая смертность, ожидаемая продолжительность жизни, первичная заболеваемость населения, затраты на здравоохранение); организационно-экономический фактор (затраты на управление, затраты на образование, численность занятых в сфере науки и научного обслуживания, численность лиц, занятых в экономике и имеющих высшее образование, численность студентов вузов); социальный фактор (преступность, затраты на правоохранительную деятельность, средний размер заработной платы, средний размер назначеннной пенсии, прожиточный минимум, численность безработных, официально зарегистрированных в службе занятости, количество самоубийств, затраты на социальную политику); количество трудового потенциала (трудовые ресурсы, численность занятых в экономике, потери рабочего времени от простоев, забастовок и от нетрудоспособности) (*Аммосов, 2006, с.64-78*). Данная совокупность показателей встречается в работах Валитовой А.А. (*Валитова, 2001 с.65*), Прохоровой Н.В (*Прохорова, 2004, с.49-67, с.102-113*). Данные показатели использовались ходе исследования трудового потенциала Вологодской области (*Ильин, 2004, с.27*).

В рамках исследования Валитовой А.А. была предпринята попытка измерить трудовой потенциал Самарской области методом, предложенным Либановой Э. и Палий Е. (*Либанова, 1990, с.10-15*).

Согласно данному методу, величина трудового потенциала определяется следующими компонентами: численностью трудоспособного населения; желанием трудоспособного населения принимать участие в общественном производстве; возможностью реализовать это желание.

В рамках исследования автор учитывал влияние на трудовой потенциал трех факторов, используя следующую формулу (*Валитова, 2001, с.43*):

$$ТП = \sum \Psi_i k_i a_i + \sum \Psi'_i k'_i a'_i$$

где ТП – величина трудового потенциала;

Ψ_i , Ψ'_i - численность, соответственно. мужчин и женщин i -го возраста;

k_i , k'_i – уровень трудовой активности, соответственно. мужчин и женщин i -возраста;

a_i , a'_i – коэффициент потенциальных возможностей, соответственно, мужчин и женщин i -возраста.

В качестве первого компонента данного соотношения выступает численность населения соответствующего пола и возрастной группы.

Второй компонент – уровень трудовой активности отдельных групп населения. Уровень трудовой активности рассчитывается как отношение численности экономически активного населения к общей численности населения. Для удобства автор в расчетах использует коэффициент экономически активного населения, который соответствует процентному соотношению численности экономически активного населения и общей численности населения.

Третьим компонентом является коэффициент потенциальных возможностей трудовой деятельности. В связи со сложностью определения функцио-

нальных характеристик трудовой деятельности в качестве коэффициента потенциальных возможностей Валитовой А.А. (*Валитова, 2001, с.43-58*) взят коэффициент производительности труда. Для учета влияния на трудовой потенциал уровня сложности труда в расчет были приняты индексы численности населения Самарской области, имеющего высшее и среднее профессиональное образование.

Этим же методом пользуется в своем исследовании Аммосов И.Н. (*Аммосов, 2006, с.87-90*), однако при определении третьего компонента не принимает во внимание фактор образования.

В качестве показателя, косвенно характеризующего уровень развития трудового потенциала региона, многие авторы используют индекс развития человеческого потенциала.

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) зависит от трёх следующих показателей: индекс ожидаемой продолжительности жизни; индекс образования (учитывается средневзвешенная величина двух индексов – уровня грамотности (2/3) и доли учащихся в возрасте до 24 лет (1/3); индекс дохода (ВРП на душу населения в долларах США по паритету покупательной способности).

ИРЧП является средним геометрическим этих трёх индексов (*Валитова, 2001, с.86*):

$$I = \frac{(D_{\text{факт}} - D_{\min})}{D_{\max} - D_{\min}}$$

где I – индекс единого вида;

$D_{\text{факт}}$ – фактическое значение показателя;

D_{\min} – минимальное значение показателя;

D_{\max} – максимальное значение показателя.

Данный метод применяли в своих исследованиях Валитова А.А. (*Валитова, 2001, с.86*), Аммосов А.А. (*Аммосов, 2006, с.79-80*). В монографии Ильина В.А. данный метод рассматривался как один из важных показателей для укрупненных макроэкономических оценок (*Ильин, 2004, с.17-18*).

При оценке ИРЧП авторы приводят сравнительную динамику его регионального показателя и показателя по стране.

Широко используется метод экспертных оценок. При анализе трудового потенциала региона исследователи сталкиваются с проблемой определения качественных характеристик. Отображение в неких количественных показателях не всегда отвечает требованиям и целям исследования, поэтому необходимо прибегать к помощи экспертов.

В своей работе Аммосов И.Н. проанализировал такой аспект как качество образования через экспертный опрос работодателей и руководителей учебных заведений в целях оценки состояния трудоустройства и профориентационной работы, подготовки кадров (*Аммосов, 2006, с.80-84*), а также определения значимости факторов, оказывающих влияние на качество трудового потенциала (*Аммосов, 2006, с.99-100*).

Прохорова Н.В. использовала метод экспертных оценок для определения значимости каждого параметра факторов, влияющих на трудовой потенциал

региона (в данном случае это демографический, организационно-экономический, социальный факторы) (*Прохорова, 2004, с. 80-120*).

Валитова А.А. экспертным путем установила численность экономически активного населения Самарской области в процессе прогнозирования трудового потенциала (*Валитова, 2001, с.128*).

Важным средством исследования взаимосвязи между различными явлениями являются математико-статистические методы. Корреляционно-регрессивный анализ выступает как способ проникновения в сущность изучаемых процессов, раскрытия причинности и закономерностей формирования трудового потенциала региона.

Если парный корреляционно-регрессивный анализ может рассматриваться как частный случай отражения связи между зависимой переменной с одной стороны и одной из множества независимых с другой, то такие модели характеризуют весь рассматриваемый комплекс взаимосвязей независимых переменных с результативным признаком.

Существуют взаимосвязи в виде статистических закономерностей. Статистические закономерности выражают причинные и иные связи, присущие данной области социально экономических явлений и процессов.

Проведение анализа парных связей способствует выявлению относительного воздействия на уровень трудового потенциала различных факторов.

Аммосов И.Н. выделил 8 укрупненных групп факторов и провел статистический анализ их парных связей с показателем трудового потенциала. Факторы-аргументы объединены в следующие группы: здоровье, нравственность, творчество и активность, организованность, образование, ресурсы рабочего времени, демография. Проверка тесноты связей между зависимой и независимыми переменными на основе расчета парных коэффициентов корреляции позволила выявить наиболее существенные факторы-аргументы в каждой группе.

Для многомерной характеристики всего множества факторов, которые обуславливают тот или иной количественный уровень трудового потенциала, был применен один из методов математической статистики – построение многофакторных регрессионных моделей. Для исследования трудового потенциала Республики Саха (Якутия) использован путь построения моделей в форме линейных уравнений множественной регрессии. Была построена матрица коэффициентов корреляции многофакторной модели.

С целью определения значимости факторов, оказывающих влияние на качество трудового потенциала региона, был проведен экспертный опрос. Эксперты должны были определить по 10-балльной шкале влияние различных факторов, являющихся компонентами трудового потенциала (*Аммосов, 2006, с.92-100*).

Подобную методику с применением математико-статистического аппарата использовала в своем исследовании Валитова А.А. (*Валитова, 2001, с.108-122*).

Особого внимания заслуживает концепция качественных характеристик населения, подробно раскрытая в работе «Трудовой потенциал региона: состояние и развитие» (*Ильин, 2004, с.21-26*). Данная методика использовалась при оценке трудового потенциала Вологодской области.

Согласно данной концепции, разработанной Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН, в основе методологических подходов к изучению качественных характеристик населения (КХН) находятся следующие фундаментальные компоненты:

- здоровье (психическое, физическое, социальное);
- профессионально-образовательные способности людей, образующие их интеллектуальный потенциал;
- культурно-нравственные ценности и духовность граждан, их социокультурная активность.

Перенеся структуру компонентов КХН на трудоспособное население, можно говорить о качестве трудового потенциала. Система компонентов представлена в виде дерева свойств. Вершина – более общее свойство, нижние ветви – более частные свойства.

Наиболее общее свойство – социальная дееспособность – совокупность свойств, определяющая результативность трудовой деятельности в определенных социальных условиях.

Социальная дееспособность – интегральный показатель качества трудового потенциала (рабочей силы).

Качества первого уровня: физическое здоровье; психическое здоровье; образовательно-квалификационный потенциал; креативность (творческие способности); коммуникабельность; культурный уровень; нравственность; социальные притязания.

Свойства 2-4 уровня интегративны, их измерение возможно только на основе вышеуказанных первичных элементов.

Качества второго уровня: психофизиологический потенциал (физическое + психическое здоровье); интеллектуальный потенциал (образование + креативность); коммуникативный потенциал (коммуникабельность + культурный уровень); социальная активность (нравственность + соц. притязания).

Качества третьего уровня: энергетический потенциал или функциональные возможности работника (психофизиологический + интеллектуальный потенциалы); социально-психологический потенциал или способность человека воздействовать на социальные условия своей деятельности (коммуникативный потенциал + социальная активность).

Качеством четвертого уровня является социальная дееспособность – энергетический + социально-психологический потенциалы.

Для получения информации была разработана специальная анкета, где определенные вопросы помогали раскрыть тот или иной компонент трудового потенциала.

Для оценки первичных свойств индивидов использовалась шкала Лайктерта. Шкала построена таким образом, что даже при минимальном значении признака имеется остаточное свойство – хост. Индекс качества по этой шкале рассчитывается следующим образом:

$$J_i = \frac{\sum x_i}{\sum max}$$

Таким образом, частный индекс по шкале – это отношение фактического числа баллов к максимально возможному.

В исследовании также применено исчисление среднего геометрического, с помощью математических формул которого производится исчисление индексов последующих уровней.

В совокупности, можно обозначить следующие методы, применимые для анализа трудового потенциала региона:

– анализ социально-экономических, географических, демографических показателей, оказывающих влияние на трудовой потенциал исследуемого объекта. Данные метод, позволяет обозначить условия формирования трудового потенциала. Он является необходимым при анализе трудового потенциала региона, страны или общества и в меньшей степени – индивида и предприятия;

– метод Либановой Э. и Палий Е. Он позволяет оценить трудовой потенциал, основываясь на демографических показателях, характеризующих население исследуемого региона. Существует возможность исследовать трудовой потенциал отдельной возрастной группы. Однако в связи со спецификой определения коэффициента потенциальных возможностей, как коэффициента производительности труда, данный метод в большей степени ориентирован на количественную величину трудового потенциала;

– вычисление индекса развития человеческого потенциала является общепринятым макроэкономическим показателем, но вместе с тем характеризует трудовой потенциал лишь косвенным образом;

– метод экспертных оценок. Данный метод применим для определения величины влияния того или иного фактора на значение трудового потенциала. Кроме того, в некоторых случаях экспертная оценка является единственной возможностью точно определить значение показателя (например, в случае с определением коэффициента потенциальных возможностей);

– математико-статистические методы. Математико-статистические методы – важное средство исследования взаимосвязей между различными явлениями; корреляционно-регрессивный анализ выступает как способ проникновения в сущность изучаемых процессов, раскрытия причинности и закономерностей формирования трудового потенциала региона. Данная группа методов позволяет с большой точностью определить значение показателя в формировании трудового потенциала, однако отличается большой трудоемкостью и применима не ко всем показателям, характеризующим трудовой потенциал с качественной стороны;

– применение компонентов концепции качественных характеристик населения. По мнению авторов, существует возможность применять данную методику на любом уровне иерархии (индивидуальном, уровне предприятия или территории). Данная методика позволяет получить более точную и детальную информацию о структуре трудового потенциала региона, однако проведение подобного рода исследования является достаточно трудоемким.

Поскольку такой показатель, как трудовой потенциал региона, характеризует совокупность характеристик, как правило, исследователи используют комплекс методов для анализа и оценки с целью получения более полной информации о его состоянии.

Проблемы регионов являются объектом повышенного внимания федеральных органов власти. В условиях преобразования социально-экономической системы создаются предпосылки для дальнейшего увеличения дифференциации регионов.

Знание реального состояния трудового потенциала региона позволит руководителям объективно оценивать возможности в области использования трудовых ресурсов, целенаправленно управлять их характеристиками.

Литература

1. Аммосов И.Н. Условия формирования и оценка трудового потенциала как фактор социально-экономического развития региона (на примере Республики Саха (Якутия)). – Якутск, 2006.
2. Валитова А.А. Методические вопросы оценки трудового потенциала региона: на материалах Самарской области. – Самара, 2001.
3. Егоров В.Д. Трудовой потенциал: формирование и использование в условиях рыночной экономики. – М., 2004.
4. Ильин В.А, Гулин К.А., Леонидова Г.В., Давыдова В.В. Трудовой потенциал региона: состояние и развитие. – Вологда: ВНКНЦ ЦЭМИ РАН, 2004.
5. Колосова Р.П. Трудовой потенциал промышленности. – М.: МГУ, 1987.
6. Либанова Э., Палий Е. Трудовой потенциал: проблемы статистической оценки // Вестник статистики. – 1990. №3. – С.10-15
7. Приоритеты социально-экономического развития регионов: вопросы теории, методологии, практики / Колл. авторов под рук. А.И.Татаркина. – Екатеринбург, 2000.
8. Прохорова Н.В. Совершенствование управления региональными социально-экономическими комплексами на основе оценки трудового потенциала (на примере Алтайского края). – Барнаул, 2004.
9. Усачев В.И. Трудовой потенциал пореформенной России: социально-демографические аспекты. – М.: Экон-Информ, 2008.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ: ОСОБЕННОСТИ И ДИНАМИКА*

М.А. Терентьева
ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

В настоящее время в мировой экономике наблюдаются тенденции переориентации экономики от сырьевого к человеческому потенциалу. Опыт стран показывает, что в наиболее благоприятной экономической ситуации оказываются те страны, в которых на протяжении длительного времени реализуется политика, направленная на сбережение, активное формирование и использование человеческого потенциала. Россия, стремящаяся к успешному экономическому развитию, также заинтересована в том, чтобы иметь население, способное успешно решать экономические, социальные и иные задачи.

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Согласование интересов государства, регионов и корпоративного менеджмента по формированию и использованию трудового потенциала северных территорий» (№ 12-03-00287)

Эксперты оценивают имеющиеся у России ресурсы по степени эффективности реализации их в национальной экономике следующим образом: природные – на 25%, человеческие – на 15%, финансовые – на 10%, интеллектуальные – на 3,3%. Ресурсный потенциал страны, уровень его освоения – на 18%. Если сравнить с другими странами, то, например, в США он составляет 76%, в ЕС – 78%, в Японии – 88% (*Якунин и др., 2008, с.5-7*). Для того чтобы преодолеть такое отставание России, необходимо развивать качественные характеристики населения. Одной из важнейших качественных характеристик является уровень образования населения.

Анализ связи работы занятого населения Республики Коми с полученной профессией свидетельствует, что многие работники с высокой образовательной подготовкой вынуждены работать не по полученной профессии. По оценкам обследований населения по проблемам занятости за 2012 г. (табл. 1), к работникам, занимающим рабочие места, которые не соответствуют их профессиям, в Коми можно отнести 55,0% руководителей всех уровней, 34,0% специалистов высшего уровня, 44,0% специалистов среднего уровня квалификации (*Основные итоги ..., 2013, с.19-20*).

Таблица 1
Связь работы занятого населения с полученной профессией, %

	Работают по полученной профессии		
	всего	мужчины	женщины
Всего	44,0	46,0	42,0
Руководители всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий	45,0	44,0	46,0
Специалисты высшего уровня квалификации	66,0	64,0	66,0
Специалисты среднего уровня квалификации	56,0	35,0	64,0
Служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	31,0	68,0	29,0
Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности	31,0	19,0	34,0
Квалифицированные рабочие сельского, лесного, охотничьего хозяйства, рыбоводства и рыболовства	5,0	9,0	1,0
Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр, художественных промыслов и другие	54,0	56,0	46,0
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин, слесари-сборщики	51,0	57,0	23,0
Неквалифицированные рабочие	2,0	2,0	2,0

Источник: 5, с.19-20

В результате значительная часть трудового потенциала региона недоиспользуется. Это говорит о нарушенном взаимодействии между подготовкой кадров и рынком труда, а, значит, образовательная система республики, направленная в основном на самообеспечение кадрами, пока остается автономной. На наш взгляд, автономность, прежде всего, касается системы высшего профессионального образования, работа которой осуществляется по внутренним основаниям и по внутренней организации ввиду ее негибкости и инерционности. Все это наблюдается на фоне того, что в структуре инвестиций сектора государственных и социальных услуг Севера за 2005-2010 гг. существенно уменьшился удельный вес инвестиций в такие социально важные отрасли, как

образование, здравоохранение и др. (*Гаджиев и др., 2012, с.86-99*). Результаты анализа подтверждают общую тенденцию по России, заключающуюся в «нечелевом инвестировании» в образование, когда, получив образование, работники трудятся затем не по специальности (*Капельюшников, Лукьянова, 2010, с.42-52*).

Рассмотрим, какая в Республике Коми ситуация по уровню образования населения в целом. Статистика показывает, что процесс самообеспечения кадрами в количественном аспекте в регионе растет. Так, за последние 10 лет в Коми увеличилось число негосударственных учреждений высшего профессионального образования, а численность обучающихся в них выросла в два раза. Возросла также численность студентов-заочников, среди которых большая часть – это студенты, обучающиеся с полным возмещением затрат. За 1990-2011 гг. число студентов-заочников выросло в Коми в 5,2 раза, в том числе за 2000-2011 гг. – в 1,6 раза.

Большинство (59,0%) поступивших в 2011 г. в вузы республики окончили средние общеобразовательные учреждения, из них две трети – это выпускники 2011 г. Начальное профессиональное образование имели 9,0% принятых, среднее профессиональное – 23,0%, степень бакалавра и высшее профессиональное образование – 8,0% поступивших. На учебу в негосударственные вузы республики в 2011 г. был принят 501 человек (на 3,0% больше, чем годом ранее), в том числе на очные отделения – 36, заочные – 465 человек. Более половины (55,0%) поступивших окончили средние общеобразовательные учреждения (в том числе 43,0% – выпускники 2011 г.). Среднее профессиональное образование имели 29%, начальное профессиональное – 8,0%, уже имели высшее профессиональное образование – 4,0% поступивших (*Республика Коми. Итоги 2012, 2013, с.27-32*).

Данные переписи населения 2010 г. также показывают, что в экономику республики продолжают влияться работники с более высокой формальной подготовкой (табл. 2), большая часть которых – это лица, получившие заочное высшее профессиональное образование.

Таблица 2
Уровень образования населения Республики Коми, человек

Годы	На 1000 человек в возрасте 10 лет и более, указавших уровень образования, имели профессиональное образование			
	послевузовское	высшее ¹⁾	незаконченное высшее	среднее
1959	...	20	9	66
1970	...	31	8	88
1979	...	56	10	145
1989	...	80	11	193
2002	2	113	22	288
2010	5	170	33	327

¹⁾ Включая послевузовское образование с 1959-1989 гг.

Источник: 9, с.62-63

Данные табл. 2 показывают, что за последние 50 лет уровень образования населения Республики Коми вырос в разы. При этом максимальные темпы прироста высшего (80,6%) и среднего профессионального образования (64,8%) наблюдались в 1970-1979 гг. Минимальные темпы прироста по высшему профессиональному образованию (41,3%, что в два раза меньше по сравнению с максимальными темпами) были в Коми в 1989-2002 гг. Возможно это связано с

масштабным оттоком специалистов с высшим профессиональным образованием в другие регионы в этот период. По среднему профессиональному образованию минимальные темпы прироста наблюдались в 2002-2010 гг. (13,5% – меньше максимальных темпов прироста в 4,8 раза). Причина данной тенденции кроется либо в сворачивании системы среднего профессионального образования, либо в переходе к непрерывному образованию, когда, окончив техникум, люди предпочитают дальше повышать уровень образования, поступая в высшие учебные заведения, а не идут работать на производство.

В образовательной структуре населения республики в последнее десятилетие произошли заметные сдвиги (табл. 3). Среди населения в возрасте 15 лет и старше увеличилась доля населения с высшим образованием (с 23,9% до 34,3%) и практически в два раза уменьшилась доля населения с начальным профессиональным образованием (с 32,5% в 2002 г. до 16,3% в 2010 г.). Т.е. спрос на высшее образование в Коми продолжает устойчиво расти, а на начальное профессиональное он, наоборот, падает (*Материалы официального сайта Всероссийской переписи населения 2010*).

Таблица 3

Распределение населения Республики Коми
по уровню профессионального образования в 2002 и 2010 гг.,
в % к населению в возрасте 15 лет и старше

Уровень образования	Все население		Мужчины		Женщины	
	2002	2010	2002	2010	2002	2010
Городское и сельское население						
Послевузовское	0,3	0,9	0,2	0,4	0,1	0,5
Высшее	23,9	34,3	10,6	14,6	13,3	19,8
Неполное высшее	4,6	6,8	2,2	3,3	2,4	3,5
Среднее	62,5	66,3	28,6	31,2	33,9	35,1
Начальное	32,6	16,2	19,9	10,0	12,7	6,2
Городское население						
Послевузовское	0,4	0,1	0,2	0,5	0,2	0,6
Высшее	27,8	39,2	12,7	17,2	15,1	22,0
Неполное высшее	5,5	7,9	2,7	3,9	2,8	4,0
Среднее	67,6	68,6	31,9	33,2	35,7	35,4
Начальное	29,0	14,0	17,3	8,5	11,7	5,5
Сельское население						
Послевузовское	0,1	0,3	0,0	0,1	0,1	0,2
Высшее	11,9	17,9	4,4	6,4	7,5	11,5
Неполное высшее	2,1	3,0	0,9	1,2	1,2	1,8
Среднее	46,8	59,2	19,0	25,0	27,8	34,2
Начальное	43,1	23,5	27,2	14,6	15,9	8,9

Источник: 9, с.62-63

Среди женщин процесс улучшения образовательной структуры в 2002-2010 гг. шел значительно активнее, чем среди мужчин. Так, если в 2002 г. женщины опережали мужчин по доле лиц с высшим образованием на 2,7 процентных пункта (13,3 против 10,6%), то к 2010 г. гендерный разрыв вырос до 5,2 п.п. Хотя уровень образования среди женщин традиционно выше, чем у мужчин, женщины чаще не используют полученное высокое образование в своей трудовой деятельности в полной мере. Очевидно, дальнейшее увеличение гендерного разрыва во многом связано с общим повышением степени формальной образовательной подготовки занятого населения республики.

Образовательная структура населения, безусловно, зависит от типа поселения. В 2010 г. среди городских жителей республики доля имеющих высшее образование в 2,2 раза, а среднее профессиональное образование – в 1,2 раза выше, чем среди сельских. И напротив, основная масса населения с низким профессиональным образованием концентрируется на селе. Это может усилить в сельской местности процессы перехода застойной безработицы в стадию экономической неактивности (*Попова, Терентьева, 2012, с.154*), поскольку среди лиц с более низким образованием безработица выше.

Не менее значительно образовательная структура республики различается в зависимости от разных возрастных когорт (табл. 4). С возрастом доля лиц с послевузовским, высшим и незаконченным высшим профессиональным образованием постепенно увеличивается. Крайние возрастные группы лиц со средним профессиональным образованием – самая младшая 20-29 лет и самая старшая 65-72 года – остаются почти неизменными. Пик приходится на группу 40-49 лет, далее происходит постепенное снижение лиц со средним профессиональным образованием. Доля лиц с начальным профессиональным образованием с увеличением возраста сокращается в три раза. Пик приходится на группу 20-29 лет, как и у лиц с незаконченным профессиональным образованием, поскольку в дальнейшем они повышают свой уровень образования.

Таблица 4

Распределение возрастных групп по уровню профессионального образования в Республике Коми, 2010, в %

Группы по возрасту (лет)	Профессиональное образование				
	Послевузовское	Высшее	Незаконченное высшее	Среднее	Начальное
20-29	0,9	24,6	8,9	33,2	10,2
30-39	1,0	29,2	3,7	37,2	8,1
40-49	0,5	22,1	1,6	47,7	9,8
50-59	0,5	22,8	1,0	45,9	8,0
60-64	0,7	29,2	1,0	42,5	4,9
65-72	1,1	34,1	1,3	33,7	3,0

Источник: 9, с.62-63

Анализ уровня образования населения республики по возрастным группам подтверждает тот факт, что у лиц с более высоким образованием вероятность дожить до пожилого возраста выше. Это приводит к тому, что с определенного момента их доля увеличивается по мере увеличения возраста. Этот факт подтверждается многолетними исследованиями, проводимыми ранее (*Капелюшников, Лукьянова, 2010, с.18-19*).

У занятого населения Республики Коми темпы улучшения образовательной структуры были почти такими же, как у населения республики в целом (табл. 5). По данным переписей 2002 и 2010 гг., в 2010 г. обладателями высшего и среднего профессионального образования являлись 65,3% работников (среди городских жителей почти 68,5%, среди сельских жителей около 52,5%). При этом с рынка труда начинают исчезать работники с начальным профессиональным образованием: уменьшение доли за 2002-2010 гг. в два раза. В результате существует вероятность, что в будущем республика столкнется с дефицитом квалифицированных рабочих, что может стать толчком к более интенсивной миграции такой рабочей силы из других регионов.

Таблица 5

Занятое население по уровням профессионального образования, %

Год	Послевузовское	Высшее	Незаконченное высшее	Среднее	Начальное
2002	0,3	17,2	2,5	40,1	18,1
2010	0,7	24,8	3,8	40,5	8,9

Источник: 6

Оценки, характеризующие образовательную структуру занятости по различным видам экономической деятельности, представлены в табл. 6. Эти данные основаны на результатах выборочных обследований. Из них следует, что в 2011 г. к числу наиболее образовательноемких отраслей экономики республики можно отнести финансы, государственное управление, образование, сферу услуг, связанную с недвижимым имуществом и арендой. В том же 2011 г. противоположная сторона представлена сельским и лесным хозяйством, где высшее образование есть лишь у 11,0% работающих. Максимальной долей занятых в 2011 г. со средним профессиональным образованием располагает здравоохранение, с начальным профессиональным – добыча полезных ископаемых; производство и распределение электроэнергии, газа и воды; транспорт и связь; строительство; гостиницы и рестораны.

Таблица 6

Распределение доли занятых в экономике по видам экономической деятельности и уровню образования в 2004-2011 гг., %

Виды экономической деятельности	Профессиональное образование					
	Высшее, послевузовское		Среднее		Начальное	
	2004	2011	2004	2011	2004	2011
Всего	19,0	24,0	30,0	22,0	22,0	33,0
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	8,0	11,0	26,0	12,0	18,0	37,0
Добыча полезных ископаемых	20,0	25,0	20,0	17,0	25,0	43,0
Обрабатывающие производства	10,0	19,0	33,0	19,0	22,0	41,0
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	9,0	16,0	36,0	21,0	24,0	42,0
Строительство	22,0	22,0	19,0	14,0	28,0	41,0
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	7,0	15,0	42,0	26,0	21,0	33,0
Гостиницы и рестораны	...	15,0	45,0	16,0	38,0	41,0
Транспорт и связь	17,0	19,0	27,0	18,0	27,0	42,0
Финансовая деятельность	79,0	64,0	...	23,0	6,0	9,0
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	34,0	32,0	26,0	17,0	20,0	34,0
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное страхование	20,0	40,0	30,0	18,0	19,0	28,0
Образование	38,0	36,0	36,0	27,0	13,0	22,0
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	11,0	18,0	41,0	44,0	24,0	21,0
Предоставление прочих коммуналь-	15,0	20,0	40,0	29,0	9,0	26,0

ных, социальных и др. услуг						
-----------------------------	--	--	--	--	--	--

Источники: 3, с.15-16; 4, с.15-16

Анализ темпов прироста занятых по уровню профессионального образования показал, что среди занятых с высшим образованием наибольшие темпы прироста наблюдаются в оптовой и розничной торговле (114,3%) (табл. 7). Далее идут государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное управление – 100,0% и обрабатывающие производства – 90,0%. Значительный прирост лиц с высшим профессиональным образованием наблюдается в производстве и распределение электроэнергии, газа и воды (77,8%). Примечательно, что заметный приток наблюдается в здравоохранении и предоставлении социальных услуг (63,6%), что связано с активным развитием медицины в условиях модернизации здравоохранения. Отрицательные темпы прироста наблюдаются в таких видах экономической деятельности как образование (-5,3), операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (-5,9%) и финансовой деятельности (-19,0).

Таблица 7

Темпы прироста доли занятых в экономике по видам экономической деятельности и уровню образования за 2004-2011 гг., %

Виды экономической деятельности	Профессиональное образование		
	Высшее, послевузовское	Среднее	Начальное
Всего	26,3	-26,7	50,0
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	37,5	-53,8	105,6
Добыча полезных ископаемых	25,0	-15,0	72,0
Обрабатывающие производства	90,0	-42,4	86,4
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	77,8	-41,7	75,0
Строительство	0,0	-26,3	46,4
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	114,3	-38,1	57,1
Гостиницы и рестораны	...	-64,4	7,9
Транспорт и связь	11,8	-33,3	55,6
Финансовая деятельность	-19,0	...	50,0
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	-5,9	-34,6	70,0
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное страхование	100,0	-40,0	47,4
Образование	-5,3	-25,0	69,2
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	63,6	7,3	-12,5
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	33,3	-27,5	188,9

Источники: 3, с.15-16; 4, с.15-16

Темпы прироста занятых со средним профессиональным образованием за 2004-2011 гг. показывают, что положительные темпы были лишь в здравоохранении и предоставлении социальных услуг. В остальных видах экономической деятельности наблюдались отрицательные темпы прироста. Самое зна-

чительное сокращение доли работников со средним профессиональным образованием произошло в сфере обслуживания гостиниц и ресторанов (64,4%).

В сельском, лесном хозяйстве и охоте темпы прироста доли занятых со средним профессиональным образованием также отрицательны (-53,8%), но в то же время в этой отрасли наблюдается заметный приток доли лиц с начальным профессиональным образованием (105,6%). Кроме того, прирост рабочей силы с начальным профессиональным образованием наблюдается в предоставлении прочих коммунальных, социальных и персональных услуг (188,9%) и в обрабатывающих производствах (86,4%).

Таким образом, образовательная структура населения Республики Коми характеризуется следующими особенностями:

- в экономику республики продолжают влияться работники с более высокой формальной образовательной подготовкой;
- трудовой потенциал распределяется неравномерно по различным социально-демографическим группам: по уровню профессионального образования мужчины проигрывают женщинам, сельские жители – городским;
- многие работники с высокой образовательной подготовкой вынуждены работать не по полученной профессии, в результате чего трудовые компетенции, приобретенные в процессе получения профессионального образования, становятся неактуальными, и, соответственно, трудовой потенциал работников не реализуется в полной мере;
- наиболее образовательноемкими отраслями в экономике, как по России в целом, так и в Республике Коми, являются финансы, государственное управление, образование и наука, сфера услуг, связанная с недвижимым имуществом и арендой. Противоположная сторона представлена сельским, лесным хозяйством и охотой;
- значительная часть трудового потенциала недоиспользуется, что свидетельствует о нарушенном взаимодействии между системой подготовки рабочих кадров и рынком труда, а, значит, образовательная система республики, направленная в основном на самообеспечение кадрами, пока остается автономной, т.е. ее работа осуществляется по внутренним основаниям ввиду ее негибкости и инерционности;
- негибкость системы профессионального образования может стать причиной отставания в развитии региональной социально-экономической системы в целом, которое уже сейчас проявляется в дисбалансе спроса и предложения на рынке труда.

Литература

1. Гаджиев Ю.А., Акопов В.И., Крестовских Т.С. Экономика северных регионов России: инвестиции в основной капитал // Проблемы прогнозирования. – 2012, № 5. – С.86-99.
2. Капелюшников Р.И. Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения»). – М., 2010.
3. Обследование населения по проблемам занятости за 2004 год / Статистический бюллетень, Сыктывкар, 2005.
4. Обследование населения по проблемам занятости за 2011 год / Статистический бюллетень, Сыктывкар, 2012.

5. Основные итоги обследования населения по проблемам занятости в Республике Коми за 2012 год. / Статистический бюллетень, Сыктывкар, 2013.
6. Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2010. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (15.07.2013).
7. Попова Л.А., Терентьева М.А. Актуальные вопросы развития трудового потенциала Республики Коми // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012, № 6(24). – С.146-154.
8. Республика Коми. Итоги 2012. / Статистический бюллетень, Ч. II, Сыктывкар, 2013.
9. Состояние в браке, образование. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Республика Коми. Том 2: стат.сб./Комистат - Сыктывкар, 2012. – С. 62-63.
10. Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э, Нетесова М.С. Образование как фактор экономического развития. – М., 2008.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ*

Л.А. Попова, д.э.н., Е.Н. Зорина
ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

Постарение населения является одной из глобальных проблем современности. В России оно имеет свои особенности. Однако успехи последних лет в повышении продолжительности жизни населения приближают российскую модель постарения к характерной для развитых стран. В зоне Севера, благодаря многолетней истории миграционного характера формирования населения, к 1989 г. сложилась заметно более молодая возрастная структура: процент пенсионных возрастов во всех северных территориях был существенно меньше, чем в среднем по стране. Если население России в целом уже по данным 2002 г. однозначно превысило порог старости, то возрастная структура населения северных регионов, кроме Карелии и Архангельской области, и сейчас позволяет не относить его к старым (Попова, Зорина, 2013). Однако масштабный миграционный отток уже третью десятилетие способствует повышенным темпам постарения пока еще более молодого населения российского Севера, которые наблюдаются в условиях специфической отраслевой структуры экономики северных регионов и природно-климатического дискомфорта для проживания, что актуализирует исследования экономических и социальных последствий демографического старения северных регионов.

Последствия постарения чаще всего рассматривают в контексте повышения экономической нагрузки на трудоспособное население. Однако, несмотря на то, что за последние полвека удельный вес населения старше трудоспособного возраста увеличился в России более чем два раза (с 10,2% в 1959 г. до 22,2% в 2010 г.), количественные характеристики трудовых ресурсов в России

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Коми, проект № 12-13-11003 «Экономические и социальные аспекты демографического старения населения в северном регионе (на примере Республики Коми)»

пока одни из лучших в мире и за всю историю страны. По данным переписи 2010 г., 61,6% населения относится к трудоспособному возрасту (*Всероссийская перепись населения 2010*), являющемуся основой экономически активного населения. В северных регионах (за исключением Карелии и Тывы) процент трудоспособного населения еще больше. Поэтому повышение темпов постарения населения в экономическом плане пока не представляет собой столь серьезной угрозы, как это традиционно принято считать, и, тем более, в условиях взятого курса на модернизацию экономики, неразрывно связанную с необходимостью роста производительности труда.

Более важное значение, на наш взгляд, имеют социальные аспекты постарения населения. Особенno для нашей страны, характеризующейся не очень высоким уровнем жизни населения. Мировые исследования по проблемам демографического старения сосредоточены, прежде всего, на направлениях улучшения жизни пожилых людей, и исследования, посвященные вопросам постарения российского населения, также должны концентрироваться на этом направлении. Данная статья посвящена исследованию социального самочувствия пожилых людей.

С этой целью в 2013 г. нами было проведено социологическое обследование «Проблемы третьего возраста», охватившее все муниципальные образования Республики Коми. Всего было опрошено 932 человека в возрасте 55 лет и старше. В целом выборка оказалась достаточно удачной, сильного рассогласования массива опрошенных с генеральной совокупностью населения Республики Коми старше 55 лет нет, поэтому результаты обследования можно считать вполне репрезентативными.

Обследование в целом продемонстрировало весьма оптимистичный настрой у населения старшего возраста. Практически по всем группам вопросов преобладали средние или позитивные ответы. Даже в субъективной оценке уровня своих доходов, вопреки сложившимся стереотипам, что пенсионеры живут в крайней нищете и все время жалуются на нехватку средств, преобладает вариант «денег достаточно для приобретения необходимых продуктов, одежды» (54,4%). Еще 11,3% пожилых людей отметили, что доходы позволяют им ни в чем себе не отказывать. Негативные ответы дали 31,0% респондентов: 26,3% опрошенных отметили, что денег хватает только на покупку продуктов питания, а 4,7% – что их не хватает даже на продукты питания. В варианте «другое», в который вписали свои ответы 3,2% опрошенных, преобладают ответы ближе к вариантам «денег хватает только на покупку продуктов питания» (с комментарием, что их хватает еще и на коммуналку или на лекарства) и «денег не хватает даже на продукты питания». Таким образом, около 12% опрошенных лиц пожилого возраста оценивают уровень доходов, как достаточный. Около 55% – как приемлемый («денег достаточно для приобретения необходимых продуктов, одежды»). В то же время более трети пенсионеров (33,6%) оценивают свои доходы на уровне физиологического существования: только на продукты питания, и то еле-еле.

Безусловно, высокий процент позитивных оценок уровня доходов связан с тем, что уровень потребностей у пожилых людей, как правило, ниже, чем у молодежи, а у современных российских пенсионеров, прошедших через «лихие 90-е», сформировался вообще очень скромный уровень потребностей. Но во многом это связано и с тем, что достаточно большая часть пенсионеров про-

должает свою трудовую деятельность. По оценкам специалистов, в России около 30% пенсионеров вынуждены работать, поскольку на одну пенсию не прожить. В регионах с льготным возрастом выхода на пенсию эта цифра выше. В частности, в Республике Коми доля работающих трудовых пенсионеров в общей численности пенсионеров по возрасту увеличилась с 30,9% в 2000 г. до 50,5% на конец 2012 г. (*Информационно-аналитический..., 2013, с.25*).

В нашем исследовании на вопрос «Работаете ли Вы в настоящее время?» положительно ответили более трети опрошенных (35,7%). При этом на вопрос о характере своей работы ответило даже чуть больше людей: 36,7% опрошенных. Большинство работающих в пенсионном возрасте работают полную трудовую неделю по прежнему месту работы: 62,6% работающих пенсионеров, что составляет 23,0% всех опрошенных. Еще 7,3% работающих пенсионеров (2,6% опрошенных) трудятся на прежнем месте в рамках частичной занятости. 15,8% работающих пожилых людей работают полную неделю на работе, куда обычно может устроиться пенсионер (вахтер, сторож, уборщица, гардеробщица и пр.), еще 5,3% – на такой работе на часть ставки. 2,6% обследованных работающих лиц старше 55 лет являются владельцами собственного бизнеса. 6,5% работающих пенсионеров ответили, что заняты на дому, подрабатывают время от времени, работают вахтовым способом, занимаются сетевым маркетингом, но некоторые из них работают и по прежней профессии в другой организации: как на полную ставку, так и на часть. Таким образом, практически 70% работающих трудовых пенсионеров (более четверти всех опрошенных) работают на своих прежних рабочих местах.

64,3% опрошенных ответили, что не работают. На вопрос же о причинах незанятости ответили только 90% из числа неработающих пенсионеров. Очевидно, для остальных 10% неработающих пожилых людей этот вопрос (он был задан в открытой форме с предложением опрашиваемому самому сформулировать ответ) не представляется актуальным (например, из-за возраста). Подавляющее большинство ответивших на этот вопрос сослались на возраст и на здоровье (84,4%, что составляет 48,7% всех опрошенных). При этом только треть сославшихся на возраст написали, что он не позволяет им работать, две трети отметили свое право на пенсию. На все остальные ответы приходится чуть больше 15% ответов. Около половины их них в той или иной форме отметили нехватку рабочих мест. Такие ответы чаще встречаются в сельской местности. Там же чаще попадаются ссылки на очень низкую оплату труда, при которой пенсия вполне является альтернативой зарплате, и на большое количество работы по хозяйству, а также варианты ответов, которые можно трактовать как случаи дискриминации по возрасту в трудовой сфере («культурно попросили уйти с работы»; «в сельской местности нет свободных вакансий для лиц после 60 лет», «не берут из-за возраста»; «для стариков нет работы на селе», «нет работы на селе для пенсионера» «до города ездить далеко, а на селе не берут на работу из-за возраста», «ушла на пенсию по собственному желанию в 51 год, уступив место молодому специалисту» и пр.). Иными словами, дискриминация по возрасту в трудовой сфере, прежде всего, связана с нехваткой рабочих мест.

Информацию о наличии работы в пенсионном возрасте и ее характере предоставляют еще несколько вопросов обследования. На вопрос «А хотели бы Вы сейчас, будучи на пенсии, еще поработать?» (который был адресован всем

участникам опроса, соответственно, в нем был предусмотрен вариант ответа «я и так работаю») только 23,3% ответили, что работают (напомним, что на вопрос «Работаете ли Вы в настоящее время?» утвердительно ответили 35,7%). Очевидно, в качестве полноценной работы люди пенсионного возраста склонны оценивать только работу на полную ставку по прежнему месту. Всякая другая работа расценивается ими как временная и ситуативная, которую они не прочь поменять на другую. 24,5% опрошенных (половина из которых, заметим, работает) на вопрос «А хотели бы Вы сейчас, будучи на пенсии, еще поработать?» ответили утвердительно. Однако большинство опрошенных (52,2%) на данный вопрос ответили отрицательно, т.е. больше половины людей старше 55 лет считают, что уже заслужили право на отдых.

Следует отметить, что зарплата – не самый распространенный вид дополнительных доходов пенсионера. Всем пенсионерам положены те или иные льготы от государства. Однако в качестве дополнительных доходов льготы отметили только 38,1% опрошенных. Совершенно очевидно, что некоторые из государственных льгот не расцениваются пенсионерами в качестве дохода. Скорее всего, в этом вопросе оценивались только льготы на ЖКУ, которые ежемесячно поступают непосредственно на личный счет пенсионера. Зарплату в вопросе о дополнительных доходах отметили 33,9% респондентов. Еще 6,4% опрошенных в вопросе о дополнительных доходах отметили подработки время от времени. В совокупности (40,3%) это даже перекрывает количество работающих согласно вопросу о наличии работы (35,7%). И тем более эта цифра значительно больше процента тех, кто ответил «я и так работаю» (23,3%) в вопросе о наличии желания еще поработать. Это подтверждает тезис о том, что в качестве полноценной работы люди пенсионного возраста склонны оценивать только стабильную работу на полную ставку по прежнему месту. А всякую другую работу, даже несмотря на то, что она приносит доход, они расценивают не только как временную и ситуативную, которую они не прочь поменять на другую, но и как вынужденную: только ради приработка.

Самый распространенный вид досуга людей старшего возраста – это чтение, просмотр познавательных, новостных передач и т.д. (41,1% опрошенных). На втором месте просто просмотр телепередач (сериалов, развлекательных передач, ток-шоу и пр.)» (36,4%). Поскольку эти два варианта ответа, скорее всего, рассматривались участниками опроса как безальтернативные, можно предположить, что более трех четвертей людей старше 55 лет практически привязаны к телевизору. В целом свободное время пожилых людей больше связано с какой-нибудь физической деятельностью или отдыхом за телевизором, чем с творческой или интеллектуальной деятельностью. Неработающие пенсионеры в основном завязаны на семье и домашнем хозяйстве, в котором они весьма активны: более 40% работают не только по дому, но и на даче, в огороде. Вне дома в той или иной форме проявляют свою активность не более 15% неработающих пенсионеров.

Обследование показало, что старики не так одиноки, как принято считать. Около 35% опрошенных не просто активно поддерживают коммуникативные связи, что в пожилом возрасте очень ценно, а даже отдают предпочтение общению с родственниками и знакомыми, ухаживанию за внуками всем другим занятиям в свободное время. При этом 14,8% опрошенных пожилых людей оценили помочь детям в качестве дохода – очевидно, в этом случае идет

речь о достаточно систематической материальной поддержке со стороны младших родственников. Но все же большинство пожилых в той или иной степени испытывают чувство одиночества. На вопрос «Как часто Вы чувствуете себя одиноким?» 43,7% опрошенных ответили, что никогда не чувствуют себя одинокими. Но это не самый распространенный вариант: 44,8% респондентов отметили, что иногда испытывают это чувство. А одиннадцати процентам опрошенных одиночество, можно сказать, приносит страдания: 8,9% отметили, что часто испытывают одиночество, 2,4% отметили, что одиноки всегда. С возрастом чувство одиночества нарастает: в более глубоких возрастах пожилые люди, оставаясь без работы, теряя близких людей, меньше получают внимания от общества. Мужчины острее переживают одиночество: они в два раза чаще женщин отметили вариант, что всегда одиноки.

Еще большие страдания пожилым людям доставляет пренебрежительное отношение к ним. В обследовании был задан вопрос «Как, по-Вашему, в нашем обществе относятся к пожилым людям?». Некоторые респонденты в этом вопросе отметили по два варианта ответов, поэтому сумма больше 100%. Наиболее распространенный ответ «безразлично, с равнодушием» – его отметила почти половина опрошенных (48,1%). 28,0% респондентов отметили «старики никому не нужны». Еще 17,0% – «как к «отработанному материалу». И только 19,2% опрошенных считают, что в нашем обществе к пожилым людям относятся с уважением.

Более того, достаточно большое число пожилых людей лично сталкивались со случаями возрастной дискриминации. На вопрос «Случалось ли так, что из-за возраста с Вами несправедливо обошлись?» 28,7% опрошенных ответили утвердительно. Еще 35,2% ответили «Не припомню». Во многих случаях это может свидетельствовать лишь о сомнении, трактовать ли тот или иной случай несправедливого обращения с ними как дискриминацию именно по возрасту, а не по какому-нибудь другому признаку. И только 35,8% опрошенных твердо ответили, что такого не было.

Целый ряд вопросов обследования был посвящен здоровью и физической активности пожилых людей. Респондентам было предложено оценить по девятибалльной шкале уровень своего физического здоровья и психологического самочувствия (чем лучше, тем выше балл). И том, и в другом случае преобладают средние оценки. Но психологическое самочувствие при этом оценивается в среднем выше: средний балл физического здоровья 5,5, психологического самочувствия – 6,2.

С возрастом по понятным причинам уровень физического здоровья снижается – доходит до 3,6 в возрастной группе 90 лет и старше. У женщин он чуть ниже (5,4), чем у мужчин (5,6). При анализе вопроса об уровне психологического самочувствия также отмечается его снижение в зависимости от возраста. У женщин и мужчин психологическое самочувствие находится на одном уровне. В городской местности уровень физического здоровья респондентов выше, чем в сельской (5,7 против 5,2), что, по всей видимости, связано с более тяжелым трудом и неблагоприятными условиями жизни на селе. Психологическое самочувствие у городских пожилых людей также выше, чем у сельских жителей (6,4 против 5,9). Пожилые люди с высшим профессиональным образованием (каждый пятый опрошенный) и физически, и психологически чувству-

ют себя увереннее, чем люди со средним специальным и начальным профессиональным образованием, и гораздо увереннее, чем люди без образования.

Для пожилых людей характерна повышенная тревожность. Только 21,4% опрошенных ответили, что никогда не испытывают беспокойства или депрессии. 54,2% респондентов иногда чувствуют себя взволнованными или подавленными, 14,4% бывают сильно взволнованными или подавленными, а 9,4% постоянно чувствуют тревогу или беспокойство. Во многом повышенная тревожность пожилых людей связана с появлением с возрастом тех или иных проблем со здоровьем. При этом пожилые люди, вопреки сложившимся стереотипам о бесконечных посещениях стариками лечебных учреждений, как и в молодости, предпочитают обращаться к врачам лишь в случае крайней необходимости. Почти 60% прибегают к медицинской помощи только когда болеют, еще 13% отметили, что практически не обращаются к врачам. Лишь четверть опрошенных отметили, что обращаются в учреждения здравоохранения не только в случае болезни, но и с профилактической целью. Еще 1,5% отметили, что часто ходят по врачам без причины, больше для общения.

Нелюбовь наших людей, в том числе и пожилых, к посещению лечебных заведений во многом связана с низким качеством оказываемой медицинской помощи. Так, в нашем обследовании только 18,7% опрошенных оценили доступную для них медицинскую помощь как полную и качественную. Около 80% в той или иной степени недовольны получаемой медицинской помощью. Почти половина опрошенных (49,6%) оценили ее как неполную и некачественную, 22,1% – как полную, но не качественную, 7,9% – как неполную, но качественную.

Последний блок вопросов был посвящен выявлению того, что сегодня больше всего волнует пожилых людей. В частности, был поставлен вопрос «Выделите, пожалуйста, наиболее значимые общественные проблемы». Он показал, что пожилых людей больше всего беспокоит недостаток нравственности в обществе и власти, несправедливость в обществе, социальное расслоение, бедность, пренебрежение к старости. Кроме того, был поставлен вопрос в открытой форме «Напишите, пожалуйста, какие проблемы больше всего волнуют лично Вас», ответ на который сформулировали 67,5% респондентов. Четверть ответивших на этот вопрос в той или иной форме отметили материальные трудности (25,3%, что составляет 17,1% всего массива), и еще 10,2% (6,9% всего массива) – дороговизну (высокие цены на продукты, услуги ЖКХ, лекарства). Т.е. почти для четверти всех опрошенных пенсионеров (24,0%) материальные трудности и дороговизна стоят настолько остро, что они формулируют это в открытом вопросе о главной личной проблеме. Проблемы, связанные со здоровьем, а также возможностью получения квалифицированной медицинской помощи и санаторно-курортной реабилитации остро волнуют 18% всех опрошенных. Нестабильность ситуации, неуверенность в завтрашнем дне, общественные проблемы, алкоголизм, безработица, наркомания, будущее детей и внуков волнуют 12,6% массива опрошенных. Недостаток внимания к пожилым отметили около 5% опрошенных. В сельской местности пенсионеров очень волнуют вопросы качества дорог, а также недостаток внимания государства к проблемам села и его жителей.

И, наконец, в обследовании был задан вопрос «С чем у Вас ассоциируется старость?», на который можно было дать несколько вариантов ответов.

Наиболее распространенные ответы весьма оптимистичны: «Время для семьи, радость общения с детьми и внуками» (отметили 32,3% опрошенных), «Спокойная размеренная жизнь без спешки» (25,2%), «Жизненный опыт, мудрость» (24,1%), «Подведение итогов, заслуженный отдых» (17,4%), «Меньше забот, больше свободного времени» (17,2%), «Отдых, время для себя» (17,2%). Безусловно, старость – это и необходимость заботы о здоровье (25,9%) – этот вариант ответа стоит на втором месте по частоте упоминания. Поэтому у многих старость связывается с изменением образа жизни (14,8% опрошенных), а также болезнями, походами в поликлинику и запахом лекарств (11,1%). У 10,8% опрошенных старость ассоциируется с бедностью, у 7,3% – с тоской, печалью, грустью. В то же время 9,1% опрошенных отметили «Забота и уважение». Еще 6,7% – «Активная, творческая жизнь, участие в общественной работе». Как видим, видение старости у пенсионеров далеко не такое негативное, как это часто принято считать.

Таким образом, позитивные оценки старости у пожилых людей встречаются гораздо чаще, чем негативные. Социальное самочувствие пожилых людей, несмотря на все проблемы, связанные со здоровьем и материальными трудностями, вполне оптимистичное. При этом люди старшего возраста занимают весьма активную жизненную позицию. Больше всего беспокоит их недостаток нравственности в обществе и власти, несправедливость в обществе, социальное расслоение, бедность, а также пренебрежение к старости. Но когда вопрос адресован лично к ним, на первое место выходят материальные трудности, дороговизна, проблемы со здоровьем и возможностью получения квалифицированной медицинской помощи. И конечно, пожилых людей очень удручают пренебрежение и равнодушие к старикам. В заключение отметим, что постарение населения – объективный процесс для цивилизованной страны. И в будущем – в благоприятном случае – в России оно будет только нарастать. Поэтому общество должно готовить себя к этому. Будущее зависит от того, сможем ли мы пересмотреть свое отношение к старости.

Литература

1. Всероссийская перепись населения 2010. – URL:
http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. (21.10.2013).
2. Информационно-аналитический обзор «Республика Коми. Итоги 2012». Часть I. – Сыктывкар, 2013.
3. Попова Л.А., Зорина Е.Н. Северный вариант российской модели демографического старения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013, №2(26). – С.111-125.

ДИНАМИКА СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ

В.В. Тихомирова, к.э.н.
ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

Реализация мер социальной поддержки различных групп населения северных территорий носит ярко выраженный региональный характер, так как определяется уровнем социально-экономического развития территории, особенностями формирования бюджетов всех уровней, полномочиями федеральных и региональных властей в поле совместной ответственности – в сфере социальной защиты населения.

Основой государственного регулирования социальной защиты населения является нормативно-правовая база. Здесь меры социальной поддержки трактуются как комплекс мероприятий, проводимых частями социальной защиты в рамках социальной политики государства, направленных на предоставление отдельным категориям граждан помощи в соответствии с законодательными и правовыми актами РФ и субъектов РФ;

Федеральными законами от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ, от 23 июля 2005 г. № 122-ФЗ, от 9 мая 2006 г. № 67-ФЗ были внесены изменения в законодательные акты Российской Федерации, предусматривающие переход от предоставления ряда натуральных льгот отдельным категориям граждан к денежным компенсациям, а также разграничение расходных обязательств по предоставлению мер социальной поддержки гражданам по уровням бюджетной системы.

Разграничение полномочий по социальной поддержке выразилось в том, что все получатели были разделены на два уровня ответственности – федерального центра и субъектов Российской Федерации. К числу «федеральных льготников» отнесены инвалиды и ветераны Великой Отечественной войны, ветераны боевых действий, члены погибших (умерших) инвалидов и ветеранов войны, Герои СССР и Российской Федерации, Герои Социалистического Труда, полные кавалеры орденов Славы и Трудовой Славы, почетные доноры, лица, пострадавшие от радиационных аварий и катастроф, инвалиды (в том числе дети-инвалиды).

За субъектами федерации были закреплены полномочия по установлению и финансированию мер социальной поддержки «региональных льготников» – ветеранов труда, тружеников тыла, реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий. Кроме того, к ведению регионов отнесены социальная поддержка и социальное обслуживание граждан пожилого возраста и инвалидов, семей с детьми, детей-сирот, малообеспеченных и социально уязвимых групп, а также разработка региональных нормативов в программе жилищных субсидий.

Итак, с выходом федерального закона № 122-ФЗ самой большой переработке подвергся закон о ветеранах. Из него ушли две самые крупные категории льготников – ветераны труда и труженики тыла. В связи с разделением полномочий между федеральным центром и российскими регионами эти льготники теперь разошлись по субъектам Российской Федерации (*Библиотека журнала «Социальная защита»..., 2005*).

В настоящее время в системе регулирования социальной поддержки населения находят отражение такие показатели как: категории граждан, имеющих право на меры социальной поддержки; численность федеральных и региональных категорий льготников, получающих социальную поддержку; динамика расходов на социальную поддержку; территориальная и социально-

демографическая дифференциация населения; темпы прироста численности населения.

В своем исследовании мы рассмотрели динамику численности отдельных категорий граждан и расходных обязательств Российской Федерации и субъектов Российской Федерации по предоставлению мер социальной поддержки (*Центральная база...*).

Выделяют такие формы социальной поддержки как: *регулярная денежная выплата*; *единовременная денежная выплата*; *денежная компенсация*.

Регулярная денежная выплата – выплата, введенная в связи с изменением формы предоставления льгот, а также все виды выплат (доплат), производимые отдельным категориям граждан в соответствии с нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации с регулярной периодичностью (ежемесячно или ежеквартально), за исключением денежных компенсаций (*Приказ от 27.10.2008...*).

В ходе исследования выявлено, что расходные обязательства Российской Федерации в части оплаты регулярных денежных выплат охватывают незначительное количество льготных категорий граждан северных регионов, и их число ежегодно сокращается в силу естественной убыли таких категорий граждан как инвалиды войны, инвалиды и дети-инвалиды. Общий объем этих выплат незначителен и в 2010 г. составил лишь 4% от расходных обязательств субъектов Российской Федерации. В 2010 г. от 90,4 до 94,1% денежных средств на регулярную выплату в разрезе регионов Севера шло на выплаты ветеранам труда, от 3,9 до 6,1% – труженикам тыла и от 1,8 до 2,5% реабилитированным лицам. Размер регулярной денежной выплаты составил от 100 (Камчатский край) до 19566 руб. (Ямало-Ненецкий АО) в зависимости от категории получателей. В среднем с 2007 по 2010 гг. численность льготников по регионам Севера ежегодно увеличивалась на 1,7%, а объем выплаченных средств на 5,8%.

Следующей формой социальной поддержки является *единовременная выплата*: это денежная сумма, выплачиваемая сразу целиком, а не частями; форма денежного возмещения убытка; страховое единовременно выплачиваемое пособие (*Приказ от 27.10.2008...*).

В 2010 г. численность лиц, получивших единовременную денежную выплату, по регионам Севера увеличилась на 25,9 тыс. чел. и составила 106,9 тыс. чел. Это произошло за счет значительного увеличения такой категории получателей как труженики тыла. Исключение составили лишь Мурманская область, где 86,1% средств выплачено ветеранам труда и Ямало-Ненецкий АО, где 4,4% выплат приходится на реабилитированных лиц. Однако в общем объеме затраченных средств их доля снизилась по сравнению с предыдущим годом на 18,7% и составила 74%. Средний размер единовременной выплаты на одного получателя резко уменьшился с 21753 руб. до 1348 руб., т.е. в 16 раз.

Следующий вид социальной поддержки – социальная денежная компенсация. «*Компенсация*» [от лат. *compensation*] трактуется в словарях как возмещение и вознаграждение (*Райзберг, 2007*).

Росстат трактует *денежную компенсацию* как полное или частичное возмещение гражданам затрат на приобретение товаров и услуг, имеющее целевой характер (*Приказ от 27.10.2008...*).

Существуют следующие виды *компенсационных* выплат: проезд на городском и пригородном транспорте, проезд на междугородном транспорте,

приобретение лекарственных средств, санаторно-курортное лечение, абонентская плата за телефон, питание, приобретение одежды, обуви, предметов первой необходимости, изготовление и ремонт зубных протезов, установка квартирного телефона, другие цели.

Проведенный нами анализ компенсационных выплат говорит о том, что в северных регионах наиболее финансируемыми видами компенсационных выплат являются проезд на городском и пригородном транспорте, абонентская плата за телефон и установка квартирного телефона. Существует ряд регионов, основные средства в которых направляются почти исключительно на один вид компенсаций – это Сахалинская область (питание – 98,8%), Мурманская область (проезд на городском транспорте – 84,6%), Магаданская область (приобретение лекарственных средств – 74,6%). Большинство северных территорий не осуществляют такие финансово затратные выплаты как санаторно-курортное лечение, приобретение лекарственных средств, приобретение одежды, обуви и предметов первой необходимости, изготовление и ремонт зубных протезов, что определяется уровнем социально-экономического развития данных регионов.

На основе прогноза численности населения Росстата на период с 2012 по 2020 гг. нами выявлена динамика структурных изменений категорий *потребителей социальной поддержки* населения северных регионов.

Расчет предположительной численности населения был осуществлен Росстатом по трем вариантам (низкий, средний, высокий) на основе численности и структур постоянного населения на начало 2009 г. и откорректирован нами с учетом данных Всероссийской переписи населения, проведенной в 2010 г. (*Предположительная численность..., Итоги Всероссийской переписи...*).

Наиболее вероятным считается *средний* прогнозный сценарий. Данный прогнозный сценарий принят в качестве базового. Формирование прогноза численности населения в разрезе регионов Севера осуществлено на период с 2012 по 2020 гг.

Согласно данным Росстата, *средняя численность населения* регионов Севера на период до 2020 г. будет неуклонно снижаться. Исключение составят лишь четыре северных территории, где ожидается устойчивый прирост населения: Ханты-Мансийский АО (11,2%), Ямало-Ненецкий АО (10,9%), Ненецкий АО (2,8%) и Республика Саха (Якутия) (1,5%) (табл. 1).

Таблица 1
Темпы прироста численности населения регионов Севера России к 2010 г., %

Регионы	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0	-0,1	-0,1
Регионы Севера	0,1	0,1	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
Республика Карелия	-0,4	-0,9	-1,3	-1,7	-2,2	-2,7	-3,2	-3,8	-4,3
Республика Коми	-0,6	-1,1	-1,6	-2,2	-2,7	-3,3	-3,9	-4,4	-5,0
Архангельская область	-0,5	-1,0	-1,5	-2,0	-2,6	-3,2	-3,7	-4,3	-4,9
Ненецкий АО	0,5	0,9	1,2	1,7	1,9	2,1	2,4	2,6	2,8
Мурманская область	-0,4	-0,8	-1,2	-1,6	-2,0	-2,4	-2,9	-3,3	-3,7
Ханты-Мансийский АО	1,3	2,6	3,9	5,2	6,5	7,6	8,8	10,0	11,2
Ямало-Ненецкий АО	1,1	2,3	3,6	4,8	6,1	7,3	8,5	9,7	10,9
Республика Саха	0,2	0,4	0,6	0,8	0,9	1,1	1,2	1,4	1,5
Камчатский край	-0,3	-0,6	-1,0	-1,3	-1,7	-2,1	-2,5	-2,9	-3,3

Магаданская область	-0,5	-1,1	-1,6	-2,1	-2,6	-3,1	-3,6	-4,1	-4,6
Сахалинская область	-0,7	-1,4	-2,1	-2,8	-3,5	-4,3	-5,1	-5,8	-6,6
Чукотский АО	-1,7	-3,4	-4,9	-6,6	-8,0	-9,5	-11,0	-12,5	-14,0

Рост численности населения этих регионов происходит как за счет миграции, так и за счет естественного прироста на протяжении ряда лет. В целом по регионам Севера прирост населения составит 0,3% (7631,8 тыс. чел.).

Важной характеристикой социально-демографических процессов является *возрастная структура населения*, в которой будут наблюдаться серьезные изменения. Согласно среднему варианту прогноза, средняя *численность населения* *моложе трудоспособного возраста* в северных территориях к 2020 г. *возрастет* на 1556,7 чел., или на 9,4%. По России темпы прироста будут равны 11,8% (табл. 2).

Таблица 2

Темпы прироста численности населения в возрасте моложе трудоспособного к 2010 г., %

Регионы	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	3,2	5,0	6,5	8,2	9,7	10,2	10,7	11,2	11,8
Регионы Севера	2,7	4,1	5,4	6,9	8,1	8,4	8,8	9,1	9,4
Республика Карелия	2,3	3,5	4,5	5,6	6,2	5,6	5,1	4,5	4,0
Республика Коми	1,6	2,5	3,1	4,0	4,6	4,3	3,9	3,6	3,2
Архангельская об-ласть	2,3	3,4	4,2	5,2	5,8	5,3	4,8	4,2	3,7
Ненецкий АО	3,1	5,2	7,2	9,3	11,3	12,4	13,4	14,4	15,5
Мурманская область	1,9	3,0	4,0	5,2	6,0	6,0	5,9	5,9	5,9
Ханты-Мансийский АО	5,0	7,6	9,9	12,5	14,9	16,3	17,7	19,1	20,5
Ямало-Ненецкий АО	3,0	4,9	6,7	8,7	10,9	12,4	13,8	15,3	16,8
Республика Саха	1,8	2,9	4,1	5,6	6,8	7,5	8,2	8,9	9,6
Камчатский край	1,9	2,9	3,4	4,3	5,2	5,2	5,2	5,2	5,2
Магаданская область	1,8	2,9	3,2	4,3	4,7	4,6	4,5	4,4	4,3
Сахалинская область	1,5	2,5	3,0	3,8	4,0	3,5	3,0	2,5	2,0
Чукотский АО	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	0,0	-0,9	-1,9	-2,8

В ранжированном ряду здесь выделяются Ханты-Мансийский (20,5%), Ямало-Ненецкий (16,8%) и Ненецкий АО (15,5%), Республика Саха (9,6%). В остальных северных территориях темпы прироста составят от 2,0% (Сахалинская область) до 5,9% (Мурманская область). Исключение составит Чукотский АО, где численность населения моложе трудоспособного возраста снизится на 2,8%.

Тенденция старения населения, характерная для страны в целом, становится актуальной и для северных округов. На фоне прироста населения моложе трудоспособного возраста и значительного увеличения доли лиц пенсионного возраста практически по всем регионам заметно *сократится население трудоспособного возраста*.

Максимальное сокращение численности населения трудоспособного возраста будет наблюдаться в Чукотском АО (на 21,8%), Архангельской (на 15,8%) и Сахалинской (на 15,6%) областей, Республике Карелии (на 14,5%) и Республике Коми (на 14,1%). Лишь в Ямало-Ненецком АО число этой группы увеличится на 2,2% и составит 374,8 тыс. чел. (табл. 3). В целом по регионам

Севера численность данной категории граждан к 2020 г. сократится на 9,3% и составит 4,5 млн. чел.

Таблица 3
Темпы прироста численности населения в трудоспособном возрасте
к 2010 г., %

Регионы	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	-2,1	-3,3	-4,5	-5,7	-6,9	-7,8	-8,6	-9,5	-10,4
Регионы Севера	-2,3	-3,4	-4,6	-5,8	-6,8	-7,4	-8,0	-8,7	-9,3
Республика Карелия	-3,2	-4,9	-6,6	-8,4	-9,9	-11,1	-12,2	-13,3	-14,5
Республика Коми	-3,4	-5,1	-6,7	-8,4	-9,9	-10,9	-12,0	-13,1	-14,1
Архангельская об-ласть	-3,7	-5,5	-7,3	-9,2	-10,9	-12,1	-13,3	-14,5	-15,8
Ненецкий АО	-2,6	-4,1	-5,3	-6,8	-7,9	-8,8	-9,8	-10,7	-11,7
Мурманская область	-3,0	-4,4	-5,9	-7,3	-8,5	-9,3	-10,1	-10,9	-11,7
Ханты-Мансийский АО	-0,2	-0,3	-0,5	-0,8	-0,9	-0,7	-0,4	-0,1	0,1
Ямало-Ненецкий АО	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,7	1,2	1,7	2,2
Республика Саха	-1,8	-2,7	-3,7	-4,9	-5,9	-6,6	-7,2	-7,9	-8,5
Камчатский край	-2,8	-4,2	-5,4	-6,7	-8,0	-8,9	-9,9	-10,8	-11,7
Магаданская область	-3,8	-5,6	-7,1	-8,7	-9,9	-10,8	-11,7	-12,5	-13,4
Сахалинская область	-4,0	-6,0	-7,8	-9,6	-11,2	-12,3	-13,4	-14,5	-15,6
Чукотский АО	-6,0	-8,5	-11,4	-13,6	-15,5	-17,1	-18,7	-20,3	-21,8

Отсюда к 2020 г. прогнозируется высокий прирост численности населения пенсионного возраста по всем северным территориям. Особенno значительные темпы роста численности населения старше трудоспособного возраста будут наблюдаться в Ямало-Ненецком (75,9%), Ханты-Мансийском (74,2%), Ненецком АО (47,5%) и Республике Саха (37,0%). В остальных регионах этот показатель будет колебаться от 12% (Сахалинская область) до 18,6% (Камчатский край). Исключение составит Чукотский АО, где по прогнозу Росстата число лиц пенсионного возраста сократится на 1,9% (табл. 4).

Таблица 4
Темпы прироста численности населения в возрасте старше трудоспособного
к 2010 г., %

Регионы	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	4,0	6,0	8,2	10,5	12,6	14,4	16,1	17,9	19,6
Регионы Севера	7,0	10,5	14,1	17,6	20,7	22,8	25,0	27,1	29,2
Республика Карелия	3,7	5,7	7,8	10,0	11,9	13,2	14,5	15,8	17,1
Республика Коми	4,9	7,2	9,6	12,0	13,9	15,1	16,2	17,4	18,5
Архангельская об-ласть	4,3	6,3	8,6	10,8	12,6	13,7	14,9	16,1	17,3
Ненецкий АО	11,9	16,9	22,0	27,1	32,2	36,0	39,8	43,6	47,5
Мурманская область	4,7	7,0	9,4	11,5	13,2	13,9	14,6	15,3	16,0
Ханты-Мансийский АО	15,9	23,8	32,4	41,0	48,9	55,2	61,6	67,9	74,2
Ямало-Ненецкий АО	16,6	25,2	34,2	43,4	51,9	57,9	63,9	69,9	75,9
Республика Саха	8,3	12,5	16,7	21,0	25,2	28,2	31,1	34,1	37,0
Камчатский край	5,2	7,7	9,9	12,0	13,9	15,1	16,3	17,4	18,6
Магаданская область	6,2	9,2	11,7	13,6	15,0	15,6	16,1	16,7	17,2

Сахалинская область	4,9	6,7	8,8	10,2	11,2	11,4	11,6	11,8	12,0
Чукотский АО	3,8	5,7	7,5	7,5	5,7	3,8	1,9	0,0	-1,9

Это приведет к значительному увеличению финансовых расходов местных бюджетов на социальную поддержку пожилых людей: доведение уровня доходов неработающих пенсионеров до величины прожиточного минимума, выплату льгот и компенсаций, социальное обслуживание граждан пожилого возраста.

В результате в силу демографических процессов *среднегодовая численность населения регионов Севера* в период 2012-2020 гг., подпадающего под действие системы социальных гарантий, *будет объективно увеличиваться*. Это будет связано как с ростом числа лиц моложе трудоспособного возраста (в среднем на 1,0%), так и с общим постарением населения, увеличением численности лиц граждан пожилого возраста на 2,9%.

Анализ динамики структурных изменений категорий потребителей социальной поддержки показал, что многие граждане, имеющие право на предоставление мер социальной поддержки, будут переходить из одной возрастной группы в другую. В силу демографических причин (естественной убыли) расходные обязательства бюджетной поддержки Российской Федерации будут неуклонно сокращаться, а субъектов федерации – значительно расти. Отсюда, в ходе реализации Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ, в части предоставления мер социальной поддержки региональным льготным категориям, наметилась тенденция увеличения всех категорий льготников, особенно благодаря естественному приросту численности граждан пожилого возраста, удостоенных звания «Ветеран труда». На эту льготную категорию населения приходится наибольший объем расходов региональных бюджетов. Поэтому основное бремя социальной поддержки населения будут нести местные органы власти.

Таким образом, наиболее острой проблемой, определяющей весь характер социально-экономических отношений между государством и обществом, является несбалансированность ресурсов и обязательств на всех уровнях бюджетной системы Российской Федерации. Перед федеральной властью стоит задача путем межбюджетного выравнивания способствовать повышению эффективности системы социальной защиты населения, уменьшению социальной дифференциации в интересах сокращения бедности. Поэтому основным методом социальной защиты в целом и социальной поддержки в частности, должно стать адресное предоставление социальной помощи лишь тем домохозяйствам, фактическое потребление которых находится ниже величины прожиточного минимума. Практика функционирования системы социальных выплат в регионах показывает, что единственно возможный путь повышения ее эффективности – безотлагательное введение принципа адресности. Понятие «адресность» в данном контексте означает ограничение круга получателей социальной поддержки конкретной целевой группой в зависимости от приоритетов социальной политики государства на данном этапе. В данном случае принцип адресности является противовесом «категорийному подходу», когда социальная помощь предоставляется гражданам по их формальной принадлежности к той или иной социальной (профессиональной или социально-демографической) группе населения без учета фактора нуждаемости. Усиление адресности социальной помощи предполагает принятие законодательных и организационных

мер по ограничению круга получателей социальной поддержки малоимущими семьями и малоимущими одиноко проживающими гражданами. Соответствующие бюджетные ресурсы будут формироваться за счет сокращения безадресных форм помощи, а также социально неоправданных льгот и выплат.

Следует отметить, что льготы, предоставляемые гражданам за особые заслуги – Героям России и Советского Союза, полным кавалерам ордена Славы, инвалидам и участникам Великой Отечественной войны – должны быть сохранены (Байгерев, 2001). Возможность пользования другими льготами необходимо поставить в зависимость от дохода их получателей.

В связи с этим размеры социальных выплат должны быть согласованы с финансовыми возможностями регионов, и актуальным становится критерий общественной целесообразности в осуществлении социальной защиты граждан. Он требует строгого определения контингента тех, кто по объективным причинам полностью или частично лишен возможности к самообеспечению и имеет доход ниже величины прожиточного минимума. Отсутствие должного учета реальной нуждаемости и сохранение уравнительности влечут за собой малоэффективность социальной поддержки, поскольку она неоправданно расходится по огромному числу ее потребителей.

На фоне текущей кризисной ситуации и в условиях ограниченных финансовых ресурсов концептуальные подходы к конструкции всей системы социальной защиты (область действия, набор показателей, категории получателей, источники финансирования и уровни ответственности), а также количественные характеристики (количество получателей, размер поддержки) и формы непосредственного предоставления (денежная, натуральная, услуги) приобретают принципиальное значение.

Литература

1. Библиотека журнала «Социальная защита». Закон о ветеранах (в новой редакции). – М.: Социономия, 2005.
2. Байгерев М. Бедность и политика адресной социальной помощи малоимущим семьям // Человек и труд. – 2001, №1.
3. Приказ от 27.10.2008 № 270 «Об утверждении статистического инструментария для организации статистического наблюдения на 2009 г.».
4. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. Стат. бюллетень. – URL: http://www.gks.ru/doc_2010/bul_dr/progn_09.zip.
5. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol2/pub-02-03.xlsx.
6. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2007.
7. Центральная база статистических данных. – URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>.

ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ МОЩНОСТЕЙ УЧРЕЖДЕНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Д.В. Колечков, к.э.н.
ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

Уровень и качество жизни населения напрямую зависят от состояния и перспектив развития социальной инфраструктуры территорий, которая находится в прямой зависимости от уровня мощностей её учреждений. В настоящее время социальные нормативы обеспеченности населения объектами социальной инфраструктуры фрагментарны и существуют вне какой-либо системы. Необходимы немалые усилия со стороны государства, нацеленные на достижение оптимальных стандартов обеспеченности населения учреждениями образования, здравоохранения и культуры. Особенно это актуально для северных регионов страны в связи с действием удорожающих факторов, низкой плотностью населения, суровыми климатическими условиями, низкой транспортной доступностью периферийных районов к услугам, негативными последствиями рыночного реформирования и финансово-экономическим кризисом.

Прогноз развития. Долгосрочный характер прогноза обусловил необходимость согласования расчетов с целями и задачами большинства стратегических документов на уровне страны и регионов – Послания Президента РФ Федеральному Собранию, Стратегии социально-экономического развития РФ до 2020 г., стратегий социально-экономического развития регионов, Указов Президента РФ о совершенствовании государственной политики в социально-культурной сфере и т.п.

В основу прогноза развития учреждений социально-культурной сферы положен демографический прогноз Росстата 2030 г. (*Предположительная численность населения...*), скорректированный с учетом данных Всероссийской переписи населения 2010 г. (*Итоги всероссийской переписи...*).

Вариативность демографического прогноза и сценариев социально-экономического развития страны и регионов определила разработку двух сценариев развития социально-культурной инфраструктуры – инерционного и целеевого.

1) *Инерционный* опирается на более реалистичный «средний» вариант демографического прогноза общей численности населения, в том числе по возрастным группам: моложе трудоспособного, трудоспособного и старше трудоспособного возраста.

При прогнозировании численности населения, пользующегося услугами системы образования, целесообразно опираться на численность населения соответствующих возрастных когорт: 2-6 лет, 7-18 лет, 19-25 лет. Поскольку в демографическом прогнозе до 2020 г. нет такой возрастной разрезности, используется возрастная группа «моложе трудоспособного возраста». В здравоохранении и культуре за основу перспективной оценки численности населения, пользующегося услугами данной сферы, заложена динамика изменения общей численности населения.

2) Целевой реализует нормативную концепцию прогнозирования. Исходной точкой расчетов послужили целевые ориентиры социального развития, заложенные в Стратегии социально-экономического развития России до 2020 г. и стратегиях социально-экономического развития ряда северных регионов РФ. Относительно этих ориентиров произведены расчеты возможных путей решения указанных задач. Особенностью данного сценария является то, что он позволяет учитывать несколько факторов, влияющих на конечный результат прогноза. Так, кроме изменения численности населения по демографическому прогнозу, учитываются и различные целевые ориентиры, заложенные в программных документах государства.

Все прогнозные расчеты мощности социально-культурных учреждений производятся в электронных таблицах MS Excel.

Инерционный сценарий. Перспективы развития мощностей социально-культурных учреждений определены на основе «среднего» варианта демографического прогноза. Согласно него, общая численность населения северных регионов к 2020 г. увеличится на 0,4% благодаря положительной динамике прироста в нефте-газодобывающих округах, а в среднем по России она сократится на 0,1%. В других регионах Севера снижение общей численности составит от 15,5 в Чукотском АО до 3,6% в Камчатском крае, и связывается оно как с естественной убылью, так и миграционным оттоком населения.

Численность населения моложе и старше трудоспособного возраста, за исключением Чукотского АО, возрастет во всех северных регионах, причем у вторых более резко, чем в целом по России – 29,2 против 19,6%, что связано с резким ростом численности пожилых лиц в нефте-газодобывающих регионах. Все это приведет к сильному увеличению демографической нагрузки и обострению соответствующих проблем в социальной системе.

Численность населения трудоспособного возраста, напротив, будет снижаться практически во всех северных регионах, кроме Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого АО. В целом по северным регионам она снизится на 9,3, по России – на 10,4%.

Поскольку в основе прогноза лежит средний сценарий ожидаемой численности населения моложе трудоспособного возраста, изменение численности обучающихся в учреждениях системы образования приведено в целом, без деления на дошкольные, общеобразовательные, средние специальные и высшие учреждения.

Среднегодовые темпы прироста общей численности обучающихся в учреждениях системы образования за 2010-2020 гг. в северных регионах составят 0,9, по России – 1,1%. За весь прогнозируемый период их число вырастет, соответственно, на 9,4 и 11,8%. Общий рост будет обеспечен благодаря положительной динамике прироста в нефтедобывающих округах: Ханты-Мансийском (на 20,5%), Ямало-Ненецком (16,8) и Ненецком (15,5). В других регионах Севера снижение общей численности обучающихся составит от 2,0 в Сахалинской области до 9,6% в Якутии, что связывается как с естественной убылью, так и миграционным оттоком населения. Рост на 2,8% произойдет лишь в Чукотском АО.

В динамике изменения численности обучающихся в учреждениях системы образования северных регионов можно выделить два этапа: первый – период интенсивного роста (2011-2016 гг.), второй – период замедления темпов ро-

ста (2017-2020 гг.). В первом среднегодовые темпы прироста составят 1,5, во втором – 0,5%. Связано это с ростом рождаемости во второй половине 2000-х годов, который обеспечивает увеличение численности населения молодых возрастов до 2016 г. Далее тенденция роста численности обучающихся продолжится, однако его интенсивность заметно снизится.

В отличие от нефтегазодобывающих регионов, где ожидаются высокие темпы прироста на протяжении всего прогнозируемого периода, в ряде регионов ситуация будет менее динамичной. В республиках Коми и Карелия, Архангельской, Магаданской и Сахалинской областях, Чукотском АО заложен незначительный среднегодовой прирост в первом периоде (2011-2016 гг.) – 0,5-0,9%, который сменится падением во втором периоде (2017-2020 гг.) – на 0,3-0,9%, что будет связано со снижением численности населения молодых возрастов и миграционным оттоком в этих регионах.

Исходя из демографического прогноза изменения среднегодовой численности населения, численность врачей всех специальностей и среднего медицинского персонала за прогнозируемый период по северным регионам увеличится на 0,2%, а по России в целом она сократится на 0,1%. Такой незначительный рост численности медицинских работников северных регионов обеспечен двумя нефтедобывающими территориями – Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким АО – где среднегодовые темпы прироста в прогнозируемом периоде составят 1,2%. В большинстве северных территорий будет происходить снижение количества врачей и медперсонала – от 0,4% в среднегодовом исчислении в Камчатском крае до 1,5% в Чукотском АО. Главная причина этому – существенное снижение численности населения трудоспособного возраста, связанное, прежде всего, с интенсивным трудовым миграционным оттоком.

В целом за прогнозируемый период рост численности специалистов системы здравоохранения произойдет на 12,8% в Ханты-Мансийском АО, на 12,4 в Ямало-Ненецком АО, на 2,0 в Ненецком АО и на 1,4% в Якутии. Максимальное снижение прогнозируется в Чукотском АО (на 14,1%).

Характерной особенностью динамики численности обучающихся в учреждениях системы образования является то, что отрицательные тенденции периода 2000-2010 гг. в прогнозируемой перспективе сменятся на положительные, причем почти во всех регионах зоны Севера (за исключением Чукотского АО).

Противоположная ситуация будет складываться в системе здравоохранения, где изменение численности врачей и медицинских работников большинства северных территорий с положительной динамикой в 2000-2010 гг. сменится в прогнозном периоде на отрицательный.

Целевой сценарий. Исходя из Стратегии-2020, пик потребности в дошкольных образовательных учреждениях придется на 2015 г., после чего начнется постепенное сокращение *численности детей дошкольного возраста*, которое по демографическому прогнозу детей в возрасте 2-7 лет в 2020 г. составит в целом по России 6,7% к 2015 г. С учетом существующей межрегиональной дифференциации и прогнозируемой численности населения по территориям среднегодовые темпы снижения численности детей, посещающих ДОУ, за 2010-2020 гг. составят по северным регионам 0,6%, в целом по России – 0,4%, а за весь исследуемый период их число сократится, соответственно, на 6 и 4%.

Наибольшее сокращение произойдет в Магаданской области (на 14,7%), Камчатском крае (11,6%), Республике Коми (11,3%) и Архангельской области (10,3%). Лишь в Ханты-Мансийском АО произойдет рост на 2,3%.

В прогнозной динамике изменения численности детей, посещающих ДОУ в северных регионах, выделяются два этапа: первый – период роста (2011-2015 гг.), второй – период замедления темпов роста (2016-2020 гг.). В первом среднегодовые темпы прироста составят 0,3%, во втором темпы снижения – 1,6%, где наибольшее снижение численности (более 2% в среднегодовом исчислении) произойдет в республиках Карелия и Коми, Архангельской, Магаданской, Сахалинской областях и Камчатском крае.

По охвату услугами дошкольного образования Россия находится на уровне развивающихся стран. За последние годы охват детей дошкольным образованием увеличился с 58,0 в 2005 г. до 59,8% в 2011 г. Однако этот показатель остается ниже показателя 1991 г., который составлял 63,0%. Исходя из целевых ориентиров, степень охвата детей ДОУ к 2020 г. должна быть выше значений дореформенного периода.

Следует отметить, что охват детей ДОУ на Севере по сравнению с Россией в целом был значительно выше, и эта ситуация сохранится на перспективу. Так, в 2020 г. по России будет охвачено ДОУ 67% против 57,4 в 2010 г., по северным регионам 83% против 71,8. Наибольшая степень охвата будет в Чукотском АО (98,7%), Ненецком АО (95,8%) и Мурманской области (91,6%).

Прогноз численности *студентов государственных (муниципальных) учреждений среднего профессионального образования* построен с учетом следующих обстоятельств:

1) Согласно целевым ориентирам развития среднего профессионального образования России из Стратегии-2020, к 2020 г. произойдет сокращение на 20-25% спроса на программы начального профессионального образования в пользу среднего.

2) По демографическому прогнозу снижение молодежи в возрасте 17-25 лет к 2016 г. составит 12-15%.

С учетом данных условий и существующей межрегиональной дифференциации численности населения среднегодовые темпы прироста (снижения) количества студентов учреждений среднего прообразования по северным регионам составят -0,1%, в целом по России – +0,6%, а за весь исследуемый период их число сократится на 0,1% и увеличится на 5,6%, соответственно.

Среди северных регионов по изменению численности студентов данного звена системы образования в исследуемой перспективе будет сохраняться высокая степень дифференциация. Максимальный рост произойдет в нефтедобывающих округах: Ханты-Мансийском (на 28,4%), Ямало-Ненецком (18,3%) и Ненецком (14,9), что связано с растущей потребностью в работниках технических специальностей на фоне роста добычи углеводородного сырья в этих территориях. Наибольшее снижение будет в Чукотском АО (на 26,9%), Сахалинской области (17,0%), Республике Коми (14,2%) и Архангельской области (13,2%), обусловленное отрицательным сальдо трудовой миграции.

В прогнозной динамике изменения численности студентов государственных учреждений среднего профессионального образования северных регионов выделяются два этапа: снижения (2011-2016 гг.), когда среднегодовые темпы снижения составят 1,0%, и роста (2017-2020 гг.), в котором среднегодо-

вые темпы роста будут находиться в пределах 1,6%. Особенностью динамики, будет стабильный рост численности студентов данных учреждений на протяжении всего прогнозируемого периода в вышеперечисленных нефтегазодобывающих регионах, где среднегодовые темпы прироста будут находиться в интервале 2-3%.

Прогноз изменения численности студентов *образовательных учреждений высшего профессионального образования* построен исходя из консервативного сценария развития данного звена общей системы образования.

Согласно этим условиям, среднегодовые темпы прироста численности студентов учреждений высшего профессионального образования по северным регионам составят 2,5, в целом по России – 0,8, а за весь исследуемый период их число увеличится, соответственно, на 27,4 и 8,3%.

Среди северных регионов существенный рост численности студентов ВУЗов произойдет в Сахалинской области (на 39,7%), Республике Коми (35,8%), Ямало-Ненецком АО (31,9%) и Архангельской области (30,6%). Менее значительный рост будет зафиксирован в Магаданской области (на 3,2%) и Камчатском крае (7,5%).

Прогноз численности врачей всех специальностей и среднего медицинского персонала северных регионов построен исходя из ориентиров второго сценария Стратегии-2020, который предусматривает сравнительно медленное развитие системы охраны здоровья, поскольку оно будет происходить в условиях минимально необходимого роста объемов финансирования. При этом ожидаемый прирост численности к 2020 г. составит 14,0%.

С учетом этого, существующей межрегиональной дифференциации и прогнозируемой численности населения по территориям среднегодовые темпы прироста *численности врачей всех специальностей* по северным регионам составят 1,4%, в целом по России – 1,3%, а за весь исследуемый период их число увеличится, соответственно, на 14,4% и 14,1%. При этом обеспеченность врачами в расчете на 10000 населения по северным регионам возрастет с 53,8 в 2010 г. до 61,5 в 2020 г., а по России в целом – с 50,1 до 57,2.

Наибольший рост численности врачей ожидается в Ханты-Мансийском АО (на 31,5%) и Ненецком АО (22,0%). В меньшей степени их число возрастет в Якутии (на 3,1%), Чукотском АО (7,2%) и Мурманской области (7,5%).

Среднегодовые темпы прироста *численности среднего медицинского персонала* за 2010-2020 гг. по северным регионам, как и по России в целом, составят 2,2%, а накопленный прирост, соответственно, – 24,9 и 24,5%. В расчете на 10000 населения их число возрастет по северным регионам со 140,5 в 2010 г. до 175,1 в 2020 г., по России в целом – со 105,5 до 131,6.

Среди северных регионов существенный прирост численности среднего медицинского персонала ожидается в Ханты-Мансийском АО (41,9%), Ненецком АО (32,4%). Менее значительный прирост будет зафиксирован в Камчатском крае (19,6%), Республике Карелия (19,3%), Чукотском АО (17,6%) и Якутии (на 13,5%).

Правительство РФ планирует до 2020 г. оптимизировать соотношение стационарной и амбулаторно-поликлинической помощи, усилить координацию и преемственность между ними путем более целенаправленной и качественной подготовки медицинского персонала для амбулаторного звена и улучшения технической оснащенности медицинских учреждений, что приведет к сокра-

щению коечного фонда больниц и росту мощности амбулаторно-поликлинических учреждений.

При реализации таких целевых ориентиров развития медицинской отрасли среднегодовые темпы снижения *количество коеч в стационарных медицинских учреждениях* за прогнозируемый период по северным регионам, как и по России в целом, составят 1,5%, накопленный темп снижения, соответственно, 13,6 и 43,9%. При этом в расчете на 10000 населения их численность снизится по северным регионам со 108,7 в 2010 г. до 93,7 в 2020 г., по России в целом – с 93,7 до 80,8.

Наибольшее снижение коечного фонда за прогнозируемый период произойдет в Якутии (на четверть), Чукотском АО (20,9%) и Мурманской области (20,5%). Несмотря на снижение количества больничных коек, их количество в расчете на 10000 в северных регионах останется по-прежнему выше, чем в России. Самая высокая обеспеченность больничными койками будет в Чукотском АО (163,3 койки на 10000 человек), Магаданской и Сахалинской областях (129,9), Ненецком АО (108), Камчатском крае (107,2) и Республике Коми (100,1).

При сокращении коечного фонда возрастет *мощность амбулаторно-поликлинических учреждений*. По целевому прогнозу среднегодовые темпы прироста количества посещений в смену на Севере, как и по России в целом, составят 0,5%, а в целом за прогнозируемый период мощность сети амбулаторно-поликлинических учреждений увеличится, соответственно, на 5,2 и 4,8%.

Среди северных регионов значительный рост мощности амбулаторно-поликлинических учреждений за прогнозируемый период ожидается в Ханты-Мансийском (на 22,2%) и Ненецком АО (12,7%). Менее значительный рост будет зафиксирован в Республике Карелия (на 1%), Магаданской (2,6%) и Сахалинской (3,6%) областях, а также Республике Коми (3,8%).

Таким образом, проведенный анализ показал, что за исследуемый период в инфраструктуре социальной сферы северных регионов, как и в целом по России, преобладали негативные тенденции. При сокращении количества объектов сферы образования и здравоохранения и росте численности населения, пользующегося этими услугами, продолжает увеличиваться нагрузка на учреждения данного сектора экономики. В обозримой перспективе только комплекс радикальных мер, направленный не только на увеличение количества учреждений социальной сферы, но и, прежде всего, на изменение качественной структуры системы образования и здравоохранения в целом, позволит изменить сложившуюся ситуацию в лучшую сторону.

Литература

1. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года: Стат. бюллетень. – URL: http://www.gks.ru/doc_2010/bul_dr/progn_09.zip.
2. Итоги всероссийской переписи населения 2010 г. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol2/pub-02-03.xlsx.

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА: НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

В.М. Теребихин, к.ф.н.

Общественная палата Республики Коми, г. Сыктывкар

*«Глубоко убеждён в том, что в сердце нашей философии должно быть развитие человека, развитие моральное, интеллектуальное и физическое»
B.B. Путин*

Социогуманитарная модернизация республики является целью, условием, фактором и общей (системной, первичной), и вторичной модернизации региона, модернизацонных процессов в Республике Коми. Социогуманитарная модернизация – это социально ответственное, человеко-ориентированное, социокультурное развитие региона. Это такое развитие и управление развитием, при котором качество жизни и качество развития человеческого потенциала повышается по отношению к комплексу имеющихся ресурсов. Это процесс качественного повышения уровня и сбалансированности параметров, характеризующих развитие человека в регионе.

Социально-гуманитарная модель модернизации должна быть ориентирована на «формирование нравственного, гармоничного человека, ответственного гражданина России», «укрепление духовно-нравственной основы общества» (B.B.Путин), максимально-возможную реализацию человеческого потенциала региона посредством обеспечения проектной включенности населения в реальные процессы жизнедеятельности регионального социума и осуществляться при деятельном, солидарном участии власти, граждан и их институтов, в том числе, и Общественной палаты республики.

Региональная социально-гуманитарная модернизация как сложный многоплановый процесс включает системную модернизацию всей совокупности социальных и гуманитарных (человеко-ориентированных) государственных политик (антропополитик), всех сфер (подсистем) социальной, политической и духовной жизни региона и системы государственного и муниципального управления ими.

Актуальность осуществления системной социально-гуманитарной модернизации региона имеет «множественную каузацию» (П.Сорокин).

Во-первых, это детерминируется необходимостью практического обеспечения сформулированных в Конституции России и Республики Коми стратегических целей государственного управления – создание условий для развития человека как высшей ценности, повышение качества человеческого потенциала («качества качеств населения») и качества жизни.

Во-вторых, это объясняется необходимостью практического обеспечения в регионе сложнейших для госуправления социоантропологических целей и задач, сформулированных в основных программных документах Президента России, в том числе в Послании Федеральному Собранию 2012 г., в выступлении на Валдайском политологическом форуме и ряде других.

В-третьих, это объясняется необходимостью практического обеспечения стратегических, гуманистических целей и задач, созвучных мечтам и жизненным стратегиям большинства жителей региона – повышение качества жизни, созидание региона, в котором тепло и интересно жить, превращение Республики в «территорию мечты», в один из лучших северных регионов России, которые были сформулированы в 2011 г. в Стратегии Главы Республики «От мечты к реальности – 10 лет пути».

В-четвертых, актуальность осуществления региональной социально-гуманитарной модернизации объясняется и тем, что, несмотря на то, что в регионе в 2011-2012 гг. обозначился ряд позитивных тенденций в сфере демографического развития, интегральная социально-гуманитарная ситуация (особенно в сфере духовно-нравственной) оценивается как кризисная. Кризисные тренды антропологических процессов в регионе охраняют основные негативные интегративные характеристики.

Как известно, Президент России В.В.Путин в Послании Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г. впервые в основном программном документе высшего уровня признал, что «в начале ХХI века мы столкнулись с настоящей демографической и ценностной катастрофой, с настоящим демографическим и ценностным кризисом» (*Путин, 2012*).

В выступлении на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. Президент России сделал вывод о том, что «сегодня нужно признать: полностью переломить негативные демографические тенденции пока нам не удалось, мы только немного отступили от опасной черты утраты национального потенциала» (*Путин, 2013*). Эта оценка в полной мере соответствует антропологической ситуации в регионах Европейского Севера, в том числе и в Республике Коми. Негативные процессы в развитии человеческого потенциала, духовно-нравственном развитии сформировались в регионе (как и в целом в России, по оценке Послания Президента), еще в конце ХХ – начале ХХI века, в период радикальной социетальной трансформации. В наших публикациях мы оценивали социоантрологическую ситуацию этого периода в Республике Коми (с 1997 г.) и России в целом понятием «антропологический кризис» (*Теребихин, 2013, с.147*). К 2012 г., как уже отмечалось выше, произошло смягчение остроты данного антропокризиса. Но вся совокупность форм проявления кризиса сохраняется. Кроме того, по целому ряду важнейших качественных показателей социогуманитарного развития регион занимает в российском «табеле о рангах» рейтинговые позиции, не соответствующие его экономическому потенциалу и уровню экономического развития: 43 место по индексу качества жизни, 55 место по продолжительности жизни населения, 15 место по уровню самоубийств. Республика входит в первую пятерку регионов с самой высокой миграционной убылью населения, в первую десятку «самых пьющих» субъектов России и т.д.

В регионе отмечается существенный разрыв, «ножницы» между уровнем экономического и социально-гуманитарного развития. Так, по интегральному показателю эффективности экономического развития – валовому региональному продукту на душу населения – регион входит в первую десятку субъектов России (4 место, 2012 г.), занимает 22 место в рейтинге регионов по социальному-экономическому положению. При этом, как мы уже отмечали, по продолжительности жизни – важнейшему интегральному показателю качества жизни и

качества развития человеческого потенциала – 55 место и 43 место по интегральному индексу качества жизни.

Как отмечалось в докладе «О развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2013 год», «в регионах Крайнего Севера (Магаданская, Мурманская области, Республика Коми), в Ингушетии лучшая динамика ИЧР (индекс человеческого развития – В.Т.) обусловлена статистической причиной: перепись 2010 г. выявила существенное сокращение численности их населения, поэтому показатели душевого ВРП и охвата образованием выросли (*Доклад о развитии..., 2013, с.149*). Отметим, что по общему индексу человеческого развития, Республика Коми занимает место в первой десятке лучших регионов России (8 место – 2012 г.), но, как было указано выше, за счет высокого индекса дохода (душевого ВРП), одного из 3-х составляющих интегрального индекса человеческого развития.

В республике сохраняется достаточно высокий уровень неудовлетворенности населения функционированием органов исполнительной власти. На заседании Правительства Республики Коми 19 июня 2013 г. отмечалось, что «удовлетворенность населения деятельностью органов исполнительной власти в 2012 г. составила 34% (в 2011 г. – 32%) (*Доклад начальника Управления..., 2013*).

Исходя из перечисленного выше, органам государственной власти республики в контексте осуществления социально-гуманитарной модернизации рекомендуется принять ряд управленческих решений (в дополнении к комплексу других уже осуществляемых и запланированных мер, предусмотренных, в том числе, и в «Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2020 года»)

Разработать и принять ряд концептуальных документов, в том числе «Концепцию модернизации социальной политики Республики Коми до 2020 года» или «Концепцию социальной модернизации Республики Коми», с участием научных учреждений, прежде всего, Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, обладающего высоким научным потенциалом, в том числе в сфере демографических и социальных исследований, научного экспертного сообщества, институтов гражданского общества. Для подготовки концепции целесообразно провести региональную научно-практическую конференцию по проблемам социальной модернизации, а также гражданский Социальный форум Республики Коми с участием Общественной палаты Республики Коми, Коми регионального отделения ООД «Народный фронт «За Россию» и других институтов гражданского общества и органов государственной власти.

По нашему мнению, также актуализируется задача принятия концепций модернизации всех отраслей, сфер и направлений региональной социогуманитарной политики (антропополитики), в том числе: государственной культурной политики, политики духовно-нравственного преображения республики, молодежной политики, государственной семейной политики, гендерной политики, национальной политики, концепции государственной алкогольной политики (или политики дезалкоголизации населения), концепции формирования солидарного общества в Республике Коми, политики развития общественных отношений, государственной информационной политики, политики в сфере реализации прав и свобод, политики повышения репутационного капитала (имид-

жевой политики) Республики Коми и целый ряд других концептуальных документов модернизации социогуманитарной сферы. На основе перечисленных выше концепций необходимо принять стратегии и программы осуществления данных политик.

По нашему мнению, следует принять (с внесением необходимых корректировок) уже разработанные в 2010 г. проекты концепций: системы социальной защиты населения Республики Коми, демографического развития Республики Коми.

По примеру ряда регионов России (Санкт-Петербург, Томская, Белгородская области, Республика Татарстан и ряд других) актуализируется задача разработки «Социального кодекса Республики Коми» и «Социального паспорта Республики Коми» или «Социокультурного паспорта Республики Коми».

В контексте осуществления социальной модернизации республики, необходимо:

- создать эффективный механизм правового регулирования, обеспечивающего реализацию права на достойную жизнь, в том числе: принять законы республики: «О качестве жизни населения Республики Коми» (опыт Ханты-Мансийского АО и ряда других регионов), «Об ответственности органов государственной власти за обеспечение конституционного права граждан на достойную жизнь и свободное развитие»;
- создать механизм практической реализации закона Республики Коми «О согласованном уровне жизни и контроле за его обеспечением» «Субъектами-соисполнителями» реализации данного закона могут быть Общественная палата Республики Коми, Кomi региональное отделение ОД «Народный фронт «За Россию», Молодежный парламент Республики Коми, профсоюзы и другие институты гражданского общества.

Рекомендуется принять ряд мер по модернизации системы управления социальным развитием региона. В этой связи для улучшения координации деятельности социальных министерств, государственных учреждений, социальных организаций некоммерческого сектора и других организаций социальной сферы предлагается создать «Комиссию (совет) по социальному и гуманитарному развитию республики» в составе формирующегося при Главе Республики Коми Совета по стратегическому управлению Республики Коми. При формировании новой структуры Правительства республики (согласно статье 89 Конституции Республики Коми) рекомендуется создать «Управление гуманитарного и социального развития» как штатную структуру Комиссии (совета) по социальному и гуманитарному развитию республики.

Учитывая значимость целей социального развития республики необходимо повысить статус Агентства по социальному развитию, преобразовать его в министерство социального обслуживания населения.

В соответствии с требованием Президента России – «нужно объяснить всегда свою политику» и проекта Главы РК «Полезное государство», для повышения уровня информированности населения об осуществления социальной политики, рекомендуется организовать подготовку комплекса ежегодных государственных социальных (социогуманитарных) докладов Республики Коми, в том числе, доклада «О развитии человеческого потенциала в Республике Коми» (на основе опыта подготовки соответствующих докладов Республики Башкортостан и Пермского края) и других.

Учитывая, что в стратегии развития республики не сформулирована социогуманитарная миссия региона, являющаяся важнейшим компонентом стратегического планирования, автором предлагается возможный комплекс формулировок миссии и характеристик социогуманитарного, интегрального образа Республики Коми:

- Миссия Республики Коми состоит в построении и эффективном функционировании региональной социо-экономико-гуманистической системы инновационного будущего целевориентированной, в соответствии с Конституциями России и Республики Коми, на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека как высшей ценности.

- Миссия Республики Коми заключается в создании комфортной среды проживания и приближения стандартов качества жизни, показателей развития человеческого потенциала к уровню лучших северных регионов России, Северо-Западного федерального округа и, в долгосрочной перспективе, к стандартам качества жизни населения северных и финно-угорских стран мира.

- Миссия Республики Коми состоит в том, чтобы обеспечить статус одного из лучших регионов в Северо-Западном федеральном округе по основным индикаторам качества жизни и качества «качеств населения» и превратиться в территорию, наиболее комфортную для проживания, труда, туризма и отдыха населения, территорию высокого и повышающегося качества жизни для нынешних и будущих поколений на основе социоинновационного устойчивого развития, промышленного роста, повышения конкурентоспособности, ресурсо- и энергосбережения, создания новой системы привлечения инвестиций, способствующей внедрению достижений науки и инноваций в производство.

Достижение миссии предопределется и детерминируется основными стратегическими целями региона, которые формулируют интегральный образ социогуманитарного желаемого образа республики к 100-летию ее государственности.

Как мы полагаем, целевую структуру модели желаемого инновационного образа региона должны составить следующие целеполагающие, целевориентирующие «человекоцентрированные», социогуманитарные установки:

Стратегические цели Республики Коми:

- опережающее развитие человеческого потенциала и повышение качества жизни;

- формирование и эффективное функционирование региональной модели инновационного, устойчивого, «человекоцентрированного», социально-ориентированного, экологически сбалансированного развития на основе использования и укрепления традиционных ресурсных конкурентных преимуществ, эффективной кластерной и научной политики, активизации новых факторов роста, модели, обеспечивающей социоинновационный сценарий социально-экономического развития, отвечающей внешним и внутренним вызовам в долгосрочной перспективе, и выход социоэкономики республики на траекторию устойчивого, качественного социально-экономического роста в интересах населения;

- выдвижения региона в лидеры среди северных регионов Российской Федерации по уровню и росту качества жизни населения, обеспечения современных стандартов материального и духовного благополучия на основе сба-

лансированного, устойчивого развития всех сфер и подсистем жизнедеятельности регионального социума, интенсивного использования конкурентных «возможностей-преимуществ» региона, реализации эффективной промышленной политики, нацеленной на устойчивое развитие традиционных и создание новых отраслей экономики, эффективном государственном управлении и местном самоуправлении, политической и социальной стабильности общества и функционирования бизнеса.

Исходя из сформулированных выше вариантов миссии Республики Коми и приоритетных целеориентирующих установок, представим авторское видение некоторых «образов-перспектив» инновационного социогуманитарного имиджа региона:

- Республика Коми – человекоориентированный, социоустойчивый регион, регион, в котором органами государственной власти и местного самоуправления осуществляется системная работа по всестороннему развитию человека как высшей ценности, «меры всех вещей» на основе эффективной социальной политики, развития культуры, образования, здорового образа жизни, заботы о качестве и уровне жизни, условиях труда и семьях, молодежи и старшем поколении, интеллектуализации и духовно-нравственном развитии населения, реализуются принципы социальной справедливости и социальной сплоченности.

- Республика Коми – регион, в котором созданы условия равных возможностей для самореализации и жизненного успеха каждого жителя республики, независимо от его социального положения, национальной принадлежности, вероисповедания и места жительства.

- Республика Коми – динамично развивающийся, перспективный регион, регион в котором люди являются высшей ценностью, достоянием республики, эффективно реализуют творческий потенциал. Регион, в котором права и свободы человека, семья, стабильность, солидарность, справедливость, порядок безопасность, эффективный труд являются приоритетными ценностями. Регион, основным вектором стратегического развития которого является человеческое счастье.

В регионе в общем контексте осуществления социогуманитарной модернизации актуализируется задача создания системы государственной поддержки развития социальных и гуманитарных наук и исследований: философских, социологических, политологических, культурологических, социально-психологических, социально-антропологических, формирование соответствующих экспертных сообществ.

В этой связи как одну из комплекса необходимых мер можно рекомендовать учреждение премий Главы Республики Коми и Правительства республики имени Питирима Сорокина в области социальных, общественных, гуманитарных наук в общем контексте мероприятий Правительства Республики Коми и оргкомитета по подготовке и проведению мероприятий, посвященных 125-летнему юбилею П.А.Сорокина.

Сформулированные в представляемом научной общественности докладе некоторые научно-практические «идеи-предложения» по осуществлению в регионе социогуманитарной модернизации имеют дискуссионный, предварительный характер. Дальнейшая их проработка потребует более углубленной теоретической рефлексии, солидарных, креативных и скоординированных уси-

лий гуманитарного научного сообщества, гражданского общества и органов государственной власти.

Литература

1. Выступление Президента России В.В.Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/19243>.
2. Доклад начальника Управления государственной гражданской службы Республики Коми О.Ф.Оsipовой о результатах оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти за 2012 год. – URL: <http://uggs.rkomi.ru/left/news/16418/>.
3. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. / Под общей редакцией С.Н.Бобылева. – ООО «РА ИЛЬФ», 2013. – 202 с. – URL: <http://www.undp.ru/documents/NHDR-2013.pdf>.
4. Послание Президента России Федеральному Собранию. – URL: <http://kremlin.ru/news/17118>.
5. Теребихин В.М. Антропополитика – гуманитарная мегаполитика развития человеческого потенциала как цели и условия системной модернизации России: идеи к проектированию концепции // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып.8. /РАН. ИНИОН.; Отв.ред. Ю.С.Пивоваров. – М., 2013. – Ч.1. – С.145-151.

ЭТИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

М.М. Стыров, к.э.н.

ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

К началу XXI в. Россия, как и многие другие страны, добилась немалых успехов в хозяйственном развитии. Уровень благосостояния населения, прогресса науки и техники, государственного социального обеспечения несопоставимо выше того, что наблюдалось всего лишь столетием ранее. Однако мировой кризис 2008 г. подстегнул размышления о несовершенстве современной экономической системы. Еще большую тревогу ученых и общественных деятелей вызывают серьезные проблемы внутри нашей страны: сокращение численности населения, очевидное снижение его нравственно-культурного уровня, огромная неравномерность в материальном обеспечении граждан, неблагополучие семейной жизни, умножение социальных пороков и т.д. Эти явления приводят к пересмотру многих казавшихся бесспорными идеальных основ нашего общественного устройства.

XX в. принес революционные изменения во все стороны бытия человека. Среди важнейших из них назовем секуляризацию общества от религиозных основ жизнеустройства, либерализацию и релятивизацию нравственных и культурных норм (особенно заметно и болезненно – в отношении института семьи), невиданное развитие науки и техники, мощную глобализацию земного сообщества.

Еще одной характерной чертой современности, тесно связанной со всеми перечисленными, стало беспрецедентное возрастание роли экономической со-

ставляющей практически во всех сферах человеческого существования. Еще в начале минувшего века проф. прот. Сергий Булгаков писал по этому поводу: «В жизне- и мироощущении современного человечества к числу наиболее выдающихся черт принадлежит то, что можно назвать экономизмом нашей эпохи... Наше время понимает, чувствует, переживает мир как хозяйство, а мощь человечества как богатство преимущественно в экономическом смысле слова... Наша эпоха любит богатство и верит в него даже больше, чем в человеческую личность» (Булгаков, 1993, с.53-54). А уже в начале XXI академик РАН Е.М.Примаков на вопрос «Что главное сегодня в мировой политике? Что правит миром?» отвечает «Безусловно, экономика» (Примаков, 2013, с.7).

В чем же, собственно, заключается и проявляется этот экономизм?

На наш взгляд, главным выражением его является непомерное и непрерывно усиливающееся стремление современного человека к приобретению и потреблению материальных благ. В литературе и повседневном обиходе эта тенденция обычно именуется «потребительством», а формируемый под ее влиянием уклад жизни – «обществом потребления».

Идейную основу потребительства дает классическая экономическая теория. В этой теории одной из базовых аксиом является утверждение, что главным стимулом человеческой жизни является максимизация полезности, иными словами – увеличение материального потребления.

Доминирующая и всевозрастающая роль «потребительства» в системе ценностей современного общества наглядна и очевидна. Она проявляется, прежде всего, в постоянно увеличивающихся масштабах удовлетворения насущных потребностей в питании и одежде (что не требует особых доказательств и хорошо просматривается в быту, домашних запасах, а также в развитии рознично-торговой сети). Потребительство также проявляет себя в идеино-воспитательных установках, напутствиях и поздравительных пожеланиях, распределении времени активной жизненной деятельности, в провождении досугового времени, в стремлении максимально воспользоваться «благами цивилизации».

Приведем несколько характерных цифр. Лишь за последние пять лет, с 2006 по 2010 г., в расчете на одного человека величина денежных доходов населения России увеличилась на 50%, площадь жилых помещений – на 8%, число поездок в страны дальнего зарубежья – на 71% (в том числе в Египет – в 3,3 раза), наличие мобильных телефонов, компьютеров и приемной телевизионной аппаратуры – в 2,2 раза, число легковых автомобилей – на 35%. Разница в доходах 10% самых богатых и самых бедных граждан достигает 17 раз, по неофициальным оценкам – до 30 раз. Почти две трети (64%) всех преступлений так или иначе связаны с экономической сферой: кража, разбой, грабеж, мошенничество, незаконный оборот наркотиков (Социальное положение, 2011).

Вместе с тем, как из исторических сравнений быта современного человека и представителей предшествующих поколений, так и простого здравого смысла очевидно, что подавляющая часть современного экономического достатка является избыточной, в разы, а то и на порядки превосходит жизненно необходимые потребности.

Болезнь потребительства проявляется не только на уровне экономики домохозяйств, но и в целевых установках государственных программ и стратегий. Так, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Рос-

сийской Федерации на период до 2020 года можно прочитать, что первым по значимости целевым ориентиром развития России является обеспечение высоких стандартов благосостояния человека: «Уровень доходов и качество жизни россиян к 2020 году достигнет показателей, характерных для развитых экономик ... Обобщающий показатель уровня жизни – валовой внутренний продукт на душу населения по паритету покупательной способности – увеличится с 13,9 тыс. \$ в 2007 г. (42% от среднего уровня государств – членов Организации экономического сотрудничества и развития) до более чем 30 тыс. \$ в 2020 г. (70%)». К сожалению, в государственных программах социально-экономического развития проблеме всестороннего – духовного, нравственного, социального и физического – оздоровления человека по-прежнему уделяется недостаточное внимание. Соответственно этому, во многих научных публикациях проходит как аксиома утверждение, что главной задачей развития страны является экономический рост и повышение благосостояния населения, хотя именно такое целеполагание породило в XX в. многочисленные экологические бедствия, истощение запасов полезных ископаемых и других ресурсов, резкое расслоение мира и самих народов по уровню материального достатка

Характерна и трактовка целей деятельности предприятия, которая в Гражданском Кодексе РФ (п.1 статьи 50) звучит как «извлечение прибыли», а в учебной литературе как «максимизация благосостояния собственников» (*Бригхем, Гапенски, 1997, с.75; Боди, Мертон, 2003, с.118*). Столь однобокий взгляд, по-видимому, выступил одной из причин многих наблюдавшихся сейчас экономических диссонансов: непомерных различий в уровне доходов населения, хищнического отношения к природным богатствам, неприемлемых межотраслевых диспропорций, гипертрофированного развития рынка ценных бумаг и его усиливающегося доминирования над реальными производственными процессами, внутрикорпоративных конфликтов и переделов собственности, неустойчивости развития отдельных секторов и хозяйства в целом, выпуска некачественной или избыточной продукции и иных форм обмана покупателей, невыполнения обязательств перед контрагентами и государством и т.д. На наш взгляд, было бы более правильным в первую очередь декларировать цель деятельности предприятия не в обогащении учредителей, а в производстве нужной и полезной обществу продукции (работ, услуг). Второй по значимости задачей предприятия следует считать взаимовыгодное и устойчивое сосуществование со всеми взаимосвязанными сторонами – работниками, партнерами, государством, природной средой. А уже на третьем месте можно поставить получение прибыли, так как при невыполнении первых двух условий оно не может быть морально оправдано. Было бы также корректнее говорить не о «максимизации» благосостояния собственников, а об обеспечении некоторого нормального, приемлемого при имеющихся параметрах инфляции и процентных ставках уровня доходности на вложенный капитал. Ведь, как хорошо известно опытным хозяйственникам, максимизация прибыли почти всегда подразумевает «выжимание соков» изо всех взаимодействующих с предприятием сторон и поэтому является эффективным, но недолговечным императивом. Итак, прибыль – это важное и даже необходимое условие деятельности коммерческого предприятия, но отнюдь не достаточное, поэтому законодательную и научно-учебную формулировку основной цели деятельности предприятия следует подвергнуть пересмотру.

Сущность «общества потребления» особенно ярко проявляется в деятельности средств массовой информации. По этому поводу академик РАО А.С.Запесоцкий пишет: «Формальное отрицание идеологии означает на деле утверждение идеологии главенства частного материального интереса над любыми прочими интересами. Понятия добра и зла в принципе отрицаются как несовместимые с рынком. Рынок якобы знает только две категории: выгодно и невыгодно. Именно эта идеология пропагандируется, насаждается с помощью СМИ. Реклама становится идеологией потребления, своего рода институтом социализации» (*Неэкономические грани*, 2010, с.230-260).

Достаточно очевидно, что главным апологетом рыночной потребительской идеологии жизни сегодня выступает западный постхристианский мир, в первую очередь – США. Приведем в связи с этим характерную цитату из знаменитой книги Наполеона Хилла «Думай и богатей», выдержанную в Америке 42 издания: «Когда вы начинаете думать и, стало быть, богатеть, то неизбежно замечаете, что этому предшествует определенное состояние вашего сознания, решительность намерений и ... небольшое вложение так называемого тяжелого труда. Следовательно, вы должны научиться погружать сознание в состояние, притягивающее богатство... Вы никогда не станете богатым, если не «доведете до кипения» страсть к деньгам» (Хилл, с. 14).

Каковы же духовно-нравственные последствия «потребительства»?

Первое и самое важное из них – снижение нравственного уровня – является очевидным и не требует специальных исследований. По наблюдениям академика РАН В.Л.Макарова, «нынешнее время характеризуется все большим доминированием предпринимательской идеологии. Внушается, что лишь сфера бизнеса производительна, система ценностей и мотивация предпринимателей единственно правильны, остальные должны следовать за ними. Даже знания рассматриваются не как самодостаточная ценность, а как товар, источник экономического роста и получения прибыли». Засилье предпринимательского духа приводит *в сфере образования* – к покупке символов (дипломов и пр.) вместе получения знаний, компетенций, опыта; диктату профессий, приносящих большие деньги; примитивизации сознания; *в здравоохранении* – к расширению спектра алкоголя и наркотиков, распространению поддельных лекарств, навязыванию излишних процедур и операций; *в культуре и искусстве* – игре на низменных чувствах, формировании «клипового сознания», примитивизации (расцвету поп-музыки), созданию виртуальных миров с сомнительными идеалами; *на госслужбе* – к неэффективности, бюрократии и коррупции, доминировании отчета над результатом (Макаров, 2010, с.152-153).

Доминирование идеологии потребительства влечет за собой и расслоение общества. Предпринимательско-потребительский дух присущ изначально не всем социальным группам, но продуцируется в социальном кластере бизнесменов, а уже затем транслируется на все общественное сознание, вследствие чего «остальные социальные группы вынуждены откладывать свои прямые обязанности и зарабатывать деньги, чтобы соответствовать уровню и качеству жизни, диктуемым предпринимательским классом» (Макаров, 2010, с.156, 202).

Помимо упомянутых социальных недугов, наиболее опасные последствия болезнь потребительства несет для самого человека, поскольку хотя *необходи́мые* для жизни материальные ресурсы и являются благом для человека,

но сверхдолжное попечение о них деформирует правильную духовно-телесную иерархию сил и устремлений личности, затмевает высшие духовные и нравственные побуждения.

Так, патриарх Московский и всея Руси Кирилл пишет: «Конечно, первым и важнейшим мотивом развития экономики является материальная заинтересованность человека. Но стремление приумножить личное благосостояние – это не единственный мотив, который должен двигать экономическими отношениями. С точки зрения православной этики, другим таким мотивом является стремление помочь ближнему, желание видеть, что результаты труда приносят пользу не только конкретному человеку, но и стране, обществу. Экономическая система, построенная только на стремлении к наживе, на равнодушии к судьбе человека, на пренебрежении к нравственным нормам, лишена устойчивости и может рухнуть в любой момент» (*Неэкономические грани*, 2010, с.104-133.)

По словам митр. Волоколамского Илариона, «жадность, ложь и гордыня, неправедно возводя человека на пьедестал экономической успешности, низводят его душу в ад... Человек, убежденный, что экономическая деятельность должна быть свободна от нравственных императивов, делает богатство и проистекающую из него власть самоцелью, применяет в качестве способов достижения своих эгоистических целей ложь, обман, эксплуатирует людские пороки и низменные инстинкты» (митр. Иларион, 2011).

Итак, представители разных слоев общества, науки и духовенства, единодушно констатируют засилье потребительской идеологии и ее пагубность для человека. Вместе с тем, признавая весьма тяжелый и масштабный характер болезни потребительства, не следует говорить о ее тотальном или необратимом характере. Простые наблюдения свидетельствуют, что очень многие рядовые граждане и должностные лица как минимум не участвуют, а некоторые – и активно противодействуют культу богатства, проповедуя словом и личным примером идеал «довольствования малым», создавая и помогая обществам милосердия и благотворительным фондам.

Огромным достижением, на наш взгляд, является уже само осознание обществом своего недуга «потребительства», которое с обнадеживающим единодушием проявляется в частных высказываниях, общественных дискуссиях, а также научной мысли. В качестве примеров последней назовем сборники научных трудов под ред. академика РАН О.Т.Богомолова (*Неэкономические грани*, 2010; *Экономика и общественная среда*, 2008), а также работы А.И.Агеева, С.Ю.Глазьева, В.Ю.Катасонова, Б.Н.Кузыка, Д.С.Львова, В.Л.Макарова, игумена Филиппа (Симонова), Ю.В.Яковца, В.И.Якунина и других видных отечественных ученых. Общий пафос современной научно-общественной мысли заключается в том, что «идеология, религия напрямую влияет на производительность и эффективность экономики. Главное – жить по правде, тогда богатство и процветание придут. Рассмотрение экономической свободы как главного фактора хозяйственного развития, при бездуховности способно разрушить общество» (Макаров, 2010, с.234-235).

Определенные позитивные сдвиги происходят и в государственно-политическом мышлении. В качестве целей общественного развития все чаще декларируется не узко-вульгарное «увеличение потребления», а более широко понимаемое «благополучие» (well-being), которое не сводится только к материальному благосостоянию (welfare), но предполагает также доступность духов-

но-культурных ценностей, экологическую безопасность, полноценное человеческое общение, самореализацию личности (*Экономика и общественная среда*, 2008, с.298).

Лучшие представители предпринимательских кругов также демонстрируют понимание пагубности культа богатства и стремятся выстраивать стратегию своей хозяйственной деятельности в соответствии с концепцией «социальной ответственности бизнеса», публикуют статьи о необходимости морали в бизнесе (*Экономика и общественная среда*, 2008, с.422), создают общественные объединения соответствующей направленности, такие как Клуб православных предпринимателей. Хорошим примером правильного отношения к управлению предприятием является Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании, принятый в 2004 г. на VIII Всемирном Русском Народном Соборе, который предлагается для добровольного принятия руководителям предприятий и коммерческих структур, предпринимателям и их сообществам, работникам, профсоюзам и всем другим участникам экономических процессов, в том числе государственным органам и общественным объединениям, вовлеченным в хозяйствование. Приведем его основные положения:

I. Не забывая о хлебе насущном, нужно помнить о духовном смысле жизни. Не забывая о личном благе, нужно заботиться о благе ближнего, благе общества и Отчизны.

II. Богатство – не самоцель. Оно должно служить созиданию достойной жизни человека и народа.

III. Культура деловых отношений, верность данному слову помогает стать лучше и человеку, и экономике.

IV. Человек – не «постоянно работающий механизм». Ему нужно время для отдыха, духовной жизни, творческого развития.

V. Государство, общество, бизнес должны вместе заботиться о достойной жизни тружеников, а тем более о тех, кто не может заработать себе на хлеб. Хозяйствование – это социально ответственный вид деятельности.

VI. Работа не должна убивать и калечить человека.

VII. Политическая власть и власть экономическая должны быть разделены. Участие бизнеса в политике, его воздействие на общественное мнение может быть только прозрачным и открытым.

VIII. Присваивая чужое имущество, пренебрегая имуществом общим, не давая работнику за труд, обманывая партнера, человек преступает нравственный закон, вредит обществу и себе.

IX. В конкурентной борьбе нельзя употреблять ложь и оскорблении, эксплуатировать порок и инстинкты.

X. Нужно уважать институт собственности, право владеть и распоряжаться имуществом. Безнравственно завидовать благополучию ближнего, посягать на его собственность.

Итак, преодоление болезни «потребительства» как одной из ключевых проблем современной экономики всецело зависит от нравственного выбора и решительности каждого человека, поэтому представляется вполне посильной задачей для российского общества.

Литература

1. Боди З., Мертон Р. Финансы / Пер. с англ. – М.: Изд. дом «Вильямс», 2003.

2. Бригхем Ю., Гапенски Л. Финансовый менеджмент. Полный курс. В-2-х тт. Т.1. – Спб.: Экономическая школа, 1997.
3. Иларион, митр. Волоколамский. Духовно-нравственные аспекты современного экономического кризиса. – 2011. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/1668557.html>
4. Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. – М.: Бизнес Атлас, 2010.
5. Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / Рук. междисципл. проекта и научн. ред. О.Т.Богомолов, рук. междисципл. проекта Б.Н.Кузык. – М.: Институт экономических стратегий, 2010.
6. Примаков Е.М. Аморальная политика недолговечна // Наука Урала. – 2013, №3(1072).
7. Сергей Булгаков, прот., проф. Философия хозяйства // Собрание сочинений в двух томах. Т.1. – М.: «Наука», 1993.
8. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011: Стат.сб. / Росстат – М., 2011.
9. Хилл Н. Думай и богатей. – URL: <http://parfumfm.nethouse.ru/static/doc/0000/0000/0020/20418.izhbzqqce4.pdf>. С.14
10. Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки / Рук. исслед. проекта, научн. ред. О.Т.Богомолов. – М.: Институт экономических стратегий, 2008.

Содержание

Милохин Д.В. Демографические аспекты модернизации колхозной деревни Коми АССР в 1930-е – 1960 гг.....	3
Терентьев В.В., Пономарева А.С. Социально-экономические проблемы воспроизводства населения и трудовых ресурсов периферийных сельских районов Республики Коми.....	8
Безносова Н.П. Формирование сети городских поселений и динамика численности городского населения Коми АССР на завершающем этапе экстенсивной урбанизации: 1960-1980 годы.....	14
Денисов Е.А. Современные проблемы социально-экономического развития городов Печорской магистрали.....	20
Фаузер В.В., Смирнов А.В. Методологические подходы к определению демографической емкости Севера и Арктики.....	27
Назарова И.Г., Фаузер В.В. Государственное регулирование миграционных процессов.....	33
Фаузер В.В., Фаузер Г.Н. Миграционные установки студентов вузов Республики Коми.....	36
Барашкова А.С. Установки населения северного региона в области брачно-семейных отношений: поколенческий подход.....	41
Королева М.А. Репродуктивное поведение населения как актуальная область демографических исследований.....	46
Попова Л.А., Барашкова А.С. Проблемы разводимости населения на Севере России.....	52
Лыткина Т.С. Материнская семья: распределение ролей и отношения мужчин и женщин в российских семьях.....	58
Бубличенко В.Н. Деятельность органов власти Коми автономной области при ликвидации беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних в 1920-е годы.....	62
Сукнёва С.А. Демографические процессы в Арктической зоне Республики Саха (Якутия).....	68
Попова Л.А., Сукнёва С.А. Особенности смертности населения в северных регионах России.....	74
Туманова Д.В. Смертность в трудоспособном возрасте в Республике Саха (Якутия).....	81
Кондакова Н.А. Тенденции и социально-экономические последствия ухудшения здоровья младшего поколения.....	85

Корчагина П.С. Типологизация населения по особенностям самосохранительного поведения.....	92
--	----

Кузьмин А.И. Влияние демографических факторов на бюджет времени занятого и неработающего населения.....	99
Мухачева С.В. Социально-экономическое неравенство населения региона в условиях стагнации экономики.....	105
Журавлев Н.Ю. Методы оценки трудового потенциала региона: обзор практики применения.....	112
Терентьева М.А. Образовательная структура населения Республики Коми: особенности и динамика.....	119
Попова Л.А., Зорина Е.Н. Социальные проблемы пожилых людей.....	127
Тихомирова В.В. Динамика структурных изменений потребителей социальной поддержки населения северных регионов.....	133
Колечков Д.В. Долгосрочный прогноз развития мощностей учреждений социальной сферы на Севере России.....	141
Теребихин В.М. Социально-гуманитарная модернизация северного региона: научно-практические аспекты (на примере Республики Коми)....	147
Стыров М.М. Этические и гуманитарные проблемы современных экономических процессов.....	153
Содержание.....	160

Научное издание

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции

24-25 декабря 2013 г.

г. Сыктывкар

Часть II

Рекомендовано к изданию ученым советом
Института социально-экономических
и энергетических проблем Севера
Коми НЦ УрО РАН

Редактор Л.А. Попова
Оригинал-макет – И.А. Матлах

Подписано в печать 21 ноября 2013 г. Формат 60x84/16.
Печать ризографическая. Бумага офсетная.
Усл.п.л. 10,0. Заказ №354. Тираж 100 экз.

Отпечатано в ИПО СыктГУ.
167001, Сыктывкар, Морозова, 25

Институт организован в 1988 г. и является преемником промышленно-экономического сектора (1949-1953 гг.), Отдела экономики (1953-1988 гг.), Отдела энергетики (1953-1998 гг.) и Института экономических и социальных проблем Севера (1988-1998 гг.). В составе института функционируют 7 лабораторий, в которых работают 74 человека, в том числе 48 научных сотрудников, из них 1 член-корреспондент РАН, д.г.н., профессор В.Н. Лаженцев, доктора наук: В.А. Иванов, д.э.н., профессор, Э.С. Куратова, д.э.н., Л.А. Попова, д.э.н., С.Л. Садов, д.э.н., В.В. Фаузер, д.э.н., профессор, Ю.Я. Чукреев, д.т.н. и 29 кандидатов наук.

Интеграция науки и образования способствовала созданию эффективной системы подготовки кадров через базовые кафедры социально-экономического и энергетического профилей в Сыктывкарском государственном университете и Сыктывкарском лесном институте и через аспирантуру Коми научного центра УрО РАН по трем специальностям.

Институт развивает совместные исследования с учреждениями РАН, взаимодействует с ведущими научными центрами России, ближнего и дальнего зарубежья. Организует и проводит всероссийские и международные конференции и симпозиумы по комплексным проблемам развития производительных сил, проблемам системной организации и надежности энергетики, социально-экономическим отношениям в районах Севера.

Основные направления научной деятельности:

- ❖ Демография, экономика народонаселения, социальная политика в северных районах России;
- ❖ Стратегия развития и размещения производительных сил, природно-ресурсная экономика, индикативное планирование и мониторинг развития хозяйства северных регионов;
- ❖ Системные исследования энергетики районов Севера, теория и методы обеспечения надежности и эффективности региональных энергосистем в условиях Севера.

**РАБОЧАЯ КОМИССИЯ
ПО ПОДГОТОВКЕ И ПРОВЕДЕНИЮ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
"СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОРИ-
ЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ",
ПОСВЯЩЕННОЙ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.П. ПОДОПЛЕЛОВА**

Асхабов А.М., академик РАН, Председатель Президиума Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

Жеребцов И.Л., д.и.н., директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

Жиделева В.В., д.э.н., директор Сыктывкарского лесного института.

Залевский В.А., д.э.н., проректор Сыктывкарского государственного университета.

Козлов С.Н., начальник Управления Республики Коми по занятости населения.

Кудинова М.Ю., руководитель Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми.

Лаженцев В.В., член-корреспондент РАН, Советник РАН, главный научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

Попов А.А., д.и.н., заведующий отделом Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

Попова Л.А., д.э.н., заместитель директора Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

Рошевский М.П., академик РАН, Советник РАН, главный научный сотрудник лаборатории сравнительной кардиологии Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

Тукмаков В.А., заместитель Главы Республики Коми, министр финансов Республики Коми.

Фаузер В.В., д.э.н., руководитель отдела Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

Фридман А.В., министр экономического развития Республики Коми.

Чукреев Ю.Я., д.т.н., директор Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

Цхадая Н.Д., д.т.н., ректор Ухтинского государственного технического университета.